Санкт-Петербургская государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова

С. М. Ляпунов

Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами

Вступительная статья, расшифровка рукописи, комментирование, подготовка к публикации
И. Б. Тепловой

Санкт-Петербург
2015

УДК 39. 398.8
ББК 82.3 (4Рос)
Л 975

Рецензенты:

З. М. Гусейнова, доктор искусствоведения, профессор
О. В. Онегина, кандидат искусствоведения, доцент
Е. С. Редькова, кандидат искусствоведения, доцент

Научный редактор – Г. В. Лобкова,
кандидат искусствоведения, доцент

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Л 975 Ляпунов, С. М.

Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами / С. М. Ляпунов ; Вступ. ст., расшифровка рукописи, коммент., подг. к публ. И. Б. Тепло-вой. – СПб.: [издательство], 2015. – 230 с. ил., нот.

«Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами» С. М. Ляпунова раскрывает личность композитора как собирателя народных песен и ревнителя русской культуры. В нем содержатся описания северной архитектуры, православных традиций, крестьянской жизни, впечатлений, связанных с исполнением народных песен и инструментальных наигрышей. Дополнением «Дневника путешествия» является «Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 году». Во вступительной статье рассматривается деятельность композитора в качестве члена-сотрудника Песенной комиссии ИРГО, дается научная оценка результатов экспедиции в сопоставлении с современными фольклорными материалами. Публикуются экспедиционные фотографии 1893 года из ОР РНБ. Издание адресовано специалистам в области музыкознания и фольклористики, а также всем интересующимся историей русской культуры конца XIX века.

Оригинал-макет – Г. Н. Щупак

Компьютерная обработка иллюстраций,
оформление обложки – С. В. Булкин

ISBN 978-5-98620-158-0

© Теплова И. Б., 2015
© Санкт-Петербургская
государственная консерватория
имени Н. А. Римского-Корсакова, 2015

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛЯПУНОВ –
СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Мы только тогда начинаем ценить и понимать настоящее, когда оно отодвигается от нас вглубь прошедшего.

С. М. Ляпунов[1]

С. М. Ляпунов – сотрудник Песенной комиссии Императорского Русского географического общества

Сергей Михайлович Ляпунов – русский музыкальный деятель, многогранно раскрывший свои дарования в качестве композитора, дирижера, пианиста, музыковеда, фольклориста, члена Русского музыкального общества, члена-сотрудника Песенной комиссии Императорского Русского географического общества, профессора Санкт-Петербургской консерватории[2]. Творческая судьба этого замечательного музыканта связана с важным периодом в русской музыкальной культуре рубежа XIX–XX веков.

Обширное наследие композитора еще не изучено в полной мере[3]. Среди авторов, исследовавших творческий путь и музыкальный стиль композитора – А. С. Ляпунова, М. Е. Шифман, О. В. Онегина[4]. В прошлом личность С. М. Ляпунова и его музыкальное наследие рассматривались, как правило, в контексте композиторской деятельности его современников. На родство художественных натур С. М. Ляпунова и М. А. Балакирева указывал В. В. Стасов: «Из всех композиторов последнего периода XIX века всего более примыкает к Балакиреву по характеру своего музыкального творчества – Ляпунов. Это талант совершенно самостоятельный и ничуть не подражающий Балакиреву и не повторяющий его творений, но некоторые стороны его натуры име-

ют значительное сродство с натурой Балакирева» [Стасов, 1952, с. 742]. М. А. Балакирев являлся наставником и искренним другом Ляпунова, начиная с 1883 года и до последних дней жизни. Во многом именно благодаря М. А. Балакиреву важные страницы жизни С. М. Ляпунова как композитора и общественного деятеля были связаны с обращением к русской народной музыкальной культуре.

Деятельность С. М. Ляпунова, касающаяся изучения музыкального фольклора, недостаточно хорошо известна специалистам в области музыкознания и музыкальной фольклористики. Исследованию этой части творческого наследия Ляпунова положила начало А. С. Ляпунова[5], составившая опись архива композитора, подготовившая к переизданию сборники его обработок народных песен [Ляпунов, 1963] и изучавшая материалы, посвященные проблеме использования фольклора в творчестве композитора [Ляпунова, 1963, с. 5–6].

«Композитор Сергей Михайлович Ляпунов <…> был выдающимся собирателем русских народных песен», – отмечала А. С. Ляпунова в предисловии к сборнику «Русские народные песни» [Ляпунова, 1963, с. 3]. В этой эмоциональной характеристике – не только дань дочернего уважения и глубокой любви к отцу, своему первому учителю, но и понимание роли композитора Ляпунова в истории русской музыкальной фольклористики. Внимание к народной музыке, собирательская практика были значимы для профессиональной деятельности С. М. Ляпунова-композитора[6], педагога, а также определили важные вехи развития фольклористики как науки.

С. М. Ляпунов принял участие во второй научной экспедиции Песенной комиссии ИРГО в 1893 году. Именно М. А. Балакирев, будучи научным консультантом Песенной комиссии ИРГО, рекомендовал пригласить С. М. Ляпунова в состав экспедиции в качестве музыканта, способного полноценно записывать напевы народных песен. Обязанность записи поэтических текстов возлагалась на Ф. М. Истомина[7]. Экспедиции предстояло преодолеть путь, охватывающий четыре губернии в период с июня по сентябрь 1893 года. Первоначально планировалось работать в Вологодской, Вятской, Костромской, Ярославской и Тверской губерниях. Однако сложные дорожные и погодные условия, а также дефицит времени не позволили осуществить этот замысел во всей полноте.

Экспедиция завершилась в Костромской губернии, Ярославская и Тверская губернии остались лишь в проекте.

Основным результатом этой поездки стали записи народных песен, оригиналы нотаций которых сохранились в «Записных книжках» С. М. Ляпунова № 7[8], 9[9], 10[10], 11[11], 12[12]. Кроме того, большую документальную ценность имеют выполненные композитором совместно с Ф. М. Истоминым фотографии[13], на которых запечатлены храмы, монастыри (часть из них в наше время уже утрачена), пейзажи местностей, где производились записи, портреты народных исполнителей.

Настоящее издание представляет собой первую публикацию «Дневника путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами»[14] на основе автографа С. М. Ляпунова, хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

Рукопись «Дневника путешествия» представляет собой тетрадь в картонном переплете, размером 19 × 22 сантиметров. Документ имеет авторскую пагинацию и содержит 81 лист. Листы 43–47 об., 66–68 об. не заполнены. Записи в тетради производились карандашом. Почерк можно определить как устойчивую скоропись. Для особенностей оформления текста характерно написание дат с заглавной буквы, выделение подчеркиванием географических пунктов (вероятно, автор желал зафиксировать на них внимание). В тексте практически не выделены абзацы. По-видимому, причиной тому может являться поспешность заполнения «Дневника путешествия». Рукопись составлялась С. М. Ляпуновым с 6 июня по 8 сентября 1893 года непосредственно в полевых условиях экспедиции. Собиратель регулярно и настойчиво оставлял в «Дневнике путешествия» заметки и свои размышления об увиденном, несмотря на долгие и утомительные переезды, каждодневную напряженную работу, связанную с поиском народных исполнителей, записью музыкального материала.

Публикуемая рукопись Ляпунова может рассматриваться в жанре путевых заметок[15]. В то же время содержание «Дневника путешествия» выходит за пределы только лишь хроники событий путешествия. Это – уникальная в своем роде серия историко-этнографических очерков, посвященных народной культуре, музыкальным впечатлениям, заметкам об увиденном и пережитом

во время нелегкой поездки летом 1893 года по отдаленным местностям северной части Российской Империи. Текст «Дневника путешествия» отражает взгляд неравнодушного, наблюдательного, заинтересованного в происходящем человека. «Дневник путешествия», безусловно, имеет также и научное значение как важный документальный источник, описывающий культурную традицию русской провинции конца XIX века.

К моменту экспедиции С. М. Ляпунов сформировался как музыкант с разнообразными профессиональными интересами. Переехав в 1885 году из Москвы в Петербург через несколько лет после окончания Московской консерватории с малой золотой медалью[16], молодой музыкант с увлечением погружается в профессиональное и дружеское общение с В. В. Стасовым, М. А. Балакиревым и его единомышленниками. В начале 1890-х годов Ляпунов уже известен в Петербурге как композитор[17].

Творческий багаж С. М. Ляпунова включал сочинения разных жанров: фортепианные пьесы, Симфонию h-moll (1887), Балладу (Увертюру) cis-moll (сочинялась в 1883 и 1894–1896), Концерт для фортепиано с оркестром es-moll (1890). Первое исполнение его произведений состоялось в концертах Бесплатной музыкальной школы (под управлением М. А. Балакирева) и в одном из «Русских симфонических концертов» (под управлением Н. А. Римского-Корсакова).

В 1880–1890-х годах окончательно сложился и круг музыкальных предпочтений С. М. Ляпунова – русская («новая русская школа»), западноевропейская музыка (в частности, произведения Ф. Листа) и народная песня. Самые ранние записи народных песен, сделанные молодым музыкантом в имении Сеченовых[18] Теплый Стан (Курмышский уезд Симбирской губернии), относятся, вероятно, уже к концу 1870-х гг. Позже композитор записывал песни в имении своих родителей Болобоново (Курмышский уезд Симбирской губернии), а также в имении Касьяновых[19] Лебедево (Макарьевский уезд Нижегородской губернии) и в других местах [Ляпунова, 1963, с. 4].

Свидетельством интереса композитора к музыкальному фольклору является составленный А. С. Ляпуновой рукописный каталог находившихся в библиотеке С. М. Ляпунова сборников песен разных народов (малороссийских, польских, болгарских, сербских, словацких, лужско-словенских, моравских, чешских,

хорватских, черногорских, венгерских, мадьярских, греческих, итальянских, французских, финских, арабских, индийских, американских индейцев и пр.). Незаконченный каталог включает 859 наименований[20]. Состав библиотеки свидетельствует о широкой эрудиции и глубоком профессиональном интересе композитора к разнообразным фольклорным источникам.

В 1892 году М. А. Балакирев и Т. И. Филиппов[21] привлекли молодого музыканта к работе в Этнографическом отделении ИРГО. Спустя год С. М. Ляпунов получил официальный статус члена-сотрудника, занимался рецензированием музыкальных материалов, сборников песен, поступающих в Песенную комиссию ИРГО. Важное значение имела работа по редактированию сборника из серии публикаций, запланированных Песенной комиссией ИРГО. Сборник «Песни русского народа»[22] был составлен по результатам первой научной экспедиции 1886 года Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша в Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии. Г. О. Дютш[23], автор нотаций песен, вошедших в сборник, не успел завершить подготовку материалов к публикации, и эта работа была передана С. М. Ляпунову. Изданный в 1894 году сборник включал народные песни разных жанров, впервые представлявшие севернорусскую традицию в ее подлинном виде (в том числе и эпические напевы).

Публикация была встречена современниками с большим интересом. В письме профессора истории музыки Парижской консерватории Луи Альбера Бурго-Дюкудре[24] С. М. Ляпунову от 27 января 1895 года содержится высокая оценка этого издания, полученного им из России: «После прекрасного сборника Балакирева и Римского-Корсакова я не ожидал встретить в этом новом томе столько неподозреваемых сокровищ» [Филиппов, 1896, с. 219].

Активная работа в Песенной комиссии ИРГО, практика редактирования фольклорных материалов и первые опыты собственной собирательской работы позволили композитору приобрести представления о жанровых свойствах и особенностях бытования народных песен. «В этот период наиболее последовательно и систематически проявились его взгляды на русскую народную песню, методы ее отбора и записи», – отмечала А. С. Ляпунова [Ляпунова, 1963, с. 4]. Накопленный музыкантом опыт способствовал разработке специального «Вопросного листа по собиранию сведений о русских народных песнях»[25]. С помощью такого

«Вопросного листа» предполагалось получать информацию об особенностях бытования песен различных жанров, о музыкальных инструментах, а также рекомендации о наиболее благоприятном времени для работы экспедиции. Среди рекомендаций подготовленной С. М. Ляпуновым анкеты имеются следующие: указание местности (села или деревни), где сохранились песни, «с обозначением, какой именно род песен преобладает в каждой из них»[26], имен и местожительства старожилов, «помнящих старинные песни, былины или духовные стихи». Анкета также включала пожелания «сообщить тексты некоторых песен, былин или духовных стихов для предварительного с ними ознакомления»[27].

«Объяснительная записка к вопросному листу»[28] разъясняла и помогала наиболее точно сформулировать ответы на поставленные вопросы. Стремление к установлению контактов в уездной и губернской среде, понимание большого научного и художественного значения, которое может иметь «удачно собранный песенный материал», вызвало обращение С. М. Ляпунова от имени Песенной комиссии ИРГО в губернские и уездные земские управы, в учреждения по исследованию местной старины, к земским начальникам, в уездные училищные советы, к учителям народных школ, сельским священникам.

В обращении С. М. Ляпунов писал: «С высочайшего Его Императорского Величества соизволения Песенная Комиссия Императорского Русского Географического Общества приступила к снаряжению экспедиций для записывания песен непосредственно с голосов народа, озабочиваясь сохранением живущих еще в народе остатков его песенного творчества. Ввиду этого, для обеспечения успеха предполагаемых экспедиций, Песенная Комиссия обращается к Вам с просьбой ответить на прилагаемом при сем вопросном листе возможно подробно на все помещенные в нем вопросы. Вместе с тем, ввиду высокого научно-этнографического и художественного значения, которое может иметь удачно собранный песенный материал, Песенная Комиссия просит Вас со своей стороны указать, какие меры признаете Вы наиболее целесообразными для достижения лучшего успеха предпринятому делу в Вашей местности независимо от предложенных при сем вопросов»[29].

Логическим продолжением сотрудничества композитора с Песенной комиссией стало его участие во второй научной экспеди-

ции ИРГО совместно с Ф. М. Истоминым. Итогом поездки стала публикация сборника «Песни русского народа собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году»[30], а также научный отчет об экспедиции, который был прочитан спустя год на заседании Этнографического отделения ИРГО [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 331–354] [31].

В сборнике содержатся поэтические тексты и напевы без сопровождения (всего 165 образцов), аналитическое обобщение результатов работы экспедиции, приведенное в предисловии. В составе сборника семь разделов, которые представляют различные жанровые группы песен и, в свою очередь, включают в себя подразделы: I – «Духовные стихи»; II – «Былины»; III – «Коляда»; IV – «Причеты» («Свадебные», «Рекрутские», «Похоронные»); V – «Свадебные» («На сговорах», «На смотреньи», «На девишнике», «Как по невесту приедут», «После венца», «Во время красного стола», «Величальные»); VI – «Песни хороводные, плясовые, праздничные, обрядовые» («Хороводные», «Плясовые», «Троицкие», «Ивановская», «Сенокосная», «Помочанская», «Рождественские», «Святочные», «Масленичная»); VII – «Песни протяжные» («Любовные», «Семейные», «Рекрутские и воинские», «Разбойничья», «Тюремные»). Научный аппарат издания включает несколько перечней: «Указатель местностей с обозначением певцов и певиц, пропевших вошедшие в сборник песни», «Список местностей, где записывались песни, с обозначением времени их посещения», «Алфавитный указатель к песням». В целом, структура издания повторяет ранее опубликованный сборник из серии «Песни русского народа» (1894), который был первым научным изданием материалов экспедиции Песенной комиссии ИРГО.

«Дневник путешествия» С. М. Ляпунова как источник сведений о народной традиционной культуре

«Дневник путешествия» можно рассматривать как важный источник историко-этнографических материалов о традиционной культуре и ее состоянии в конце XIX века. Он включает экскурсы в русскую историю, описания архитектуры, этнографию народного быта, характеристики впечатлений, связанных с исполнением народных песен, размышления о настоящем и будущем крестьян-

ской культуры. Описания культурного ландшафта трех российских губерний, картины традиционной жизни русского крестьянства отражают многосторонние интересы музыканта и изложены живым литературным слогом.

Маршрут экспедиции

В «Дневнике путешествия» повествование, посвященное экспедиционному маршруту, выстроено в хронологическом порядке. Лаконичные записи С. М. Ляпунов делал практически в каждом населенном пункте. Рукопись состоит из 17 разделов, озаглавленных автором: [1.][32] Село Кубенское (Кубено); [2.] Кубенское озеро; 3. Тотемский уезд (Кокшеньга); 4. Архангельск; 5. От Архангельска до Черевково; 6. Красноборск и Сольвычегодск; 7. Великий Устюг; 8. По дороге в Никольск; 9. Никольск; 10. Вологодская губерния; 11. Орлово. Вятская губ[ерния]; 12. Вятка; 13. По Вятской губернии[33]; 14. Вятская губерния; 15. Ветлуга; 16. От Ветлуги до Макарьева; [17]. От Макарьево до Костромы.

Композитор не оставил своих распоряжений относительно «судьбы» «Дневника путешествия». Неизвестно, хотел ли Ляпунов опубликовать его и сделать описание путешествия доступным широкому кругу читателей. Можно лишь предположить, что такие намерения имели место, так как автор структурировал текст, выделил разделы, дал им наименования, стремился к тому, чтобы повествование соотносилось с реальным временем и маршрутом экспедиции. Но были и исключения, когда материал, не вошедший в описание конкретного дня работы экспедиции, фиксировался в более позднее время[34]. Таким образом, складывается впечатление, что выделяемые Ляпуновым разделы представлялись ему в виде определенного последования глав. Однако первоначальным и основным мотивом создания «Дневника путешествия» можно считать желание прежде всего сохранить в собственной памяти стремительно сменяющие друг друга дорожные впечатления, встречи, которые глубоко затрагивали ум и сердце автора. Страницы рукописи отличают как объективный тон хроники-повествования, так и, порой, субъективный характер целого ряда оценок, в первую очередь касающихся главной цели поездки – записи народных песен. Стремление получить как можно более полный и убедительный результат – зафиксировать старинные напевы, среди которых предметом специальных поисков были былины и духовные

стихи, – иногда входило в противоречие с реальными обстоятельствами, в которых оказывались собиратели, с недооценкой С. М. Ляпуновым значимости выполняемой работы для музыкальной фольклористики, в то время еще только формировавшейся как научное направление.

События, связанные с экспедиционными исследованиями, проходившими по территории Вологодской губернии, нашли отображение в очерках с [1] по 10; по территории Вятской губернии – с 11 по 14; по территории Костромской губернии – с 15 по [17].

Экспедиция обследовала 14 волостей в 5 уездах (Великоустюжском, Вельском, Вологодском, Никольском, Сольвычегодском) Вологодской губернии; 8 волостей в 5 уездах (Вятском, Котельничском, Нолинском, Орловском, Яранском) Вятской губернии; 6 волостей в 5 уездах (Варнавинском, Ветлужском, Кинешемском, Кологривском, Макарьевском) Костромской губернии. В Вологодской губернии – 21 населенный пункт, в Вятской – 10, в Костромской – 6. С. М. Ляпунов и Ф. М. Истомин в общей сложности преодолели 2600 верст, побывав в 37 населенных пунктах [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 333].

Вторая научная экспедиция Песенной комиссии ИРГО (1893 г.), как и первая (1886 г.), снаряжалась на средства, выделенные из государственной казны и осуществлялась под знаком покровительства Императорского двора[35].

На долю участников экспедиции пришлись немалые испытания – август 1893 года отличался бесконечными дождями, которые приводили дорогу в состояние абсолютной негодности. Сообщения о трудностях пути, дорожных происшествиях нередко являлись предметом описаний С. М. Ляпунова. В селе Никола-Торжок Макарьевского уезда С. М. Ляпунов отмечал: «*Вследствие беспрерывных дождей все дороги были размыты и часто приходилось ехать сплошь по воде*»[36]. Экспедиционеров регулярно подстерегали неприятности, связанные с многократными поломками тарантаса на протяжении всего пути следования. Так, в Вологодской губернии, «*не доезжая 4-х верст до Никольска, мы опять подвергнулись неприятной случайности: сломалось колесо*»[37]. В записях из города Судиславля Костромской губернии собиратель отмечает: «*Когда приехали в Судиславль, то оказалось, что другое колесо нашего тарантаса имеет только ½ обода и шипа. Как оно докатилось до места – непонятно*»[38]. Опасное происшествие произошло и на до-

рогах Вятской губернии: «…*не доезжая версты четыре до Яранска, наш тарантас опрокинулся от сломавшегося колеса*»[39].

Следует отдать должное мужеству, с которым Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов настойчиво преодолевали многочисленные дорожные препятствия. «Дневник путешествия» содержит весьма драматичные описания опасных речных переправ через Северную Двину, Вятку, Унжу: «*Двина бушевала; поднялся ветер, и вся река поднялась валами и белыми пенистыми хребтами. Нас укрыли в тарантас так, что я едва не задохнулся. Переезд совершался крайне медленно, не менее двух часов*»[40].

Вместе с тем, в тексте иногда проглядывает и довольно ироничное отношение к непредвиденным дорожным ситуациям. Таково описание переправы через реку Унжу в Костромской губернии: «*Ямщик начал кричать перевозчикам, чтобы давали перевоз. Вследствие безуспешности его крика, к нему присоединились и мы, но на наш крик никто не откликался. <…> мы продолжали свой вокальный концерт. После полуторачасового кричания, продрогшие от сырости и холода, мы, наконец, услышали ответный крик и вслед за тем показался движущийся на пароме фонарь*»[41].

Этнографические замечания

Этнографические описания в «Дневнике путешествия» касаются крестьянской архитектуры, устройства избы, традиционного костюма, народных ремесел, свадебного обряда, способов земледелия.

Значительная протяженность экспедиционного маршрута позволила его участникам наблюдать разнообразные виды организации деревенского пространства (топографии местности). Так, в деревне Черевково Сольвычегодского уезда Вологодской губернии С. М. Ляпунов обратил внимание на своеобразное расположение изб: «*Такого расположения я еще нигде не видал: избы по одиночке разбросаны по полю в беспорядке и каждая окружена посевами: все расположены на значительном расстоянии одна от другой, разгорожены пряслом или плетнем*»[42]. По мнению путешественника, именно местоположением объяснялось на первый взгляд беспорядочное расположение изб в селе Нижняя Тойма Сольвычегодского уезда: «*Деревня была расположена в таком беспорядке, что я долго прогулял по ней <…> Избы жмутся друг*

к другу почти вплотную и фасадом обращены в разные стороны. Это вызывалось местоположением, так как вся окружающая деревню местность затоплялась весною»[43].

Предметом внимания становится устройство крестьянской избы, имеющее различия в разных губерниях: «*В Устюжском уезде я обратил внимание на устройство изб, существенно отличающееся от других уездов. Здесь изба по постройке стала подходить к избам средней полосы России. Они не так велики, как в Вологодском и Тотемском уездах*»[44].

На страницах «Дневника путешествия» можно найти также обстоятельное описание крестьянской избы в деревнях, располагающихся неподалеку от озера Кубенского, и в других местностях Вологодского уезда: «*Очень оригинальны избы своей постройкою. Почти все они двухэтажные; вы входите в сени, разделяющие переднюю избу от задней; в нижнем этаже первой избы, выходящей на улицу, находится кладовая, имеющая вход с улицы или сбоку. В сенях вы поднимаетесь по лестнице и входите в теплую избу над кладовой. Расположение ее, в общем, похоже на избы средней полосы России, только гораздо просторнее <…> По другую сторону сеней находится изба холодная. Низ ее занят помещением для скотины, оно заменяет скотный двор средней полосы. Наверху помещаются птицы, и имеется иногда холодная жилая комната, кажется, для лета; такую мы занимали. Дворов, т.е. отгороженного пространства, где помещаются мшаники коров и т. п., как в средней полосе России, нет. Это общий тип постройки всей местности при озере Кубенском и в Вологодском уезде*»[45].

В процессе работы экспедиции обнаружился большой интерес путешественников к традициям народного ткачества, их восхищала красочность старинного свадебного костюма, привлекали внимание его местные особенности. Ляпунов отмечает сохранность старинного костюма в «глухих местах» Тотемского уезда Вологодской губернии: «*Мужчины ходят в рубахах – косоворотках, сшитых из белого холста местного тканья, причем косой ворот рубахи пробран (или выкладен, по местному) красным узором вокруг шеи и углом на груди по разрезу ворота. Таким же узором обшивают и рукава. Молодые парни иногда по праздникам носят вышитые портянки (онучи), шитье которых выпускается поверх голенища сапогов. Девушки обшивают подолы рубашек широкими узорами, вышитыми или выкладеными*»[46].

Внимание С. М. Ляпунова было обращено и на изменения, происходившие в традиционном костюме в разных уездах. Так, в Никольском уезде Вологодской губернии зафиксированы следующие наблюдения: «*В отношении костюма народного тоже произошла большая перемена; правда, тип сарафана еще сохранился, но исчезли местные ткани и шитые рукава остались только в виде исключения. Все заменяется ситцем*»[47].

В Сольвычегодске собиратели оказались свидетелями обряда венчания крестьянской свадьбы. С. М. Ляпунов подробно описывает приготовления к венчанию, наряд невесты. Ритуальные действия, связанные с расплетением косы невесты, сменой прически, надеванием женского головного убора, автор раскрывает с большим вниманием к происходящему и точностью. «*Перед возложением венцов стоящие подле нее две женщины, одинаково одетые в синих сарафанах, сняли с нее повязку и расплели косу. По снятии венцов ее накрыли большим шелковым платком, а по окончании обряда венчания ее увели в трапезу и начали заплетать ей две косы, надели на нее мархатку (головной убор), повязали платком и сверху накрыли еще другим. В таком виде она и поехала*»[48]. Особое внимание к увиденному, по словам композитора, было обусловлено тем, что рассказы о подобных обрядовых действиях крестьянской свадьбы собиратели слышали незадолго до этого в Красноборске.

Участники экспедиции посещали местные краеведческие музеи, интересовались народными промыслами. Особенно поразили С. М. Ляпунова произведения народных мастеров во время пребывания в Вятской губернии: «*Кустарное производство очень развито в Вятской губернии, а некоторые отрасли его достигли значительного совершенства, как, напр[имер]: изделия из капа, корешка и карельской березы. В музее можно купить много предметов, сделанных из этих материалов портсигары, спичечницы, чайные ящики, шкатулки. Там можно видеть все отрасли кустарного производства Вятской губернии: кукарские кружева, плетеные корзины, железные изделия, обувь, горшки <нрзб> простонародные игрушки, мебель*»[49].

На протяжении экспедиционного маршрута С. М. Ляпунов приобретал образцы крестьянских изделий. Возможно, они предназначались для музея ИРГО. Так, в Черевково были приобретены 10 аршин кежа, толстой льняной ткани, которая ис-

пользовалась крестьянами на постели (тюфяки). С. М. Ляпунов обнаруживает неожиданную для музыканта осведомленность в деталях крестьянского ткачества, разъясняя на страницах «Дневника путешествия» отличия кежи, толстого полотна в полоску, от холста, «*который ткется из так наз[ываемой] поперечной кудели, т. е. льняных вычесок, когда чешут лен*»[50]. В Красноборске, как указывает автор путевых заметок, крестьяне приносили для петербуржцев разнообразные предметы местного рукоделия, в том числе – кушаки, тканье. Из них была куплена «для образца» пара кушаков[51]. В Вятке взамен пострадавшего во время трудных переездов чемодана композитор приобрел корзину, плетеную из корней, «вятского производства»[52]. Не могли собиратели пройти и мимо изделий Михаила Ивановича Кошкова, знаменитого в Устюге мастера художественной обработки металла – чернения серебра, промысла, сложившегося здесь еще в XVII веке. С. М. Ляпунов указал, что на память о пребывании в Устюге собиратели «*заказали ему по паре запонок с изображением устюжских соборов*»[53].

Православные традиции русской провинции

Описание православных традиций, сложившихся в глубокой провинции, представляет большой интерес как свидетельство духовной жизни русских крестьян конца XIX века. Эти вопросы первоначально не входили в научные планы работы экспедиции и поэтому не нашли отражения в отчете. Таким образом, именно дневниковые записи С. М. Ляпунова сохранили наблюдения, имеющие большую документальную ценность. В них раскрываются особенности православного мировоззрения, которое было неотъемлемой частью жизни самого композитора.

Большое место в «Дневнике путешествия» занимают повествования об истории святых мест, упоминания о местночтимых святых и иконах, описания храмовых комплексов и их убранства, церковных служб, крестных ходов. Совершенно понятным было внимание композитора к различным храмам и монастырям[54], которые оказывались непосредственно на пути следования или находились в пределах досягаемости. Участники экспедиции присутствовали на церковных службах, молебнах, посещали святые места. Результатом интереса к православным традициям стали фрагменты «Дневника путешествия», воссоздающие легенды,

связанные с возникновением церквей и монастырей, почитанием святых, народные предания о чудотворных иконах.

В частности, остановка в Спасо-Прилуцком монастыре, основанном Димитрием Прилуцким, отражена уже в первых записях «Дневника путешествия»: *«Здесь мы останавливались поклониться мощам преподобного, напиться из вырытого им самим колодца, около которого стоит деревянный крест, сделанный самим преподобным»*[55]. Прикладываясь к мощам преподобных Димитрия и Игнатия, С. М. Ляпунов *«мысленно испрашивал их благословения на предпринятое нами дело»*[56].

Участникам экспедиции пришлось преодолеть 13 верст по Кубенскому озеру на лодке, чтобы прибыть в пустынь Александра Куштского, где они посетили монастырь, присутствовали на молебне преподобному князю Иоасафу. С. М. Ляпунов подробно описывает сохранившийся деревянный крест, на месте которого, по преданию, преподобный Александр Куштский хотел основать свою обитель, но ушел из-за множества змей. Впечатления от пустыни Александра Куштского связаны и с живописностью места, и с иконостасом старинной работы[57].

Красота и строгость культовой архитектуры неизменно восхищали Ляпунова так же, как и живописность просторов и селений Русского Севера. В письме к жене С. М. Ляпунов писал из Великого Устюга: *«Подъезжая к городу [Устюгу. – И. Т.], я был поражен красотою вида, который открывался на город. Он расположен на низком берегу Сухоны и, подъезжая к нему, приходится несколько спускаться с горы. С последнего пригорка он открывается весь, и эта масса церквей и колоколен, которыми усеян весь город, сразу приковывает к себе взор, представляя нечто необычайное»*[58].

Описания в «Дневнике путешествия» позволяют предположить, что собиратели целенаправленно интересовались традициями церковной жизни, обращаясь с расспросами к старожилам. Благодаря рекомендациям местных жителей состоялась поездка в деревню Котоловало Вологодской губернии, известную по преданию, связанному с именем святого Прокопия Устюжского: *«17-го [июня] с утра мы решили съездить в Котовалово, место, где упал "каменный" дождь, предсказанный святым Прокопием Устюжским <…> Монастырь Котовалово очень древний и расположен на крутой, высокой горе, покрытой лесом. Сам мост, где произошло знаменитое событие, обнесен оградою и внутри его построены две*

часовенки, одна большая каменная, другая маленькая, деревянная, поставленная над собранными камнями. <…> Мы отломили себе несколько камешков на память»[59].

Именно почитание святого Прокопия Устюжского, по мнению С. М. Ляпунова, является одной из значимых особенностей жизни крестьян Вологодской губернии. Он отмечал, в целом, особую приверженность православным традициям: *«Народ вообще благочестив и набожен. Этим только можно объяснить существование церквей без приходов или с малыми приходами. Люди чтут свою старину церковную и желают сохранить ее»*[60].

В Вологде собирателям довелось стать свидетелями «всеобщей» молитвы вологжан, которая сопровождала проводы отплывающего парохода: *«К числу характерных чисто русских обычаев надо отнести и следующий. <…> После третьего свистка капитан скомандовал убрать мостки, снять чалки, и когда пароход остался уже свободным на реке, капитан громко произнес: "Помолимся Богу". Все как на пароходе, так и оставшиеся на берегу, сняли шапки и, обратясь к церкви св[ятого] Федора Стратилата, стоящей около пристани, стали креститься. После этой всеобщей молитвы капитан скомандовал машинисту дать ход, и пароход тронулся. То же самое повторялось и на пристанях, где пароход останавливался»*[61].

Во время экспедиции на страницах «Дневника путешествия» композитор постоянно касается тем, связанных с историей русской церкви. На протяжении всего маршрута собиратели в тех или иных обстоятельствах встречались с раскольниками, наблюдая за особенностями их жизни и сравнивая с православными. Описывая свое пребывание в местности Кокшеньга, С. М. Ляпунов заметил, что среди жителей есть раскольники, *«но живут они между православными, не составляя отдельных обществ»*[62]. Раскольники были темой беседы С. М. Ляпунова со становым приставом в Новленском, на Кубенском озере, который указывал на раскол как на причину «отчасти бессемейной жизни» крестьян[63]. В Нижней Тойме собиратели жили в избе, хозяин которой был раскольником[64].

Среди жителей села Черного Варнавинского уезда Костромской губернии также оказалось немало раскольников, в том числе и содержатель земской станции. Ляпунов, после неудовлетворившей его встречи с певцами-раскольниками, оставил свои замечания

в «Дневнике путешествия»: «*Раскольники считают разнообразие напевов новшеством, но не следует забывать, что для раскольника весь образ жизни православного люда есть новшество, хотя бы он был и древнее раскольничьего*»[65].

Завершая свое путешествие в Судиславле Костромской губернии, собиратели посетили старое раскольничье кладбище в городском лесу, куда их проводил местный становой. С. М. Ляпунов помещает на последних страницах «Дневника путешествия» сведения, полученные от станового о раскольниках: «*По его словам, раскол здесь теперь держится не так крепко, как прежде, и многие уже начинают ходить в православные церкви*»[66].

В «Дневнике путешествия» нашли место и философские размышления о путях сближения с народом на основе следования православной вере. Так, после встречи с учителями народных училищ и агрономами Вятки, которые должны были составить специальную «комиссию» по содействию работе экспедиции, в «Дневнике путешествия» появляются строки: «*…они не понимают, чего мы ищем, и растолковывать им труднее, чем простому крестьянину <…> неужели таким лицам поручено обучение народа и его просвещение? <…> Все толкуют о тупости народа, его косности в своих суевериях и предрассудках, но не понимают того, что влиять на народ можно только сблизившись с ним, а это последнее невозможно без духовного единения на почве веры*»[67].

Методы и результаты собирательской деятельности

На страницах «Дневника путешествия» описаны обстоятельства работы собирателей, связанные с поисками народных исполнителей и записями народных песен. Характеристика музыкальной традиции предстает сквозь призму фиксации каждодневных впечатлений от экспедиционных будней.

Ф. М. Истомин, описывая в отчете способы собирания песен, отмечал, что при выборе мест для остановок они с С. М. Ляпуновым руководствовались указаниями знатоков края из волостных чиновников и земских деятелей, которые «*имеют непосредственные сношения с народом*» [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 334]. В отчете собиратель выражал свою признательность за деятельное содействие многочисленным помощникам: «*Иногда такие указания приносили нам существенную пользу, и при этом случае нельзя не вспомнить с благодарностью о всех, кто с полною готов-*

ностью оказывал нам возможное содействие» [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 334]. Методы работы, применяемые собирателями, включали контакты с местными властями, которые, по предъявлении участниками экспедиции специальных губернских или земских предписаний, приглашали крестьян для общения с петербуржцами и записи песен, как правило, в волостных правлениях. Среди тех, кто участвовал в работе экспедиции, – земское начальство, становые приставы, урядники, исправники, старшины, старосты, писари, священники, смотритель и инспектор народного и духовного училищ, местный историк, городской голова, агрономы и т. д. Источником полезных сведений о деревенских певцах были беседы с местными жителями, крестьянами, ямщиками, хозяевами почтовых станций и др. В Вятке собиратели встретились с *«вятской интеллигенцией»: «…были люди всевозможных специальностей и рода занятий, наиболее основательным показался мне князь Верещагин, историк Вятского края, подробно изучивший все летописи, акты и грамоты, сюда относящиеся. Он снабдил нас двумя своими брошюрами по поводу Вятского летописца <…> Для нашей цели были собраны тоже кое-какие сведения, и нас снабдили выписками местностей и лиц, от которых были записаны песни»*[68].

В большинстве случаев собиратели осуществляли записи песен от крестьян, которых приводили в волостные правления. Однако практиковался и иной метод работы. Так, в деревне Печенкино Ильинской волости Яранского уезда Вятской губернии записи духовных стихов осуществлялись непосредственно в доме Федора Васильевича Михеева, 46 лет.

Как указывает Ф. М. Истомин в отчете, в результате работы экспедиции *«всех певцов прослушано нами 121 и певиц 101; всего же – 222 человека»* [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 337]. Как видно, мужчины участвовали в исполнении песен чаще, чем женщины. Именно от мужских составов были записаны «виноградья», немало лирических песен, а также хороводные и свадебные. Следует отметить большую ценность подобных свидетельств. Традиция мужского исполнения песен этих жанров, еще существовавшая на рубеже XIX–XX веков, впоследствии оказалась практически утраченной[69]. Особое значение С. М. Ляпунов придавал женским ансамблям, которые справедливо считал основными хранителями обрядовых жанров.

Поиск старинных песен, былин, духовных стихов являлся центральной задачей, стоявшей перед экспедиционерами. Выбор маршрута, по возможности, определялся с учетом приоритета «глухих», отдаленных и отмеченных особым историческим прошлым местностей. Однако не всегда ожидания собирателей оправдывали себя. Практически на всем протяжении пути собиратели фиксируют состояние культурной традиции, которое представляется им неблагоприятным.

В «Дневнике путешествия» содержатся замечания о сохранности форм фольклора, о своеобразии звучания песен, характеристики народных исполнителей, деревенских жителей. Интересны наблюдения С. М. Ляпунова о распространении различных жанров на обследованных территориях.

В результате экспедиционной работы в 1893 году были осуществлены записи 278 поэтических текстов (Истоминым) и 265 соответствующих им напевов (Ляпуновым). Наибольшее количество записей было выполнено в Вологодской губернии – 155 записей, в Вятской – 61 запись, в Костромской – 62. В сборник «Песни русского народа» вошли 159 напевов и 165 соответствующих им поэтических текстов [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 340]. Остальные материалы остались неопубликованными.

Экспедиционные материалы из Вологодской губернии

Работа в Вологодской губернии оказалась наиболее продолжительной по времени и успешной по числу записанных песен. Тем не менее, результаты начального этапа работы в деревнях, расположенных неподалеку от Кубенского озера, не вполне удовлетворили С. М. Ляпунова: «*Относительно главной цели нашего путешествия общее заключение должно быть сделано не в хорошую сторону. С большим трудом нам удалось собрать небольшое количество песен и причетов, а причину этой неудачи прямо следует искать в исчезновении песен в народе. Здесь народ настолько уже отрешился от своей старины, что у него не сохранилось почти никаких памятников прежнего творчества*»[70]. Собиратель сетовал также на «нехудожественное», по его мнению, исполнение песен. Такое восприятие звучания народных песен было связано, вероятно, с недостаточным слуховым опытом Ляпунова в первые дни работы экспедиции, с иными ожиданиями, не совпавшими с критериями, привычными по отношению к про-

фессиональному творчеству. Однако тонкое чутье музыканта не могло не отметить своеобразия в звучании обрядовых напевов: «*Более других сохранились песни свадебные и причеты, между которыми есть интересные*»[71].

В глухой местности Бабьего озера собиратели предполагали найти «*старинные песни*» и, «*может быть, даже былины*»[72]. Однако эти надежды не оправдались, что вызвало у С. М. Ляпунова вполне понятное сожаление: «…*былин и дух[овных] стихов совсем не оказалось, а из песен более уцелели свадебные. Поют же лирические (бытовые, семейные и любовные), [которые] превратились в солдатские или приняли оттенок какой-то пошловатости и ухарства. То же, что замечалось и на Кубенском озере, хотя все-таки здесь эти влияния оказались не так сильны*»[73]. Такая категоричность суждений автора записи, возможно, связана с недооценкой своеобразия музыкального стиля местных традиций, с одной стороны, и непринятием в расчет процессов динамических изменений культурной традиции, с другой.

Страницы «Дневника путешествия», посвященные исследованию песенных традиций Кокшеньги, раскрывают осведомленность и глубокий интерес Ляпунова к историческому прошлому этих мест, обрядовой культуре, традиционному костюму, которые вновь связывались с надеждами на встречи с исполнителями «старинных» песен, былин и духовных стихов. Реальность оказалась иной, о чем С. М. Ляпунов пишет в «Дневнике путешествия»: «*В ней [Кокшеньге. – И. Т.] сохранилось много старых обычаев и обрядов, особенно свадебных, сохранились и древние костюмы; шитые золотом головные уборы, <…> но при всем этом не сохранилось народной поэзии, песен и былин*»[74]. Заметим, что в целом результаты работы на Кокшеньге, в деревнях Монастырской (Погост Маркушевский) Бережнослободской волости, Игумново Шевденицкой волости, Салтыковской (Башевской) Спасской волости Тотемского уезда, можно считать значительными, о чем свидетельствуют записи 36 образцов причитаний и песен разных жанров (лирических, хороводных).

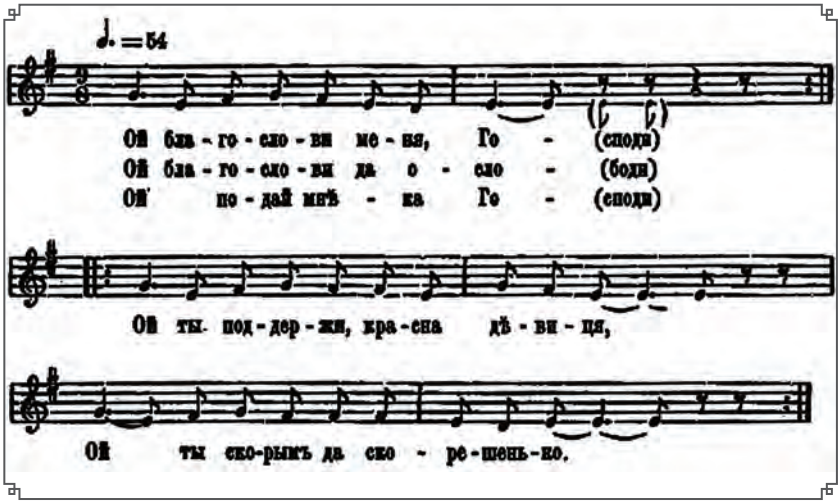
Следует отметить внимание собирателей к *жанру причитаний,* составляющих одну из доминант культурной традиции Вологодчины. Ф. М. Истомин в отчете об экспедиции отмечает: «*Все причеты и плакашки записаны исключительно от пожилых женщин-причетниц, еще довольно многочисленных в Вологодской*

губернии» [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 342]. Этнографически точными выглядят описания обстоятельств исполнения похоронных причитаний в селе Кичменское-Афанасьевское Никольского уезда Вологодского уезда. Первоначально С. М. Ляпунова привлек необычный, «своеобразный» вид кладбища, затем – причитающие на могилах женщины: «*…над каждой могилой находились три соединенные вместе скамейки, из которых средняя, немного повыше, могла служить как бы столиком. <…> 27 июля в Кичменском был храмовый праздник в приделе Пантелеймона; <…> проходя мимо кладбища, я увидел, в чем состоит настоящая цель описанных выше скамеек: на могиле сидели и лежали женщины, обыкновенно по две, при которых одна причитала, а другие надрывались в рыданиях. Вслед за нами из церкви шла одна женщина, неся узелок. Поравнявшись с кладбищем, она свернула с дороги, прошла к могиле, положила узелок на столик, оправилась, потом села на скамью и, облокотясь на кромки, начала причитать сначала тихо, потом громче и громче, прерывая причет рыданиями. Эти причеты имеют определенную мелодию, и все причитают на один напев*»[75].

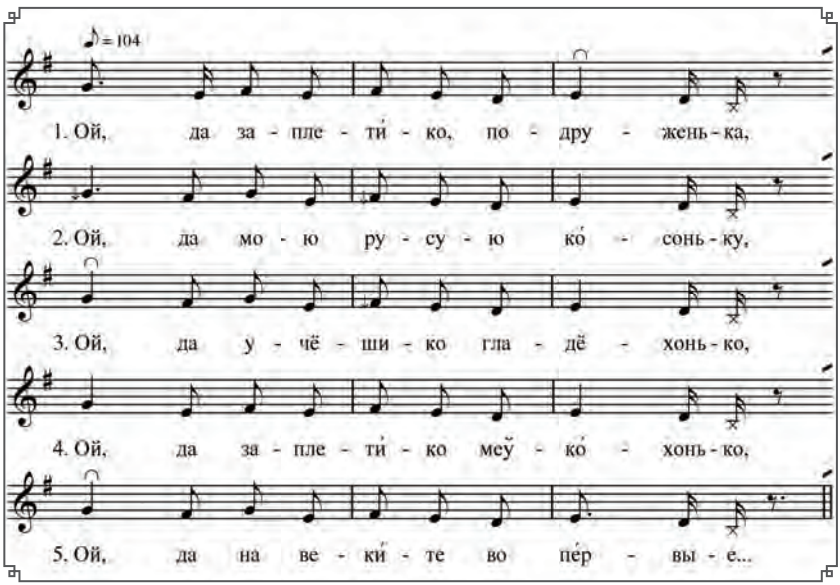
Основная часть напевов сольных причитаний, зафиксированных С. М. Ляпуновым и вошедших в публикацию, принадлежит свадебному обряду, различным его этапам. Кроме них в сборник «Песни русского народа» (1899) вошли два образца рекрутских и одно похоронное причитание. Сопоставление причитаний в записи С. М. Ляпунова с материалами современных фольклорных экспедиций дает представление об устойчивости ряда структурных и мелодических закономерностей музыкальной формы этого жанра. Такой вывод, в частности, позволяет сделать сравнение сольного причитания, записанного композитором в деревне Мумаихе Бабозерской волости Тотемского уезда (пример 1), и причитания из деревни Заболотье Островского сельского совета Нюксенского района в записи 1989 года совместной фольклорной экспедиции Ленинградской консерватории и Вологодского педагогического института (пример 2).

Большое значение для современной этномузыкологии имеют записи групповых причитаний, выполненные собирателями в Вологодском, Тотемском, Никольском уездах. Коллекция напевов этого жанра в записи С. М. Ляпунова, представляющая вологодскую традицию, содержит наибольшее количество образцов из числа материалов, зафиксированных собирателями в XIX веке и

Пример 1. Причитание невесты («как просватают»)[76]



Пример 2. Причитание невесты[77]



вошедших в научный оборот. К жанру групповой причети Ю. И. Марченко относит 8 образцов напевов и 9 поэтических текстов, опубликованных в сборнике «Песни русского народа» [Марченко, 1990, с. 155]. В Тотемском уезде традицию исполнения группового причитания представляют 4 напева и 5 поэтических текстов:

– «Благослови миня, Господи» из деревни Игумново Шевденецкой волости[78];

– «Ой дак не кра́сота не хо[рошая]» из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости[79];

– «Ой ты зайди, зайди на́ небе» из деревни Мумаихи Бабозерской волости[80];

– «Не охота мне, батюшко» и «Мой кормилец-от, батюшко» из деревни Монастырской (Погост Маркушевский) Бережнослободской волости[81].

В Вологодском уезде были выполнены две записи в селе Кубенском Кубенской волости:

– «Ой да красота ли да моя да кра[сота]»[82];

– «А да на проходе день меженной»[83].

В городе Никольске удалось зафиксировать также два образца групповой причети:

– «И мой ты свет, бела́я лебедь. Как севодни, сево утра, сево утрица раннева»[84];

– «И мой ты свет, бела́я лебедь. Это штёй-то я, мо́лода, засиделась, задумалась»[85].

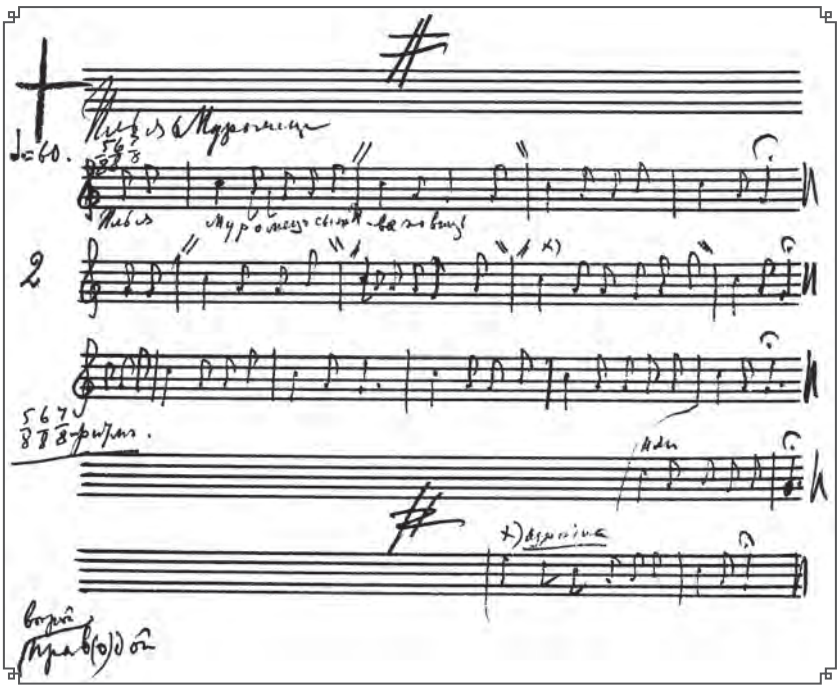
«Методика ранних собирателей, – отмечает Ю. И. Марченко, – оказалась недостаточной для фиксации напевов коллективной традиции исполнения» [Марченко, 1990, с. 139]. В записи С. М. Ляпунова все напевы групповой причети представлены в одноголосном изложении.

Исследуя причетную традицию территории, прилегающей к Кубенскому озеру, Ю. И. Марченко указывает: «Современные экспедиционные обследования районов Кубены (по маршруту Истомина и Ляпунова), а также юго-западных районов Вологодской области (Грязовецкого, Междуреченского, Сокольского) показали, что развитые формы однострочных напевов широко бытуют в групповой свадебной причети местных традиций» [Марченко, 1990, с. 139]. Исследователь обращает внимание также на то, что именно на Кубене состояние песенной культуры оказалось крайне неудовле-

творительным и повторить напевы причитаний, аналогичные записям, выполненным в конце XIX века, уже не удалось.

Несмотря на все сложности собирательской работы, именно в Вологодской губернии Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым впервые были сделаны нотированные записи былинных текстов. В Тотемском уезде в селе Раменская Слобода (ныне село Раменье Тарногского района Вологодской области) была осуществлена уникальная запись былины с сюжетом «Илья Муромец и царь Куркас» (пример 3). Нотация С. М. Ляпунова остается единственным образцом напева былины, зафиксированным на территории Вологодчины. А. Л. Маслов, сотрудник московской Музыкально-этнографической комиссии при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в рецензии на сборник «Песни русского народа» высоко оценил этот напев былины: «Один этот напев может быть ценнее для исследователя,

Пример 3. Полевая нотация С. М. Ляпунова (былина «Илья Муромец и царь Куркас»)[86]



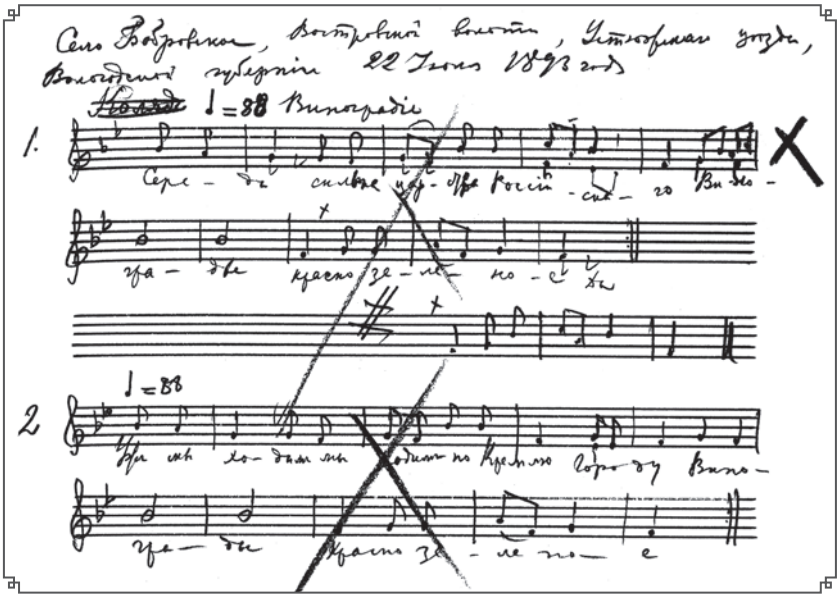
чем большинство здесь же напечатанных протяжных» [Маслов, 1906, с. 520]. Сам С. М. Ляпунов отмечал «*совершенно новое содержание былины*»[87]. В то же время речитативный характер мелодики, простота напева вызвали довольно сдержанную оценку композитора, воспитанного в академических музыкальных традициях. Былина интересна «*по тексту, а не по напеву*»[88], – указывал собиратель, опираясь на иные, чем А. Л. Маслов, критерии оценки, обусловленные эстетикой профессионального музыкального искусства. Такая позиция С. М. Ляпунова по отношению к записанному им материалу ничуть не преуменьшает безусловной значимости самого факта фиксации былинного напева. Своеобразие этого напева в исполнении А. И. Безвытного связано с «раскрепощенностью процесса повествования, не скованного какой-либо заданной структурой <…> При этом музыкальная интонация является буквальным "слепком" интонации речевой» [Лобкова, 2002, с. 152].

Большой интерес представляет и поэтический текст былины. Т. Г. Иванова отмечает, что данный текст развивает известный сюжет «Илья Муромец и Калин-царь». Его своеобразие, как считает исследователь, связано с тем, что на уровне образно-поэтического содержания возникает сплав поздних привнесений и архаических традиционных формул [Иванова, 2001, с. 131–132].

Очевидным достижением экспедиционной работы Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова стала запись былины «О Соколе-корабле»[89], текст которой исполняется с напевом календарно-обрядовой песни «Виноградье, красно-зеленое мое» [Лобкова, 2001, с. 443–449]. Запись была сделана в слободе Дымково около Великого Устюга от каменщика Ивана Федоровича Говорова, 62 лет. В том же уезде, в селе Бобровском Востровской волости собирателями было зафиксировано «Великое виноградье» – «Середи сильна цярства Россейсково!» (пример 4), которое пелось с текстом исторической песни о выкупе митрополита Филарета из плена [Песни русского народа ... , 1899, № 4, с. 49–51]. Важным является факт записи «виноградья» от мужского ансамбля: «пели крестьяне Ксенофонт Васильевич Перевалов, 44 лет, Афанасий Васильевич Перевалов, 53 лет, с 14 товарищами» [Там же, с. 269].

Записи святочных «виноградий», сделанные на Русском Севере, имеют большое значение, поэтому материалы экспедиции ИРГО 1893 года представляют чрезвычайную ценность как одно из первых в истории музыкальной фольклористики

Пример 4. Полевые нотации С. М. Ляпунова (святочные «виноградья» «Середи сильна цярства Россейсково», «Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю городу»)[90]

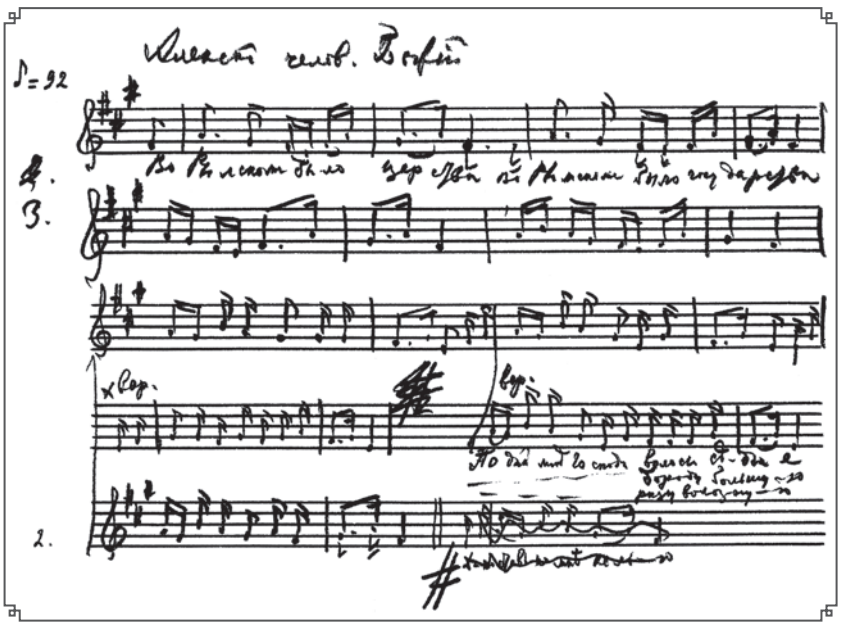


свидетельств этой традиции [Бернштам, Лапин, 1981]. Ф. М. Истомину и С. М. Ляпунову удалось также зафиксировать важные этнографические данные о бытовании поздравительных песен во время святочных обходов дворов в Никольском и Устюжском уездах [Теплова, 2012, с. 98–107]. Об этом сообщается в отчете об экспедиции: «*В Никольске колядуют теперь только мальчики, но в Устюжском уезде, по рассказам наших певцов, коляда в прежнее время была достоянием и взрослых людей. С Рождества до Крещенья, часу в восьмом вечера, собиралась толпа взрослых колядников, в городе и больших селах достигавшая иногда до 100 человек, и колядовала перед окнами домов, возя с собой на дровнях огромную звезду или вертеп, сооруженный из дерева и разноцветной слюды, освещаемой изнутри зажженною свечой*» [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 341]. Ф. М. Истомин сообщает также о последовательности исполнения святочных припевок и виноградий во время обхода дворов артелью колядующих.

Как показывают материалы экспедиционных исследований[91], в Вологодской области еще в 90-х годах XX века традиция обхода дворов с рождественской звездой и пением «виноградья» была распространена в деревнях, расположенных по реке Сухоне (в том числе – в Великоустюгском и Нюксенском районах) [Лобкова, 2001, с. 445]. «Виноградье» из материалов Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова может быть соотнесено с записью, выполненной в 1989 году в той же деревне Бобровское Нюксенского района от женского ансамбля [Народная традиционная культура … , 2005, № 9, с. 72–73]. В современном варианте исполнения «виноградье» имеет «упрощенный» скорый напев, близкий тому, который был записан С. М. Ляпуновым в слободе Дымково [Лобкова, 2001, с. 446–449].

Записи духовных стихов, сделанные С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым, связаны с территорией современного Тарногского района. Это духовные стихи «Вознесение Христово», «Алексей человек Божий» (пример 5), «Лазарь», которым прису-

Пример 5. Полевая нотация С. М. Ляпунова (духовный стих «Алексей человек Божий»)[92]



ща сказительская манера исполнения. Духовные стихи, зафиксированные фольклорными экспедициями 1970–1980-х годов в Вологодской области, «свидетельствуют о сохранности <…> сказительского стиля музыкального повествования» [Лобкова, 2002, с. 160].

Среди вологодских материалов большой интерес вызывают лирические песни мужской традиции. В селе Бобровском и Погосте Маркушевском от мужских ансамблей, состав которых достигал 16 человек, были записаны лирические песни, принадлежащие к числу классических образцов мужской песенной традиции: «Уж ты поле мое, да поле цистое»[93]; «Ах уж вы горы, вы горы»[94]; «Как во й Астракане»[95], «Попридумал добрый молодец»[96]. Поэтические тексты и характерные напевы этих песен служат воплощением черт широко распространенных песенных типов, известных в фольклористике с наименованиями «Горы», «Поле», «Сын Стеньки Разина», «Отправлялся добрый молодец»[97] [Народная традиционная культура Вологодской области..., 2005, с. 261].

Хороводные песни в записи С. М. Ляпунова представлены мелодически развитыми напевами. Краткие комментарии свидетельствуют о том, что собиратели зафиксировали образцы, которые входили в хороводный цикл, состоявший из определенного последования сюжетов:

– «Ай за тыном было за тыноцьком» – «первый кружок (сборная)», из деревни Игумново Шевденецкой волости Тотемского уезда[98];

– «Ай за тыном-то ли было за тыно́цьком» – «первый кружок», вариант предыдущего текста с другим напевом из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости Тотемского уезда[99];

– «Ах и во лузях» – «как наберут», из деревни Игумново Шевденецкой волости Тотемского уезда[100].

Ряд сходных вариантов поэтических текстов и напевов хороводных песен, записанных экспедицией 1893 года, можно обнаружить и среди фольклорных материалов экспедиций 1970–1990-х годов в Вологодскую область[101].

Коллекция экспедиционных записей, отражающих особенности традиционной культуры Вологодской губернии, пополнялась и рукописными материалами. Так, в городе Красноборске Ильинской волости Сольвычегодского уезда местные жители

передали собирателям рукописные тексты, связанные со свадебным обрядом (приговоры), а также – с заговорной традицией. С. М. Ляпунов писал: «*Вскоре местные жители проведали о целях нашего приезда и стали являться к нам с разными предложениями. Пришел фельдшер и принес найденный им рукописный свиток, который предложил взять безвозмездно. Крестьянин Борисов продал три свитка; кроме того, достали мы несколько списков заговоров, против килы, свадебных обрядовых (дружки)*»[102].

Результаты работы в Вологодской губернии приводятся в разделе 10 «Дневника путешествия». Необходимо отметить, что первоначально С. М. Ляпунов обобщает полученные сведения сразу по окончании тотемского маршрута. Среди характерных особенностей, свойственных вологодской традиции, он выделил народный костюм, приемы землепашества, а также – благочестие и набожность крестьян[103]. В разделе 10 «Вологодская губерния» собиратель более полно подводит итоги состоявшейся работы в обследованных волостях, скрупулезно сообщая об обстоятельствах экспедиционной деятельности, способах передвижения, преодоленных расстояниях, количестве музыкальных записей, а также дает оценку жанровому составу записанных песен и качеству материала в целом. С. М. Ляпунов отмечает, что протяжные песни представляют наибольшее число сделанных записей, но достоверность некоторых из них вызывает у автора записи сомнения. «*Наиболее интересными,* – по мнению собирателя, – *являются свадебные песни и причеты, из которых первых и вторых записано по 16*»[104]. В дальнейшем, работая в Вятской и Костромской губерниях, С. М. Ляпунов также будет отмечать лучшую сохранность и значимость обрядовых жанров. Среди записей в Вологодской губернии выделяются «единственная былина» и духовные стихи, представляющие «*варианты известных стихов про Алексея человека Божия, Лазаря, Иоанна Златоуста*»[105]. Подводя итоги, собиратель делится наблюдениями, связанными с географическим распространением песен разных жанров. Такого рода попытку можно расценивать как первый опыт ареального исследования: «*По местностям песни можно распределить таким образом: протяжные песни одинаково распространены во всех уездах и везде одинаково заметно их вырождение; песни и причеты свадебные и причеты [похоронные] более встречались в Вологодском и Тотемском уездах, песни святочные и игровые записаны*

преимущественно в Сольвычегодском, Никольском и в северной части Тотемского уездах. В Устюжском уезде записаны коляды и виноградие, а также разбойничьи (Бобровское)»[106].

Экспедиционные материалы из Вятской губернии

Работа в Вятской губернии проходила с 6 августа 1893 года в 10 населенных пунктах. Общее число записанных песен Ф. М. Истомин определяет как 61 [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 340]. В целом, как в Вятской, так и в Костромской губерниях собирателям удалось зафиксировать значительно меньшее количество материала, чем в Вологодской. Причины связаны с коротким временем пребывания в двух последних губерниях и с ухудшающимися обстоятельствами работы: сложными погодными и дорожными условиями. Записи производились преимущественно в западной и центральной части Вятской губернии: в Чертищевской волости Нолинского уезда; в Киселевской волости Котельничского уезда; в Навалихинской волости, расположенной в северной части Орловского уезда; в Кстининской волости Вяткого уезда; в Вятке (запись от исполнительницы из Селезневской волости); в Ильинской волости Яранского уезда[107] [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 340].

Состояние певческой традиции, которое собиратели застали в Вятской губернии, представилось им еще более сложным, нежели в Вологодской. После встречи с певцами из д. Миклянур Вятского уезда на страницах «Дневника путешествия» Ляпунов сетует на отсутствие «старинных» песен: «*…пели нам много песен, но ни одной не пришлось записывать, так как все песни современные <…> Для меня было ясно из массы примеров предшествовавших, что тут нет песен, и я даже осмеливаюсь предположить, что их и не было, так как нет никакой причины исчезнуть им здесь раньше, чем в других местностях, где кое-что еще сохранилось*»[108].

Большое значение придавал С. М. Ляпунов записи лирической песни «*Сторона моя*», сделанной в селе Великорецком Вятской губернии. Она привлекла его внимание своей распевностью и большим диапазоном звучания. По мнению собирателя, она выгодно отличалась от прочих образцов этого жанра, так как носила характер старинной протяжной песни: «*…один из крестьян пропел песню "Сторона моя"*[109]*, за которую я ухватился как за драгоценный вклад нашего сборника. Такой цельно сохранившейся песни*

еще у нас не было»[110]. Вместе с тем, композитора не удовлетворило повторное исполнение этой же песни другим певцом, которое он счел искаженным: «*…я тут же успел проследить самый процесс искажения песни, заставив другого пропеть ту же песню*»[111]. Искажение, по мнению Ляпунова, состояло в том, что певец прибегал к «*ненужному повторению одного и того же слова в тех местах, где следовало протягивать один слог; это придавало песне подвижность, облегчало пение, и вместо протяжной она делалась похожею на современную "частушку", как называют в народе новейшие песни*» [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 353].

Причиной упадка песенного творчества в Вятской губернии, по мнению С. М. Ляпунова, является повсеместное распространение новых песен. После записи в селе Великорецком он оставил такое замечание в «Дневнике путешествия»: «*Благодаря появлению новых песен, частушек, явилось стремление всякую старую песню подвести под более скорый ритм, вследствие чего так трудно теперь найти сохранившуюся в чистоте протяжную песню*»[112].

Среди 29 записей лирических песен, сделанных в Вятской губернии, по определению Ф. М. Истомина – 24 «бытовых» и 5 «воинских». В сборнике «Песни русского народа» было опубликовано лишь 10. Бóльшая часть (а именно 7 напевов из числа вошедших в публикацию) представляют мужскую исполнительскую традицию (в составе ансамбля – до четырех певцов). Это лирические песни «Не во полюшке есть погодушка» (село Кстининское Кстининской волости Котельничского уезда)[113], «Ой да в караводичке был я на лужку» (село Макарьевское Киселевской волости Котельничского уезда)[114], «Ой уж вы луги мои, луги зеленые» (деревня Шебаховская Чертищевской волости Нолинского уезда)[115]; «Подуй, подуй, погодушка»[116], «Садовая во поле черемушка»[117], «Ох вы, вздохи мои, вздохи»[118], «Сторона моя, да сторонка»[119] (село Великорецкое Навалихинской волости Орловского уезда).

Материалы экспедиции, связанные с вятской хореографической традицией, в сборнике «Песни русского народа» представлены 4 образцами, среди которых – три плясовые песни, помещенные в разделе «рождественские»[120].

Изучая песенные традиции Вятской губернии, С. М. Ляпунов вновь убеждается в устойчивости и сохранности обрядовых жанров музыкального фольклора. Работая в Нолинском уезде, он отмечает: «*...мы более желали пригласить женщин как хранительниц*

свадебных обрядовых песен»[121]. В Вятской губернии собиратели сделали записи только 17 свадебных песен. Это почти в три раза меньше, чем было зафиксировано в Вологодской губернии. Несмотря на ограниченное число нотаций, этот материал имеет важное научное значение. Сравнение с современными публикациями[122] позволяет сделать вывод о типологической устойчивости ряда свадебных напевов в записи 1893 года: «Я не знала, не ведала, ко мне сваха наехала»[123], «А ты ласточка, ласточка, ты сизая косаточка, не во время вылетывала»[124] «Ах, не было ветру, вдруг навинуло»[125].

В вятской экспедиционной коллекции отсутствуют образцы причитаний. Ф. М. Истомин комментировал это обстоятельство следующим образом: «*Что касается до Вятской губернии, то в посещенных нами местах ее вместе с утратою многих подробностей старинного свадебного обряда, исчезли, по-видимому, и причитания*» [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 342]. Собиратель считает, что отсутствие причитаний можно объяснить также и значительной ролью свадебного дружки в ритуале свадьбы. Дружки, которые произносят «*свои бесконечные иногда стихи*», пользуются громкой известностью даже за пределами своей волости. По мере того, как уменьшалось количество причетниц, особое значение в свадебном обряде приобретал дружка. Ф. М. Истомин приходит к выводу о том, что «*при отсутствии причетниц в посещенных нами местностях Вятской губернии, как бы взамен их, нередко выступали дружки*» [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 343]. На свадебные приговоры дружек в вятской традиции обращал внимание и Д. К. Зеленин, опубликовавший тексты приговоров в записях из Яранского уезда в 1903 году [Зеленин, 1998, с. 329–335]. Современные экспедиционные материалы также содержат записи развернутых текстов приговоров свадебных дружек, регулирующих ход ритуала[126]. Записи причитаний, выполненные в Кировской области в XX веке, малочисленны[127].

Целенаправленные поиски в экспедиции 1893 года исполнителей духовных стихов, сведения о «сунских нищих», полученные в Нолинском уезде, привели собирателей к Федору Васильевичу Михееву, 45 лет, слепому, знатоку духовных стихов из деревни Печенкино Ильинской волости Яранского уезда. С ним состоялись две встречи, которые С. М. Ляпунов описывает в «Дневнике путешествия»: «*…он знает очень много стихов, между которыми нашлись совсем неизвестные: "Кирик и Улита" и "Архангел*

Михаил". Вследствие позднего времени мы прослушали в этот вечер только первый стих и записали его, а ради прочих решили отложить до вечера назначенный утром 20 августа отъезд и съездить вместо того в Печенкино, чтобы записать от слепого все, что он знает»[128].

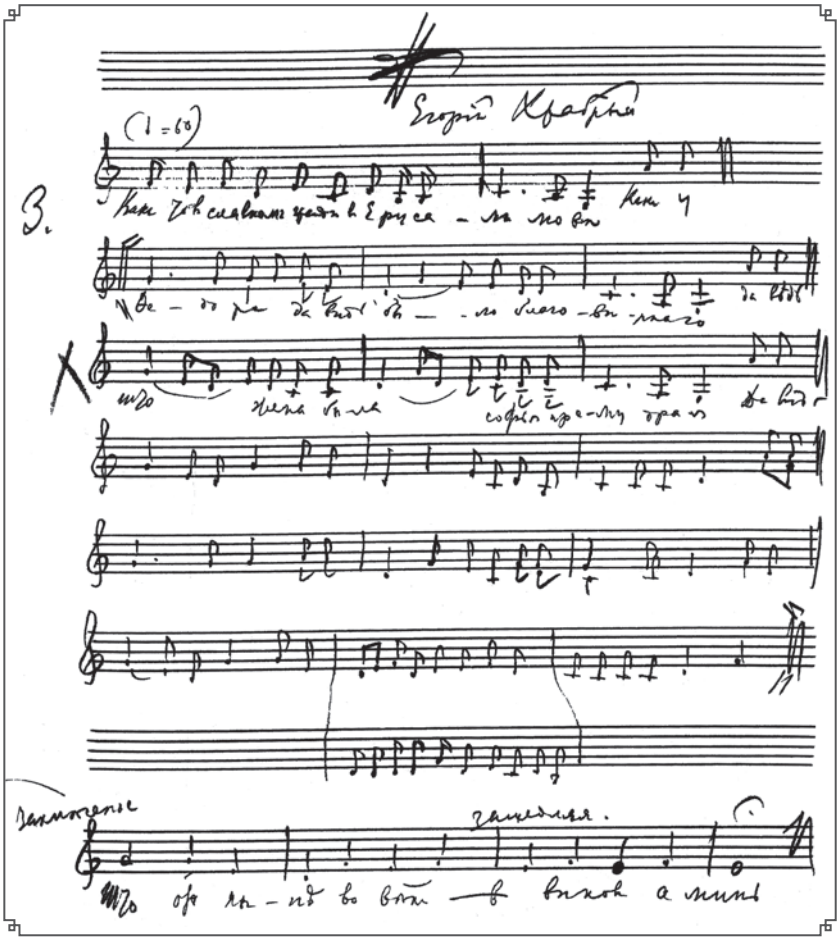
Продолжение работы с Ф. В. Михеевым и его женой, состоявшееся на следующий день, принесло новые записи духовных стихов: «*Слепой и жена его уселись на лавочку рядом и стали петь; начали со стиха "Архангел Михаил", как еще неизвестного, потом про "Егория Храброго". Оба эти стиха были пропеты целиком, что заняло около двух часов времени. После передышки просили его спеть часть стихов про "Алексея человека Божия" и про "Лазаря", так как эти [стихи. – И. Т.] были уже записаны нами в Тотемском уезде, и нам хотелось только проследить разницу текста и напева*»[129] (Пример 6).

В деревне Печенкино Ильинской волости Яранского уезда Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым были записаны 5 текстов и напевов духовных стихов. Все образцы стихов имеют большую научную ценность. Повторить эти записи собирателям последующих поколений уже не удалось. В XX веке традиция исполнения духовных стихов в Кировской области (бывшей Вятской губернии) была практически утрачена[130].

Стихи «Егорий Храбрый»[131], «Кирик и Улита»[132] имеют необычные для этого жанра, развернутые в мелодическом отношении напевы. Поражает полнота и протяженность поэтических текстов. В то же время тексты таких духовных стихов, как «Алексей человек Божий»[133], «Лазарь»[134], Ф. М. Истоминым были записаны не полностью. Как указано в «Дневнике путешествия», выпущенными оказались фрагменты, которые были известны собирателю по вариантам фиксации этих стихов в Вологодской губернии. Возможно, своеобразие вятских духовных стихов можно объяснить традициями старообрядчества, распространенными на территории губернии.

Обращает на себя внимание также следующее замечание Ф. М. Истомина: «*В некоторых местностях Вятской губернии женщины, утратив песенную старину и не удовлетворяясь современным характером песни, обращаются к особого рода духовным песнопениям, почерпая их из Сборника Стефана*[135]» [Отчет об экспедиции ... , 1899, с. 367].

Пример 6. Полевая нотация С. М. Ляпунова (духовный стих «Егорий Храбрый»)[136]



Экспедиционные материалы из Костромской губернии

С 26 августа 1893 года собиратели начали обследование Костромской губернии, где им удалось побывать в шести населенных пунктах шести волостей пяти уездов. Записи производились в Тонкинской и Туранской волостях Варнавинского уезда; Новоуспенской волости Ветлужского уезда; Онуфринской волости

Кологривского уезда; Семеновской волости Кинешемского уезда; Верхне-Нейской волости Макарьевского уезда. 8 сентября собиратели прибыли в Кострому, где экспедиция была завершена.

В Костромской губернии было записано 62 образца музыкального фольклора, из которых отобраны для публикации 33. Среди них – два свадебных причитания, 20 свадебных песен (из них – 2 поэтических текста без напевов), семь лирических «протяжных», «проголосных» песен (по определению Ф. М. Истомина), а также две приуроченные лирические песни, две хороводные.

По свидетельству Ф. М. Истомина, причитания записывались от пожилых женщин-причетниц, очень редких уже в Костромской губернии, причем «*костромские причетницы причитают только на один голос, т. е. у каждой из них для всех случаев имеется только один напев*» [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 342]. В сборнике «Песни русского народа» приводятся два образца свадебных причитаний: «Ой да ишше штё-то я да призаду(малась)» – «как просватают» (из деревни Шемя́кино Кологривского уезда)[137] и «А вы роздайтесь-ко ся, да добры́ люди» – «как к венцу поведут» (из села Семеновское-Лапотное Семеновской волости Кинешемского уезда)[138]. Напевы демонстрируют разнообразие форм костромской причетной традиции и ее стилевую связь с севернорусскими традициями. Ф. М. Истомин приводит диалектное наименование этого жанра, общее для костромской и вологодской территорий – «прицеты» [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 342].

В отчете об экспедиции содержатся наблюдения о костромских хороводных песнях: «*…хороводные песни называются круговыми или ве́шными; есть и святошные или беседные, распеваемые на вечеринках*» [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 344]. Для публикации собирателями были отобраны только два образца песен, связанных с хореографическим движением: «Пошел молодец на гулянье» (из деревни Шемякино Онуфриевской волости Кологривского уезда)[139]; игровой хоровод общерусского распространения «Со вьюном я хожу» (из деревни Сосновка Туранской волости Варнавинского уезда)[140].

В селе Черном Тонкинской волости Варнавинского уезда С. М. Ляпунов описывает свои музыкальные впечатления, связанные с пением крестьян-раскольников и православных. Необычное звучание народных песен для слуха музыканта, воспитанного на образцах академической музыки, порой, вызывало

удивление С. М. Ляпунова. Композитор обратил также внимание на различие напевов. По мнению музыканта, пение православных крестьян выгодно отличалось от остальных «разнообразием напевов»: «*Сначала пели мужики, но все их песни пелись на один и тот же напев, что потом они сами нам объяснили, говоря, что так поются все старые песни. После них пели девушки вешние песни, но опять на один и тот же напев, наконец, пришли старухи причитать (выть), но разобрать из этого вытья ничего не было возможно; ясно было только, что мелодии нет, как в Вологодской области. После этих неудачных записей песен, нам предложили послушать православных певиц, и у этих оказалось разнообразие в пении; они пропели нам несколько свадебных песен*»[141]. В селе Черном от православных крестьян было записано две свадебные песни: «Ты рябина ли, рябинушка – «на сговорах»[142]; «Не было ветру» – «на смотреньи»[143].

Обширный песенный материал был зафиксирован в селе Новоуспенском (Холкино) Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии – 6 свадебных, 2 лирические песни. Внимание С. М. Ляпунова привлекли песни, приуроченные к календарно-обрядовому периоду и времени полевых работ: лирические «Ох, детинка ли, детинка молодой» – «масленичная»[144]; «Ты хозяин наш, ты хозяин» – «помочанская»[145]. Судя по комментариям к исполнению, составленным Ф. М. Истоминым, можно предположить, что все песни исполнялись смешанным составом ансамбля. Так, в селе Новоуспенском (Холкино) свадебные, лирические и хороводные песни были записаны от следующего состава исполнителей: Авд[отья] Гавр[иловна] Сперанская, 34 лет, Параск[овья] Иван[овна] Троицкая, 51 года, Прокоп[ий] Ефим[ович] Голубев, 57 лет, Фед[ор] Арк[адьевич] Цветков, 61 года, Григ[орий] Ив[анович] Шкельдин, 55 лет. Среди лирических песен, записанных в селе Новоуспенском (Холкино), выделяется «Ты зоря-ли моя, зоря»[146], принадлежащая к пласту классической мужской лирики, известная в традиции Русского Севера. Большой интерес представляют также свадебные песни: «Перепелочка, пташечка» – «на сговорах»[147]; «Как при вечере, вечере» – «на девишнике»[148]; «У ворот, у воротичек» – после венца[149]; «В огороде трава зеленым зелена́» – «новобрачным»[150]. Заметим, что в известных публикациях фольклора Костромской области отсутствуют поэтические тексты и мелодические варианты напевов, записанные в экспедиции 1893 года[151].

В деревне Никола-Торжок Костромской губернии собиратели наблюдали результаты влияния на крестьянскую традицию новой эстетики города, проявившегося в костюме, лексиконе жителей: «*По своей внешности певцы не внушали приятных надежд: костюм городской, мужики рассуждают о том, что надо записать "матиф", что все было за "женским персоналом", а девушки считают себя барышнями, а в парнях видят "кавалеров". Собрание песенного материала тут было небогатое: две-три свад[ебных] песни, причем большинство их поется на один напев, и еще кое-каких протяжных*»[152]. В составе певших С. М. Ляпунову и Ф. М. Истомину были исполнительницы разного возраста: «крестьянка Фекла Андр[еевна] Веселова, 69 лет, с девицами Ласкиной, Смирновой, Шиловой и Оникиной, от 15 до 20 лет». Возможно, именно этих девиц, «от 15 до 20 лет», считавших себя «барышнями» и в парнях видевших «кавалеров», и имел в виду композитор. Замечание С. М. Ляпунова о пении свадебных песен «на один голос» касается традиционных особенностей бытования обрядовых напевов. В деревне Никола-Торжок было записано 3 самостоятельных напева свадебных песен: «При последнем было вечере» – «на девичнике» [153], «Уж как во лузях» – «во время красного стола»[154], а также напев «Исполать же, подруженька»[155], звучащий «на сговорах», который является политекстовым и исполняется еще с тремя текстами: «Уж вы симена, симена»[156], «Залетал-то ясен сокол»[157], «Как на речке на быстрои»[158].

Комментируя в отчете об экспедиции особенности терминологии народных исполнителей, определяющих напев песни, Ф. М. Истомин приводит характерное для Костромской губернии выражение «в голосянку». По его наблюдению слово «голос» соответствует понятию «напев»: «*Все песни у нас на "один голос", т. е. на один напев*» [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 345].

Собрание духовных стихов во время работы экспедиции Песенной комиссии в Костромской губернии пополнилось еще одним, костромским вариантом сюжета «Лазарь», записанным в деревне Шемякино Онуфриевской волости Кологривского уезда. Ф. М. Истомин отметил общность наименований этого жанра в Вологодской и Костромской губерниях: «*…этот род песнопения носит название стихов*» [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 344].

Записи инструментальной музыки в материалах экспедиции

Предметом особого и постоянного внимания С. М. Ляпунова на протяжении всего маршрута следования экспедиции были колокольные звоны соборов Вологды, Тотьмы, Устюга, Сольвычегодска.

В Великом Устюге композитор много времени посвятил изучению колоколов и колокольных звонов Успенской церкви: *«16 июля вечером мы ходили осматривать соборную колокольню. В ней 20 колоколов, самый большой в 1054 пуда имеет густой звук, в котором ясно слышны три тона d, f, g. По богатству колоколов можно предположить, что тут существовали различные звоны, но в настоящее время звонари молодые, звонят плохо и на один лад; колокола разрознены и вероятно заменены другими; есть намек на существование гаммы. <…> Сняв план и определив тоны колоколов, я решил дождаться звона за всенощной или воскресной обедней, чтобы записать самые звоны»*[159]. В архиве С. М. Ляпунова сохранился зарисованный им план расположения колоколов соборной колокольни в Великом Устюге с указанием настройки колоколов[160].

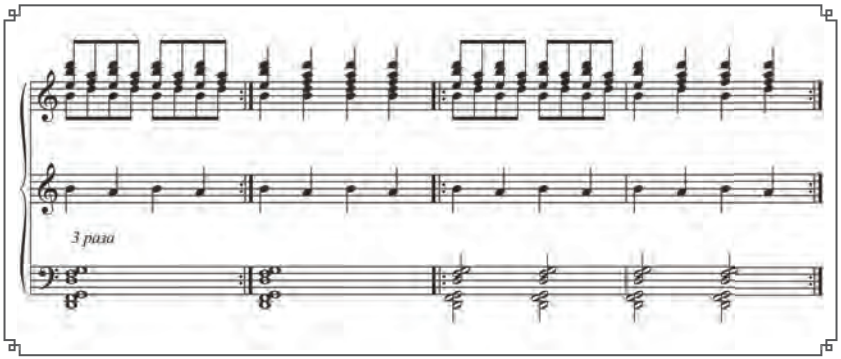
Критически отнесся собиратель к строю колоколов соборной колокольни Строгановского собора в Сольвычегодске: *«В ней 10 колоколов и самый большой около 170 пудов, колокола по строю не подобраны, есть один со шведскою надписью, по всей вероятности, взятый Петром I при Нарве»*[161].

Колокольный звон, услышанный в Великом Устюге (пример 7), вдохновил композитора на создание этюда «Трезвон», № 3 (1901) из цикла «12 этюдов высшей трудности», ор. 11 (пример 8).

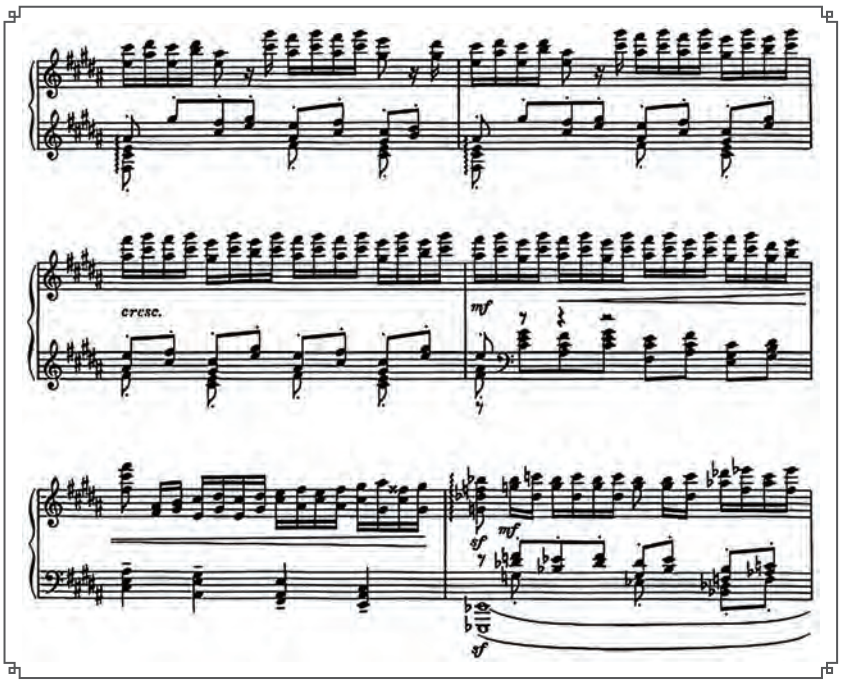
Одним из достижений экспедиции можно считать запись образцов инструментальной музыки: пастушеского наигрыша на рожке, а также наигрышей на гуслях («кысле») и волынке («шибёр»), исполненных черемисами. Ляпуновым были выполнены описания инструментов, зафиксирован строй.

Пастушеские наигрыши на рожках собиратели услышали в Нижней Тойме Сольвычегодского уезда: *«Между прочим, приехавши в эту деревню, я встретил пастуха с рожком, который наигрывал очень оригинальную мелодию. Рожок этот делается самими пастухами из дерева и обвивается берестою»*[162]. Более детально устойство рожка описано в отчете об экспедиции: *«Рожок есть собственноручное произведение пастуха и состоит из двух прямых деревянных желобов, связанных вместе*

Пример 7. Нотация колокольного звона Успенского собора, выполненная С. М. Ляпуновым в Великом Устюге[163]



Пример 8. С. М. Ляпунов. Этюд «Трезвон» (фрагмент), ор. 11, № 3



берестой; к одному концу прикреплен раструб, выдолбленный из цельного дерева. По бокам сделано 6 дырочек, соответствующих шести тонам в порядке гаммы. Для каждого инструмента пастухом сочиняется свой "наигрыш". Один такой "наигрыш" мною записан и представляет своеобразную, красивую мелодию» [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 354].

Нотация пастушеского наигрыша была выполнена С. М. Ляпуновым во время работы в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии от пастуха, пришедшего из Шенкурска Архангельской губернии. Композитор отмечал: «*Каждый пастух наигрывает свою мелодию. От одного из них я записал мелодии и приобрел рожок*»[164]. Местонахождение музыкального инструмента остается неизвестным. Нотация сохранилась в Записной книжке № 12[165]. Этот образец рожечного наигрыша представляет собой одно из наиболее ранних свидетельств пастушеской инструментальной традиции этого региона.

По инициативе С. М. Ляпунова в селе Кикнур Яранского уезда Вятской губернии произошла встреча с черемисскими музыкантами, играющими на гуслях («кысле») и волынке («шибёр»). Черемисы с музыкальными инструментами запечатлены на фотографии, выполненной собирателями (фото 1).

Фото 1. Черемисы-музыканты. Фрагмент фотографии «Черемисская деревня близ станции Кикнур»[166]

Черемисские музыкальные инструменты вызвали интерес у собирателей, потребовали дополнительных расспросов, касающихся производства инструментов. В «Дневнике путешествия» С. М. Ляпунов оставил следующее описание гуслей и способа игры на них: «*Гусли в Кикнуре не местного производства, а привозные из Казанской губернии и приобретаются приблизительно по 60 коп[еек]. Они имеют форму трехугольного деревянного ящика, на котором натянуты струны различной длины. Играют прямо руками, задевая струны, как на арфе, положив гусли к себе на колени*»[167]. В отчете об экспедиции Ляпунов уточняет, что гусли имели «кишечные» струны разной длины [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 354]. Нотации гусельных наигрышей и строя гуслей находятся в Записной книжке № 7[168]. Ляпуновым была отмечена простота инструментальных наигрышей, что вполне отвечает действительности, так как инструментальное сопровождение плясового движения и не предполагало развернутой музыкальной формы.

Фото 2. Федосья Михайловна Шибаева, 1936 г. р., с марийскими гуслями, деревня Ваштранга Кикнурского района Кировской области[169]

Записи инструментальной музыки, выполненные в конце XIX века Ляпуновым, имеют важное научное значение как материал для сравнительного изучения. Экспедиционные исследования, проводимые Санкт-Петербургской государственной консерваторией в Яранском и Кикнурском районах Кировской области в 2010, 2012 годах, подтвердили распространение на этой территории шлемовидных гуслей (фото 2, 3). Инструмент именно такого типа зафиксирован на фотографии, выполненной в экспедиции Песенной комиссии ИРГО в конце XIX века (фото 1).

При сравнении кратких черновых нотаций гусельного наигрыша, выполненных С. М. Ляпуновым, с современными экспедиционными материалами, записанными от жительницы города Яранска Александры Федоровны Соколовой (фото 3), 1933 года

Фото 3. Исполнительница на марийских гуслях – Александра Федоровна Соколова, 1933 г. р., город Яранск Кировской области[170]

рождения, выявляется целый ряд аналогий. Так, практически совпадает звукоряд настройки инструмента (в основе – диатонический звукоряд с пропущенной VII ступенью). Близкими оказываются приемы игры и структурные закономерности наигрыша. Отметим также, что образец нотации наигрыша из Записной книжки № 7 С. М. Ляпунова, названного им «Плясовая»[171], может быть соотнесен с наигрышем «Санчуринка», зафиксированным в экспедиции в 2010 году.

В «Дневнике путешествия» С. М. Ляпунов оставил подробное описание черемисской волынки – "шибёр": «*По устройству своему пузырь напоминает волынку: две деревянные трубочки, в которые с одной стороны вложены жестяные пластинки с дырочками, оканчиваются одним общим раструбом, сделанным из рога. К верхнему концу их приспособлен бычий пузырь, который надувается тоненькой костяной трубочкой. Звуки довольно дики и пронзительны*»[172]. Традиция игры на «пузыре» в традиции

Фото 4. На волынке играет марийский музыкант Иван Васильевич Чернов, 1928 г. р., деревня Нижний Унур Уржумского района Кировской области[173]

народа мари сохранилась до нашего времени (фото 4). Спустя более, чем сто лет, в фольклорной экспедиции Санкт-Петербургской консерватории 2009 года в Уржумский район Кировской области было зафиксировано бытование марийского инструмента, именуемого «шувырь», записаны инструментальные наигрыши [Лобкова, Шейченко, 2012, с. 36–42].

В «Дневнике путешествия» собиратель не упоминает активно распространяющуюся в деревне на рубеже XIX и XX веков традицию игры на гармони. Характеристика этого инструмента предлагается в отчете об экспедиции [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 353]. С гармонью композитор связывает процесс упадка *«народного музыкального вкуса и творчества»*, с критикой относясь к *«сомнительной интонации»*, к однообразному, по мнению собирателя, гармоническому сопровождению, состоящему *«исключительно в чередовании мажорной тоники и доминанты»* [Там же]. С. М. Ляпунов негативно оценивает популярность инструмента в крестьянской среде, так как, по его представлению, гармонь не встречает «противодействия в кое-где сохранившихся остатках народной инструментальной музыки» [Там же].

Материалы северных экспедиций Песенной комиссии ИРГО в произведениях С. М. Ляпунова

В 1897 году Ляпунов вошел в состав Комиссии для составления и издания сборников русских народных песен из числа собранных песенными экспедициями ИРГО (наряду с М. А. Балакиревым, А. К. Лядовым, И. В. Некрасовым и А. А. Петровым), организованной по инициативе и под председательством Т. И. Филиппова «для распространения <…> среди певцов-художников и любителей, среди войск, а также в попечительствах о народной трезвости и школах» [50 песен русского народа … , 1901, с. III]. Композитор принял самое активное участие в этой работе.

Итогом почти двадцатилетнего труда в области собирания, изучения и художественного освоения песенного наследия стали обработки Ляпунова, которые отличает тонкое проникновение в мелодический строй народной песенности: «Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано» [1900] и «35 песен русского народа для одного голоса с сопрово-

ждением фортепиано из собранных в 1893 г. С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым» [1901]. Композитор переложил 65 песен для голоса с фортепиано (48 образцов представляют собой его собственные экспедиционные записи 1893 года; 8 напевов – из числа нотированных им в разное время в разных местностях; 9 напевов взяты из сборника «Песни русского народа» Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина).

Страницы жизни С. М. Ляпунова как исследователя и собирателя музыкального фольклора непосредственно связаны с его композиторским творчеством[174]. Подчеркнутое внимание к музыкальному и образному строю народной музыки нашло отражение в «Торжественной увертюре на русские темы» ор. 7 (1896). Тематическую основу увертюры составили три напева, зафиксированные в северных экспедициях: начальные интонации хороводной песни «Мы пшону сеяли», записанной в 1893 году в городе Красноборске Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, и два свадебных напева из записей 1886 г. Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша: «Пивна ягода по сахару плыла» и «Ты река ль моя, реченька». В основу двух фортепианных этюдов из цикла «12 этюдов высшей трудности» (ор. 11) легли нотации, выполненные композитором в экспедиции 1893 года. Колокольный звон, услышанный в Великом Устюге, вдохновил композитора на создание этюда «Колокола», № 3 (1901). Интонации лирической песни «Из-за лесу-то, лесу темного» в записи из села Новоуспенского Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии были использованы в этюде «Былина», № 8 (1903).

Разнообразный экспедиционный фольклорный материал нашел отражение в циклах «Пять квартетов для мужских голосов без сопровождения на народные темы» (ор. 47 и ор. 48). Образы, навеянные живописными рассказами о святочных обходах дворов мужскими артелями, впечатления от звучания святочного «виноградья» «Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю городу», записанного в Великом Устюге (слобода Дымково)[175], воплотились в квартете «Малое виноградье (коляда)» (ор. 47, № 1). Музыкальный образ лирической песни «А да как вились, вились, вились у молодца кудри»[176] из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской области был переосмыслен композитором в «Протяжной» (ор. 47, № 2). Еще одна лирическая песня «Ваня-клюшничек» («У того то ли было у князя, у Волконскаго»)[177] из села Новленского Новленской волости Вологодского

уезда и губернии была обработана Ляпуновым в произведении «Ваня-клюшничек» (ор. 47, № 3).

В состав следующего цикла обработок для квартета для мужских голосов (ор. 48) композитор включил две песни из материалов экспедиции 1893 года и три – из материалов экспедиции 1886 года. Это «святочная» хороводная песня «На горе стоит верьба»[178] (нотация выполнена в городе Красноборске Сольвычегодского уезда Вологодской области), использованная в обработке «Святочная» (ор. 48, № 3); хороводная песня «Ой, пошел круг города царев сын»[179] (запись напева сделана в Погосте Маркушевском Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии), вошедшая в «Плясовую» (ор. 48, № 2); старина «Птицы и звери» («Отчего у нас зима да становилася») из Космозерского погоста Петрозаводского уезда Олонецкой губернии[180], ставшая основой квартета «О птицах» (ор. 48, № 1); былина «Никита Романович» (деревня Оятевщина Петрозаводского уезда Олонецкой губернии)[181], претворенная в «Былине про Ивана Васильевича Грознаго» (ор. 48, № 4).

В 1902 году для концертной части Всероссийской кустарно-промышленной выставки, в организации которой принимало деятельное участие ИРГО, С. М. Ляпунов подготовил обработки двух песен для смешанного хора a cappella: «Протяжная» («Во лесах-то ли было»), «Святочная» («На горе стоит верба») [Русские народные песни, ор. 15, 1902].

В Сонатине для фортепиано (ор. 65) прослеживаются интонации песни «Ой да, я бегу, бегу по поженке» («ивановская») в записи из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии[182].

В основу «Вариаций на русскую тему для фортепиано», ор. 49 (1912), легла хороводная песня «По морю, морю синему» из материалов экспедиции Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша 1886 года. Интонации духовного стиха «Сон Богородицы» использованы в кантате «Вечерняя песнь» (ор. 68).

Творческая деятельность Ляпунова-композитора, создавшего обработки народных песен для голоса с фортепиано, квартета мужских голосов, для хорового состава, использовавшего фольклорный материал в фортепианных, симфонических произведениях, стала важнейшим результатом экспедиционных поездок. К народной песне С. М. Ляпунов относился в большей степени

как к явлению музыкального искусства, хотя его представления о народной музыке и опыт ее восприятия далеко выходили за пределы только лишь композиторского интереса.

* * *

Нельзя не согласиться с мнением А. С. Ляпуновой, которая высоко оценивала деятельность своего отца как собирателя фольклора. А. С. Ляпунова писала: «Несмотря на известную тенденциозность подхода в собирании и записи, обусловленную общими установками Песенной комиссии ИРГО, а отчасти и личными воззрениями, Ляпунов сделал немало для сохранения русской народной песни и инструментальной музыки, так как основным критерием отбора для него оставался всегда тонкий слух композитора и строгий вкус музыканта» [Ляпунова, 1963, с. 10–11]. Восприятие песенного материала оказалось для Ляпунова-композитора сложным творческим процессом. Первоначально освоение С. М. Ляпуновым музыкального материала происходило непосредственно в ситуации общения с народными исполнителями. Результатом этой деятельности стали нотации народных песен, выполненные в полевых условия. Представить, как протекал процесс нотации, можно на основе изучения сохранившихся рукописей «Записных книжек» композитора. Аналитические наблюдения С. М. Ляпунова над экспедиционными материалами продолжались и при подготовке к изданию сборника «Песни русского народа» (1899), когда осуществлялся отбор песен и происходил поиск формы их публикации.

Участвуя в 1915 году в Международном музыкальном конгрессе в Риме с докладом, посвященным развитию русской национальной музыкальной школы, С. М. Ляпунов высоко оценивал значение деятельности Песенной комиссии ИРГО по сохранению народной музыки и, в частности, отмечал важную роль изданных к тому времени песенных сборников.

С. М. Ляпунов, как и многие другие собиратели фольклора конца XIX века, давал негативную оценку сохранности и состоянию фольклорной традиции. С позиций современного научного знания такая точка зрения кажется несколько преувеличенной. На протяжении всего XX века собиратели фольклора продолжали фиксировать образцы крестьянской культурной традиции, несмотря на пессимистические прогнозы исследователей прошлого. Большое беспокойство у С. М. Ляпунова и Ф. М. Истомина вызывало вли-

яние новой культурной эстетики городской среды, ощущаемое в меняющейся музыкальной интонации крестьянской песни. Наблюдения С. М. Ляпунова над распространением гармони в крестьянской среде, увлечением плясовыми частушками привели к выводу об утрате народной музыкальной традиции.

Рубеж веков отмечает начало процесса формирования новой эпохи отношения к народной песне как к объекту научного знания, и С. М. Ляпунов принимает самое непосредственное участие в этом процессе, работая в Песенной комиссии ИРГО, а также занимаясь преподавательской деятельностью. Композитор обдумывал идею создания серии работ о русской подголосочной полифонии «как самостоятельной области музыкально-теоретической науки» [Онегина, 2011, с. 209]. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться. В последние годы жизни С. М. Ляпунов обобщил свои наблюдения над русской песней в курсе лекций, прочитанных им в Институте истории искусств в Петрограде в 1921–1922 годах [Ляпунова, 1963, с. 5].

Фольклорный материал, записанный С. М. Ляпуновым, имеет важное художественное и научное значение для современных исследований. Изучение его в контексте записей фольклора, выполненных в XX–XXI вв., позволяет осуществить наблюдения над исторической динамикой культурной традиции, а также дать объективную научную оценку значению слуховых нотаций фольклора, сделанных уже более 120 лет тому назад. К числу значительных событий в истории русской музыкальной фольклористики, связанных с маштабными полевыми исследованиями песенных традиций Русского Севера в 1886 и 1893 годах, следует отнести первые научные экспедиции с участием Ф. М. Истомина, Г. О. Дютша, С. М. Ляпунова, издания Песеннной комиссией ИРГО текстов и напевов, записанных непосредственно от народных исполнителей. С этого момента начинается период целенаправленного формировании фактологической базы науки. «Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами» занимает особое место в истории отечественной музыкальной фольклористики – значительная его часть посвящена крестьянской России, в которую С. М. Ляпунов вглядывается с вниманием и любовью как русский музыкант и как гражданин своего Отечества.

Автор благодарит хранителя музыкальных фондов Н. В. Рамазанову и сотрудников Отдела рукописей РНБ за поддержку в работе с рукописью. При подготовке к изданию большую помощь в редактировании рукописи, составлении и проверке примечаний, в работе с иллюстрациями, оказали сотрудники Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова С. В. Булкин, М. С. Голубева, Е. С. Черменина, Г. Н. Щупак.

И. Б. Теплова

Примечания

1 [Ляпунов С. М. Воспоминания] // ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 83 об.

2 С. М. Ляпунов родился 30.11.1859 в Ярославле. Ушел из жизни 8.11.1924 в Париже, похоронен на кладбище Батиньоль.

3 На отношение к творческому наследию С. М. Ляпунова в советское время, возможно, повлиял тот факт, что, выехав на гастроли в Германию и Францию в 1923 году, он уже не вернулся в Россию (композитор скончался в результате сердечного приступа). Долгие годы музыка композитора-эмигранта не исполнялась.

4 [Ляпунова, 1961; Ляпунова, 1963; Шифман, 1960; Онегина, 2011].

5 Анастасия Сергеевна Ляпунова (1903–1973) – дочь С. М. Ляпунова, музыковед, кандидат искусствоведения (1946). Первоначальное музыкальное образование получила под руководством отца С. М. Ляпунова. Окончила историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории (1931). В 1938–1940 годах – заведующая рукописным отделом библиотеки Ленинградской консерватории, в 1940–1963 годах – сотрудник отдела рукописей, главный библиотекарь Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Автор источниковедческих и текстологических исследований, биографических статей, библиографических обзоров и публикаций [Рамазанова, 1999, с. 6–15].

6 Фольклорные материалы легли в основу целого ряда произведений С. М. Ляпунова: см. раздел «Материалы северных экспедиций Песенной комиссии ИРГО в произведениях С. М. Ляпунова».

[7] Фёдор Михайлович Истомин (1856–1925) – русский этнограф. Закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1883 года являлся секретарем этнографического отдела ИРГО. Участвовал в этнографических экспедициях по Архангельской губернии в 1884 году; в 1889 и 1890 годах (Печорский край), в 1886 и 1893 годах – в экспедициях Песенной комиссии ИРГО [Русская мысль о музыкальном фольклоре ... , 1979, с. 234)].

[8] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 7.

[9] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 9.

[10] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 10.

[11] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 11.

[12] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 12.

[13] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404.

[14] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Автограф. В дальнейшем – «Дневник путешествия».

[15] Жанр дневника путешествия получил широкое распространение в Европе и России в XVIII–XIX вв. Путевые записки были типичным занятием многих путешествующих, среди которых можно назвать Льюиса Кэррола, П. С. Шереметева, Е. Э. Линеву и многих других [Кэррол, 2014; Шереметев, 1902; Линева, 2009].

[16] Окончив консерваторию в 1883 году по специальностям фортепиано (классы В. И. Вильборга, К. К. Клиндворта и П. А. Пабста) и теории композиции (классы П. И. Чайковского, Н. А. Губерта и С. И. Танеева), Ляпунов получил лестное предложение директора Московской консерватории К. К. Альбрехта остаться работать при консерватории, однако отклонил его [Шифман, 1960].

[17] Первое публичное выступление Ляпунова в качестве пианиста состоялось в 1909 году.

[18] Семейства Ляпуновых и Сеченовых были связаны родственными отношениями. Дядей С. М. Ляпунова по материнской линии был знаменитый физиолог И. М. Сеченов (1829–1905) [Памяти А. С. Ляпуновой ... , 2012, с. 114].

[19] Мать композитора Софья Александровна Ляпунова (1824–1879), урожденная Шипилова, находилась в родстве с семейством Касьяновых. А. А. Касьянов (1891–1982), двоюродный племянник Ляпунова, занимался в его классе в Санкт-Петербургской консерватории.

[20] Опись фольклорных изданий, выполненная А. С. Ляпуновой, датируется 1919–1921 гг. См.: [Теплова, 2013, с. 233–248].

[21] Филиппов Тертий Иванович (1826–1899), музыкально-общественный деятель, собиратель, исполнитель, знаток и пропагандист русских народных песен. Почетный член императорской Академии наук, Русского Географического общества. С 1889 года занимал должность государственного контролера в Государственном совете. Народные песни, исполнявшиеся Филипповым, записаны в 1860-х годах К. П. Вильбоа [Русские народные песни (100) … ,1860], в 1875–1876 годах – Н. А. Римским-Корсаковым [40 народных песен … 1882]. Филиппов был инициатором создания и председателем Песенной комиссии ИРГО до конца жизни.

[22] Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.

[23] Георгий Оттонович Дютш (1857–1891) – композитор, дирижер, собиратель народных песен. Благодаря инициативе М. А. Балакирева и по предложению членов Песенной комиссии ИРГО, Дютш вместе с Ф. М. Истоминым совершили поездку в 1886 году по Олонецкой, Архангельской, отчасти Вологодской губерниям, записывая напевы и тексты народных песен [Русская мысль о музыкальном фольклоре ... , 1979, с. 107].

[24] Бурго-Дюкудре (Bourgault-Ducoudray) Луи Альбер (1840–1910) – французский историк музыки, композитор, фольклорист, педагог. Записывал, изучал, гармонизовал и публиковал греческий, бретонский фольклор. Пропагандировал произведения русских композиторов за рубежом Профессор Парижской консерватории (1878–1908), где прочитал также курс лекций по русской музыке (1903). Бурго-Дюкудре состоял в переписке с М. А. Балакиревым, С. М. Ляпуновым.

[25] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 1–2.

[26] Там же. Л. 1.

[27] Там же. Л. 2.

[28] Там же. Л. 3–3 об.

[29] Там же. Л. 3 об.

[30] Песни русского народа собраны в губерниях Вологодской, Вятской, Костромской в 1893 г. / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.

[31] Отчет прочитан в ИРГО 10 марта 1894 года. Полный текст размещен в настоящем издании. В XX веке переиздавались лишь

фрагменты отчета [«Русская мысль о музыкальном фольклоре … , 1979, с. 230–233].

32 В рукописи заголовок первого очерка «Село Кубенское (Кубено)» не имеет нумерации, № 1 присвоен следующему очерку «Кубенское озеро», № 3 – очерку «Тотемский уезд (Кокшеньга)». Затем нумерация выставлена последовательно от № 4 до № 16. Последний очерк – «От Макарьево до Костромы» – не пронумерован, но должен был бы иметь № 17. В предложенной в издании рукописи «Дневника путешествия» выставлена порядковая нумерация, соответствующая хронологии следования разделов. Правка составителя приводится в квадратных скобках.

33 Страницы раздела 13 «По Вятской губернии» (Л. 66–68) в рукописи не заполнены. По-видимому, автор предполагал разместить на этих страницах свои наблюдения обобщающего характера, касающиеся итогов работы, как это было сделано в разделе 10 «Вологодская губерния».

34 Так, фрагмент воспоминаний, посвященный крестьянской традиции «бучения» белья, которую собиратели наблюдали в Тотемском уезде, в тексте «Дневника путешествия» оказался помещен только в разделе «4. Архангельск». Темп передвижения и обилие впечатлений, по-видимому, иногда вступали в противоречие друг с другом. Автор указывает на то, что фрагмент должен быть отнесен «к Главе 3».

35 Император Александр III участвовал в финансировании экспедиции 1893 года. Издание сборника «Песни русского народа» (1894) осуществлялось на средства, выделенные Императором Николаем II.

36 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 78.

37 Там же. Л. 35 об.–36.

38 Там же. Л. 80.

39 Там же. Л. 63–63 об. Аналогичные описания в «Дневнике путешествия» многочисленны.

40 Там же. Л. 21.

41 Там же. Л. 74.

42 Там же. Л. 18–18 об.

43 Там же. Л. 17–17 об.

44 Там же. Л. 32.

45 Там же. Л. 4.

46 Там же. Л. 11 об. – 12.

47 Там же. Л. 36 об.

48 Там же. Л. 22.

[49] Там же. Л. 52–52 об.
[50] Там же. Л. 19 об.
[51] Там же. Л. 20 об.
[52] Там же. Л. 54.
[53] Там же. Л. 28 об.
[54] Композитор участвовал в церковных службах так часто, как только это было возможно. Ляпунову приходилось бывать и в храмах других конфессий. В частности, во время поездки в 1915 году в Италию на Международный музыкальный конгресс Ляпунов с интересом осматривал католические храмы. В 1919 году он был избран ктитором (старостой) церкви Рождества Пресвятой Богородицы при Петроградской консерватории.
[55] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 2–2 об.
[56] Там же.
[57] Там же. Л. 6.
[58] Письмо С. М. Ляпунова к Е. П. Ляпуновой от 15 июля 1893 г. Цит. по: [Ляпунова А. С. Выписки из различных источников] // ОР РНБ. Ф. 1141. Ед. хр. 100. Л. 8 об.
[59] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 29.
[60] Там же. Л. 12 об.
[61] Там же. Л. 12 об.
[62] Там же. Л. 10 об.
[63] Там же. Л. 19.
[64] Там же. Л. 17.
[65] Там же. Л. 70.
[66] Там же. Л. 80–81 об.
[67] Там же. Л. 55.
[68] Там же. Л. 54–54 об.
[69] К числу редких свидетельств исполнения мужским ансамблем свадебной песни является «В лете калина» в записи Е. Э. Линевой, сделанной в 1903 году в с. Фоминском Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. См.: [Марченко, 1998, с. 309–310].
[70] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 6 об.
[71] Там же.
[72] Там же. Л. 8.
[73] Там же.
[74] Там же. Л. 10.
[75] Там же. Л. 34–34 об.
[76] [Песни русского народа … , 1899, № 2, с. 56–59].

77 Причитание невесты записано от Нины Михайловны Мальцевой, 1907 г. р. Запись: Парадовская Г. П., Столярова О., Голубева И., Балкова В., 19.09.1989. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3279-19. Расшифровка Тепловой И. Б.

78 [Песни русского народа … , 1899, № 1, с. 55].

79 [Там же. № 4, с. 64].

80 [Там же. № 8, с. 65–67].

81 [Там же. № 12, 12а, с. 75–77].

82 [Там же. № 5, с. 61].

83 [Там же. № 6, с. 62–63].

84 [Там же. № 7, с. 63–65].

85 [Там же. № 10, с. 69–73].

86 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 1 об.

87 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 9.

88 Там же. Л. 42.

89 [Песни русского народа … , 1899, № 3, с. 47–49]. В предисловии к сборнику Ф. М. Истомин сообщает о том, что в 1892 году на одном из заседаний Отделения этнографии РГО известный славист И. А. Шляпкин сообщил о своей поездке в Великий Устюг и о записи от мещанина И. Ф. Говорова былины-колядки «По морю, морю Хвалынскому» («Сокол-корабль»). Этой информацией Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов и воспользовались во время своей поездки [Иванова, 2001, с. 116].

90 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 10. Нотация выполнена 22 июня 1893 года в селе Бобровском Востровской волости Устюжского уезда Вологодской губернии.

91 Материалы экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Вологодского педагогического университета.

92 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 1 об. Нотация выполнена 24 июля 1893 года в селе Раменская Слобода Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии.

93 [Песни русского народа … , 1899. № 46, с. 253]

94 [Там же. № 47, с. 254–256]

95 [Там же. № 52, с. 263–265]

96 [Там же. № 19, с. 213–214]

97 Образцы лирических песен молодецкой традиции в записи С. М. Ляпунова переизданы в современной редакции и приведены в сопоставлении с современными записями в сборнике [Народная традиционная культура Вологодской области … , 2005. № 175,

с. 269–272; № 176, с. 272–273; № 177, с. 273–276; № 178, с. 276–279; № 179, с. 280–281; № 180, с. 281–282].

98 [Песни русского народа … , 1899, № 1, с. 141].

99 [Там же. № 2, с. 142].

100 [Там же. № 3, с. 145].

101 [Народные песни Вологодской области … , 1981, № 124; Народная традиционная культура Вологодской области … , 2005, № 26, 29–33, 38, 39, 61, 70, 71, 73].

102 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 20.

103 Там же. Л. 11 об.–12 об.

104 Там же. Л. 42–42 об.

105 Там же.

106 Там же. Л. 42.

107 По замечанию Ф. М. Истомина работа проходила в черемисской части этого уезда.

108 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 61 об.–62.

109 «Сторона моя, да сторонка» – лирическая песня [Песни русского народа … , 1893, № 17, с. 211].

110 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 50 об.

111 Там же.

112 Там же.

113 [Песни русского народа … , 1899, № 18, с. 212–213].

114 [Там же. № 10, с. 203].

115 [Там же. № 53, с. 266–267].

116 [Там же. № 2, с. 192–193].

117 [Там же. № 11, с. 204–205].

118 [Там же. № 14, с. 207–208].

119 [Там же. № 17, с. 211–212].

120 [Там же. № 15, с. 161; № 23–25, с. 173–175].

121 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 59.

122 См.: [Браз, 2001, № 26, с. 103–108, № 28, с. 111–112 и др.].

123 [Песни русского народа … , 1899, № 2, с. 88–89; № 7, с. 93].

124 [Там же. № 7, с. 93].

125 [Там же. № 16, с. 104–105].

126 Материалы фольклорной экспедиции Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова в Нолинский район Кировской области 2010 года.

127 Опубликованные образцы причитаний см.: [Браз, 2001, с. 131–133].

128 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 60.

129 Там же.
130 Единичные публикации духовных стихов вятской традиции не содержат подобных сюжетов. См.: [Валовая, Поздеев, 1998, с. 477–497].
131 [Песни русского народа … , 1899, № 4, с. 11–20].
132 [Там же. № 5, с. 21–26].
133 [Там же. № 3, с. 8–11].
134 [Там же. № 8, с. 31].
135 Атрибутировать указанный сборник не представилось возможным.
136 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 14 об.–15. Нотация выполнена в деревне Печенкино Ильинской волости Яранского уезда Вятской губернии. Духовный стих был исполнен Ф. В. Михеевым, 46 лет.
137 [Песни русского народа … , 1899, № 3, с. 59].
138 [Там же. № 13, с. 77].
139 [Там же. № 8, с. 152].
140 [Там же. № 28, с. 179].
141 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 69 об.–70.
142 [Песни русского народа … , 1899, № 9, с. 95].
143 [Там же. № 15, с. 102–103].
144 [Там же. № 34, с. 187–188]. Двухголосная запись напева является наиболее полной среди других нотаций, отражающих многоголосное пение.
145 [Там же. № 34, с. 171–172].
146 [Там же. № 24, с. 221–222].
147 [Там же. № 8, с. 94].
148 [Там же. № 17, с. 106].
149 [Там же. № 27, с. 120–121].
150 [Там же. № 36, с. 131].
151 См.: [Чухломской фольклор … , 2013].
152 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 78.
153 [Песни русского народа … , 1899, № 18, с. 107–108].
154 [Там же. № 29, с. 123].
155 [Там же. № 3, с. 89–90].
156 [Там же. № 4, с. 91].
157 [Там же. № 5, с. 92].
158 [Там же. № 6, с. 92].
159 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 28 об.
160 Записная книжка № 7. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 12а–16.
161 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр 37. Л. 24.
162 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 18.

[163] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 16.
[164] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 18.
[165] ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 12. Л. 5 об.
[166] Фотография С. М. Ляпунова и Ф. М. Истомина. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 22.
[167] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 65.
[168] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 25 об.–26 об.
[169] Фото А. В. Поляковой, 2012 г. Архив ФЭЦ СПбГК. Кол. 285.
[170] Фото Г. В. Лобковой, 2010 г. Архив ФЭЦ СПбГК. Кол. 267.
[171] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 25 об.–26 об.
[172] ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 65.
[173] Фото Г. В. Лобковой, 2009 г. Архив ФЭЦ СПбГК. Кол. 252.
[174] Наблюдения А. С. Ляпуновой о связи творчества композитора с фольклором см.: [Ляпунова, 1963, с. 5–6].
[175] [Песни русского народа … , 1899, № 2, с. 46–47].
[176] [Там же. № 42, с. 248–249].
[177] [Там же. № 32, с. 232–233].
[178] [Там же. № 30, с. 181–182].
[179] [Там же. № 9, с. 153].
[180] [Песни русского народа … , 1894, № 14, с. 71–75].
[181] [Там же. № 6, с. 46–50].
[182] [Песни русского народа … , 1899, № 20, с. 167].

С. М. Ляпунов

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ
В ГУБЕРНИИ ВОЛОГОДСКУЮ, ВЯТСКУЮ, КОСТРОМСКУЮ И ЯРОСЛАВСКУЮ ЛЕТОМ 1893 ГОДА С ЦЕЛЬЮ СОБИРАНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН С НАПЕВАМИ

[1]. Село Кубенское (Кубено)[1]

Выехав 13 июня из Вологды около 1 часу дня, мы поехали в *л. 2*
село Кубенское[2], отстоящее от Вологды на 28 верст. Дорога шла по белозерскому тракту, мимо Спасо-Прилуцкого монастыря, основанного св[ятым] Димитрием Прилуцким[3]. Здесь мы останавливались поклониться мощам преподобного, напиться из вырытого им самим колодца, около которого стоит деревянный крест, сделанный самим преподобным[4]. Крест этот сделан из круглых бревен, вышиною в 3 аршина и уже очень ветх, так что для сохранения обшит досками. Часовня, в которой помещается крест и колодец, внутри покрыта изображениями из жизни
преподобного и кратким сказанием его жития. // Здесь же в мо- *л. 2 об.*
настыре находится могила поэта Батюшкова[5]. Прикладывался к мощам преподобных Димитрия и Игнатия и мысленно испрашивал их благословения на предпринятое нами дело.

Затем мы двинулись дальше и прибыли в Кубенское около 4 ½ часов. Село Кубенское расположено очень близко от озера того же названия, на невысоком берегу. Напротив него на другом берегу видна церковь св[ятого] Николая[6], находящаяся на так называемой святой луке[7] – месте, где река Сухона вытекает из озера. Первое впечатление, вынесенное мною от переезда, было необыкновенная скученность населения. Село очень

мало; небольшие деревни расположены очень близко одна от другой, церкви отдельно, как погосты, хотя этого названия здесь нет. Село Кубенское есть резиденция станового, волостной центр, а потому было для нас очень удобно начать наши
л. 3 занятия // в нем.

В этом селе две церкви: одна теплая – во имя Димитрия Солунского[8], другая холодная – Илии Пророка[9], отчего и село называется Ильинским. Обе церкви большие, каменные и богатые, находятся в общей ограде; колокольня помещается между ними. В холодной церкви есть чудотворный образ Божией Матери – Неопалимая Купина. Образ очень старый и краска на нем во многих местах облупилась; он относится к 1696 году. Обе эти церкви существуют с прошлого столетия, а до них здесь выстроены были другие, так как, по словам священника и судя по году на образе в с[еле] Кубенском, была
л. 3 об. церковь в XVII веке. // Благодаря содействию станового пристава и здешних старожилов удалось найти певиц и записать несколько песен[10]. При селе очень мало земли, приходится приблизительно по 1/2 надела на душу. Народ занимается, главным образом, торговлей и отхожими промыслами. Между прочим, тут есть коптильные заводы, где коптят селедку и отправляют в Петербург. Женщины и девицы занимаются плетением кружев, получают большие заказы и образчики из Петербурга.

Очень оригинальны избы своей постройкою. Почти все они двухэтажные; вы входите в сени, разделяющие переднюю избу от задней; в нижнем этаже первой избы, выходящей на улицу, находится кладовая, имеющая вход с улицы или сбоку. В сенях вы поднимаетесь по лестнице и входите в теплую избу над кладовой. Расположение ее, в общем, похоже на избы средней полосы России, только гораздо просторнее; стены оклеены обоями; печь выбелена, помещается среди избы, так что за нею есть еще свободное место для помещения умывальника, помойного ведра и т. п. По другую сторону сеней находится изба холодная. Низ ее занят помещением для скотины, оно заменяет
л. 4 скотный двор средней полосы. Наверху помещаются птицы // и имеется иногда холодная жилая комната, кажется, для лета; такую мы занимали. Дворов, т. е. отгороженного пространства, где помещаются мшаники коров[11] и т. п., как в средней полосе

России, нет. Это общий тип постройки всей местности при озере Кубенском и в Вологодском уезде.

14-го путешествие наше продолжалось до станции[12] Новленской, где мы только ночевали и навели справки. 15-го поехали дальше. По дороге заезжали в Сямский монастырь[13]. К вечеру приехали в Нефедово; деревня расположена на самом северном конце озера в 10 верстах от Кирилловского уезда Новгородской губернии.

[2]. Кубенское озеро

Собрав сколько возможно было песенного материала в Нефедово[14], мы 16-го июня направились обратно в Новленское, где к нашему приезду должны были собраться старички, помнящие старину. По дороге мы останавливались в деревне Березниках, где тоже занимались записыванием песен и // причетов[15]. *л. 4 об.* В Новленское мы возвратились около 4-5 часов вечера; старички были в сборе, и мы, приведя в порядок себя после дороги, принялись за работу[16]. Вечером мы думали переехать озеро к Спасо-Каменному монастырю[17], но поднялся противный ветер, который заставил нас отложить ночное путешествие по озеру. Мы только перебрались в избу к лодочнику, которого наняли, в версте от Новленского и там переночевали.

На другой день, т. е. 17-го июня, мы отправились в путь около 7 час[ов] утра. Озеро Кубенское[18] имеет около 70 верст длиною и около 10–15 верст шириною. Ехать от Новленского к Спасо-Каменному монастырю приходилось немного наискось по озеру, и это расстояние равняется 13 верстам. Тут мне пришлось увидеть, как приозерский народ рано привыкает к плаванию по озеру: нас провожали двое гребцов, один взрослый и здоровый мужик, // другой – мальчик, его брат. *л. 5* Старший безостановочно работал веслами все 13 верст, но и мальчик не отставал от него. Мой спутник [Ф. М. Истомин] ненадолго заменял его для собственного моциону, но это было ничтожно, сравнительно с тем, сколько пришлось работать мальчику. Мы выехали совсем в теплую погоду, но, по мере того как плыли по озеру, постепенно разгуливался встречный

ветерок, который под конец порядочно мешал гребцам и покачивал лодку.

В монастырь мы приехали к концу обедни, сейчас же прошли в церковь, после обедни отслужили молебен преп[одобному] Князю Иоасафу[19] и затем были приглашены к отцу казначею (настоятеля в то время не было). Монастырь расположен на небольшой площадке, окруженной со всех сторон водою. Растительности нет почти никакой, и монастырские здания теснятся друг к другу, как бы спасаясь от окружающей воды. В церкви наверху покоятся недавно перенесенные сюда мощи
л. 5 об. преп[одобного] Князя Иоасафа, а // внизу – Василия Блаженного[20]. Юго-восточная часть монастырского острова образует косу, которая обнажается после спада воды и соединяет остров с берегом, который теперь еще тоже покрыт водою. Тут монастырские обширные заливные луга и покосы. Северная же сторона острова наоборот совсем открыта для ветров и бурь, часто страдает также ото льдов. На берегу лежит камень 500 пудов весу с надписью, что он был поднят льдами во время ледохода и положен на крышу братского корпуса. Это случилось в 1834 году и обошлось без несчастий. В нынешнюю весну в монастыре был разрушен сарай с заготовленным кирпичом для постройки.

На острове помещается спасательная станция[21], и из монастыря мы были доставлены матросами этой станции в пустынь преп[одобного] Александра Куштского[22], приписанную к монастырю и находящуюся на другом берегу Кубенского озера на речке Куште. Он помещается в лесу. Не доезжая его,
л. 6 на берегу речки, на открытой // полянке стоит деревянный крест. По преданию, здесь хотел основать преподобный свою обитель, но ушел отсюда вследствие множества змей. И в настоящее время здесь водится множество змей, и даже протекающая тут речка называется Змеевкой. Пустынь Александра Куштского расположена на очень красивом местечке; в ней две церкви, одна деревянная очень старинной постройки, другая каменная, которая соединяется с деревянною через боковые двери. Внизу в каменной церкви покоятся мощи преподобного[23]. В деревянной церкви замечателен старинный иконостас старинной работы. Остальные здания все деревянные и очень бедны; есть недавно построенный корпус для приезжих. Здесь

мы встретились с настоятелем, который постоянно находится в разъездах и хлопочет о возрождении этих древних обителей. Переночевав тут, мы были доставлены на лошадях о[тца] настоятеля до села Устье, в 4 верстах от пустыни, где сели на пароход.

Село Устье находится при впадении реки Кубены в Кубенское озеро; это богатое торговое село. Недалеко от него много лесопильных заводов. 18-го // июня мы сели на пароход в Устье *л. 6 об.*
и в тот же день около 6 час[ов] вечера прибыли в Вологду, проведя в дороге шесть дней и сделав всего около 250 верст.

Относительно главной цели нашего путешествия общее заключение должно быть сделано не в хорошую сторону. С большим трудом нам удалось собрать небольшое количество песен и причетов, а причину этой неудачи прямо следует искать в исчезновении песен в народе. Здесь народ настолько уже отрешился от своей старины, что у него не сохранилось почти никаких памятников прежнего творчества. Когда же приходилось слышать какую-нибудь старинную песню от стариков, то надо было удивляться не тому, что эти песни исчезают так быстро, а тому, что они еще могут держаться в памяти стариков. Исполнение было настолько нехудожественно, что прямо чувствовалось, что песни эти чужды народу, от них остался только остов. Более других сохранились песни свадебные и причеты, между которыми есть интересные[24].

3. Тотемский уезд *л. 7*

20-го июня мы проехали из Вологды в Тотьму. Этот город расположен на левом берегу Сухоны и не отличается красотою местоположения. Не доезжая его верст восемь по Сухоне, есть остров, где был прежде упраздненный теперь Дедов монастырь, отчего и остров носит то же название[25]. Как старинный город Тотьма имеет много церквей; все они уже вновь перестроены, так что старины в них не сохранилось, но есть еще на некоторых старинный орнамент. Собор новейшей постройки и расположен на четырехугольном пригорке, имеющем со всех сторон естественные обрывы и скаты, а его четверток– искусствен-

ный ров. Здесь был прежде тотемский городок и крепостница, след башен которой еще заметен и теперь. Колокольня собора старой постройки; она не высока. Самый большой колокол – праздничный – имеет весу около 1000 пудов, а второй – воскресный – около 300, а будничный – 150 п[удов]. На ней устроены мастером часы и куранты, отбивающие каждую минуту и каждую четверть часа.

л. 7 об. В Тотьме есть порядочная // гостиница, в которой мы и остановились. В первый же день по приезде мы явились к исправнику и просили его содействия в нашем деле, в чем он, конечно, не отказал. Других официальных лиц мы, конечно, не видали, но имели кое-какие сведения о Тотемском уезде от бывшего представителя земской управы А. Т. Попова и председателя уездного судакова, которых видели в Вологде. 21 июня часов около 10 вечера мы отправились в кругосветное путешествие по Тотемскому уезду.

л. 15 об. [К главе 3-й][26].

21-го июля часов около 10 вечера мы выехали из Тотьмы на почтовых, чтобы попасть на Бабье озеро. Дорога шла левым берегом Сухоны, на котором расположен и город, так что, чтобы *л. 16* попасть // к нашей цели, нам предстояло впоследствии переехать Сухону. Довольно гористый берег, дорога проложена то лесами, то по берегу Сухоны, северная июльская ночь, почти не отличающаяся от сумерек, блестящие искры светляков в кустах и в траве по обе стороны дороги, – все это сообщал[о] какую-то особенную поэтичность нашему пути. Впереди неведомые страны, глушь, в которой ожидалось найти много любопытного и поучительного. Первая станция отстоит от Тотьмы на 25 верст и находится уже на правом берегу Сухоны. Мы проехали несколько деревень и сел, наконец, ямщик наш подвез нас к самому берегу реки и стал тихо спускаться с горы. Тут был паром; перевозчики, услышав наши колокольчики, поехали в лодке с другого берега навстречу к нам. У самой воды на противоположном берегу виднелось несколько огней. «Что это – <*нрзб*>?» – спросил мой спутник [Ф. М. Истомин] у ямщика. «Нет, это белье буцят»[27], – ответил он. Переправившись на другой берег, мы приехали в деревню Камчугу, где и находится станция. Пока нам меняли лошадей, мы отправились посмотреть, в чем со-

стоит бучение белья у здешних крестьянок. Я потом заметил, что здесь везде в ходу тот же самый способ бучения, который состоит в следующем: в кадку накладывается доверху // белье *л. 16 об.* и наливается вода, и растворяется зола. Затем разводится костер, и в нем раскладываются камешки, которые и опускаются в кадку с бельем, заставляя воду кипеть; чтобы кипение не прекращалось, камни постоянно сменяются, пока что, наконец, закипает вся кадка. Тогда она накрывается и оставляется преть; то же самое со следующей, затем вторично повторяется с первой и так в течение почти полусуток и далее. Потом белье выполаскивается и сушится[28].

Первою нашею целью была местность у Бабьего озера, *л. 7 об.* лежащая в восточной части уезда близ границы Никольского уезда и в 90 верстах от г[орода] Тотьмы. Почтовые дороги здесь хороши и красивы, идут по большей части лесами через широкие просеки. Чтобы попасть на Бабье озеро, мы должны были переплыть Сухону к первой станции и потом свернуть с почтового тракта на земский и проселочный. Трудно себе представить дорогу ужаснее той, которую пришлось нам сделать последние 20 верст до Бабьего озера. Эта дорога пролегает лесом по узкой просеке и по болоту. Она вымощена, но самым варварским способом – поперек // ее проложены круглые бре- *л. 8* вешки и палки, не засыпанные сверху землей, так что колеса прыгали по ним ежеминутно, делая толчки едущим. При этом большая часть этой мостовой уже сгнила, вследствие чего колеса часто уходят по ступицу в болото. Путь этот пришлось нам совершать уже 22 утром, так что к неудобствам самой дороги присоединилась назойливость слепней (паутов, как здесь называют) и мух, не дававших покоя ни лошадям, ни нам. Ехать скоро было невозможно; мы употребили на эти 20 верст около 4-х часов.

Бабье озеро – местность действительно глухая; она окружена болотами, отрезана от всех окружающих ее сел и деревень, и это обстоятельство заставило нас предполагать там возможность найти старинные песни и, может быть, даже былины. Но надежды наши не оправдались: былин и дух[овных] стихов совсем не оказалось, а из песен более уцелели свадебные. Песни же лирические (бытовые, семейные и любовные) превратились

в солдатские или приняли оттенок какой-то пошловатости и ухарства. То же, что замечалось и на Кубенском озере, хотя все-таки здесь эти влияния оказались не так сильны.

Окончивши собрание песен[29], мы пожелали побывать на
л. 8 об. погосте, отстоящем от деревни // версты на три. Дорога обходит далеко прилегающее к озеру болото, и потому мы предпочли пройти болотом до озера и переехать его в лодке, что и сделали. К озеру надо было пройти моховым болотом, в котором ноги погружались почти до колен. Озеро пришлось переезжать в маленьком ботике, который погружался в воду почти в уровень с краями. Озеро невелико, и погода была совершенно тихая, так что переезд совершался без всяких приключений. Бабозерский погост был прежде монастырем[30], который упразднили с введением штатов во второй половине прошлого столетия. Хотя монастырь был древний, но существующая там церковь новая: тут два раза были пожары, которые уничтожили все памятники. В церкви есть икона резная св[ятой] Пятницы (Прасковья), очень чтимая народом. Приход очень беден, и священник живет в крестьянской обстановке. При церкви есть церковно-приходская школа. Вернулись мы с погоста уже не по озеру, а берегом через болото, где оказались проложенными мостки.

К вечеру мы выехали из дер[евни] Мумаихи, в которой занимались собиранием песенного материала. Ехать надо было
л. 9 тою же дорогою, так как // другой нет. Ямщик нас уверял, что в его деревне Харино, которую мы накануне проехали не останавливаясь, сохранились старинные песни, и обещал нам собрать стариков. Вследствие этого, приехав в Харино на рассвете 23 июня, мы там остановились и после отдыха занялись собиранием песен. Ямщик оказался прав: тут мы замечательно прибавили песенным материалом, хотя не в количественном, а в качественном отношении. Здесь были сделаны фотографические снимки с певиц-старух и певцов[31].

В тот же день мы двинулись дальше, переехали опять Сухону и 24 [июня] приехали утром в село Раменск[ая] Слобод[а]. Здесь наш сбор обогатился кроме песен и причетов двумя духовными стихами про Лазаря и Алексея человека Божьего и одною былиною про Илью Муромца, совершенно нового содержания[32]. Здесь же я поинтересовался местными рукодельями и

приобрел несколько полотенец с шитыми концами (чеканами, как их называют)[33] и шерстяной узорчатый пояс.

Отсюда мы имели намерение проехать через местность, называемую Кокшеньга[34]. Это несколько волостей, расположенных по речке // Кокшеньге, ее притокам Уфтюге и Тарноге[35]. Здесь были древние новгородские поселения, сохранились даже названия деревень – Новгородовская, Салтыковская, свидетельствующие о происхождении их жителей. Местность эта часто подвергалась нападением Литвы и вятичей[36], здесь же происходили сражения князей, ведших междуусобные войны, как, напр[имер], Шемяка[37] и Василий III[38]. Местность эту посещал царь Ив[ан] Грозный[39]. Сохранилось много холмов, на которых были прежде выстроены городки и укрепления. В этих пригорках находят иногда старинные монеты. По мере того, как мы приближались к Кокшеньге[40], народ нам сообщал, что там можно найти много и старых песен, и всяких рукоделий, так что интерес к Кокшеньге все возрастал, и благодаря ее историческому значению я ждал от нее многого. *л. 9 об.*

25 июля мы приехали в дер[евню] Монастырскую при погосте Маркушевском; это последняя станция до Кокшеньги. Здесь мы собрали около 10 песен[41] и опять слышали рассказы про Кокшеньгу. Любопытство мое возрастало. В этот день к вечеру мы приехали на станцию Игумново в Кокшеньге. Тут – местопребывание земского начальника, который оказал нам содействие в нашем деле через волостного старшину: урядник был уже предупрежден о нашем приезде // исправником. Вследствие этого нашли даже деятельное содействие и записали около 14 песен и причетов[42], но признаюсь, я ожидал большего и более интересного. Былин и дух[овных] стихов не нашлось; ограничились свадебными причетами, хороводными и солдатскими песнями. *л. 10*

Кокшеньга расположена в северной части Тотемского уезда и отстоит от города Тотьмы на 80–100 верст. Земский нач[альник] посоветовал нам проплыть к Спасскому погосту, находящемуся в 25 верстах от Игумново к северо-западу. Надеясь найти там более глубокое место, мы направились туда вечером 26 июня и провели там воскресенье 27 июня. По части песен нашли там еще меньше. Привели к нам двух слепых, не местных, которые могли нам пропеть только один ду-

х[овный] стих об Иоанне Богослове. Местные жители пели преимущественно хороводные, удалось записать несколько причетов и песен лирических и солдатских. Всего записано было 12 песен[43].

Общее впечатление Кокшеньга произвела не в свою пользу. В ней сохранилось много старых обычаев и обрядов, особенно свадебных, сохранились и древние костюмы; шитые золотом головные уборы, называемые борушками[44], и род кокошников, называемых головодцами[45], которые надеваются, когда выво-
л. 10 об. дят невест на смотренье; сохранились // шелковые и атласные сарафаны; но при всем этом не сохранилось народной поэзии, песен и былин. Сам народ, по рассказам, отличается буйством и разгулом – черты как будто сохранившиеся от их предков – новгородцев[46]. Кокшары, как их зовут, отличаются также злопамятностью и мстительностью; любят драться не кулаками, а чурочками, из которых иные бывают весом до 1/2 пуда и более, говорят, что когда супротивника чурочкой пришибешь, то его и бить будет легче. Как характеристика народа этой местности может служить и количество преступлений, которых в Кокшеньге бывает значительно больше, чем где-либо в уезде. Исправники передавали нам, что там недавно на одной неделе было совершено четыре убийства. В Кокшеньге есть и раскольники[47], но живут они между православными, не составляя отдельных обществ. Набожностью жители Кокшеньги не отличаются и больше любят те праздники, когда варится пиво[48], которым и упиваются до полусмерти, причем, конечно, не обходится без увечий.

Спасский погост очень богат как сельский приход. В нем есть деревянная церковь с шатровой крышей, существующая
л. 11 около 200 лет[49], а // каменная отстроена недавно[50], в ней три предела, из которых два существовали ранее, а главный освящен недавно еп[ископом] Израилем. К погосту теперь приписана церковь св[ятого] Николая, находящаяся от него верстах в трех на другом берегу Кокшеньги. Она очень старая, деревянная и стоит на квадратном холме – место бывшего городка. Там, по преданию, были подземные ходы, на месте которых остался только ров, там же есть курганы, которые раскапывались, но ничего в них не найдено. Близ Спасского погоста есть такой же квадратный холм, на котором еще в недавнем времени была де-

ревянная церковь, но за ветхостью сломана, и иконостас ее перенесен в каменную церковь на погосте. Приход имеет возможность содержать двух священников и дьякона; один из священников раза четыре в год совершает службы в церкви св[ятого] Николая, у которой поселилось несколько старух и образовали нечто в роде общины.

В речках Кокшеньга и Уфтюга прекрасное купание, которым мы не замедлили воспользоваться.

21-го вечером мы двинулись в обратный путь прямо в Тотьму, уже не останавливаясь для собирания песен. Первые две станции находились настолько близко // от Спасского и Игумново, что невозможно было ожидать найти в них чего-либо нового. *л. 11 об.* А потом была станция в 34 версты лесом без деревень; мы проезжали только мимо возникающих поселков. После них мы уже настолько приблизились к городу, что искать тут старины было бы бесполезно. Таким образом, мы через неделю 28 июня вернулись в Тотьму, сделав по уезду на лошадях 337 верст. Прибыв в Тотьму 29-го, мы сели на пароход 30-го июня и поехали в Архангельск.

В Вологодской губернии есть много особенностей, очевидно недавно унаследованных и выработанных условиями местной жизни. Там очень почитается память св[ятого] Прокопия Устюжского[51], и Прокопьев день 8-го июля принял в народном определении времени такое же значение, как Петров день или Спас. Народ в Тотемском уезде, по крайней мере, в отдаленных его и в глухих местах, сохранил еще свой старинный костюм. Мужчины ходят в рубахах – косоворотках, сшитых из белого холста местного тканья, причем косой ворот рубахи пробран (или – выкладен, по местному) // красным узором вокруг шеи и *л. 12* углом на груди по разрезу ворота. Таким же узором обшивают и рукава. Молодые парни иногда по праздникам носят вышитые портянки (онучи), шитье которых выпускается поверх голенища сапог. Девушки обшивают подолы рубашек широкими узорами, вышитыми или выкладеными.

По окраинам уезда народ занимается исключительно земледелием, но и этот промысел вследствие скудости почвы чрезвычайно мало приносит выгоды. Земля по большей части песчаная и переполнена камнями. Здесь выработался особый прием землепашества. Крестьяне обыкновенно стремятся расчищать

нови, причем обыкновенно выжигается площадь леса, и затем ее пашут, не выкорчевывая корней. На нови родится порядочный хлеб, стоит рожь, лен, последний имеет хороший сбыт. Но лет через пять вычищенное место совсем истощается и его бросают лет на пять-шесть, пока оно опять не зарастет. Тогда снова
л. 12 об. его чистят, года два парят, удобряя его насколько // возможно, и оно снова дает урожай. Расчищая и уничтожая леса, крестьяне, конечно, не сознают, что этим способом они губят землю. Песчаный грунт быстро высыхает, а земля становится не способною удерживать влаги. Конечно, лесов еще очень много, но нельзя не признать, что единственным спасением от такого истребления леса, которое вообще небезопасно в отношении пожаров, служит существование больших казенных и удаленных лесных дач.

Народ вообще благочестив и набожен. Этим только можно объяснить существование церквей без приходов или с малыми приходами. Люди чтут свою старину церковную и желают сохранить ее. К числу характерных чисто русских обычаев надо отнести и следующий. Когда мы садились в Вологде на пароход, на пристани собралась масса народу; это, пожалуй, единственное развлечение вологжан, тут были и проводы, трогательные прощания. После третьего свистка капитан скомандовал убрать мостки, снять чалки[52], и когда пароход остался уже свободным на реке, капитан громко произнес: «Помолимся Богу». Все – как на пароходе, так и оставшиеся на берегу, – сняли шапки и, обратясь к церкви св[ятого] Федора Стратилата, стоящей около пристани, стали креститься. После этой всеобщей молитвы капитан скомандовал машинисту дать ход, и пароход тронулся. То же самое повторялось и на пристанях, где пароход останавливался.

л. 13

4. Архангельск

Мы выехали из Тотьмы 30-го июня часа в три дня. Ехать пришлось на этом же самом пароходе, на котором мы ехали из Вологды неделю тому назад. По дороге меня интересовал порог на Сухоне, находящийся между Устюгом и Тотьмою и называ-

емый Опоками[53]. Место это пришлось нам проезжать ночью, но северная светлая ночь не препятствовала обозревать этот грандиозный вид. Не особенно высокие берега Сухоны подымаются здесь на очень значительную высоту с обеих сторон, так что кажется, // что река пробила себе дорогу сквозь горный *л. 13 об.*
хребет, причем одна сторона, как бы оборвавшись в реку, образовала стену, на которой обнаруживались разноцветные слои глины. У противоположного берега образовалась отмель, огибаемая крутым поворотом реки, и на отмели стоит деревня Порог. Гора, почти отвесно спускающаяся в реку с другой стороны, называется Святая, и на ней тоже расположена деревня, называемая Святая. Река в этом месте довольно суживается и волнуется, как бы кипит. Проехав это место часов около 4-х утра, мы приехали в Устюг в 9-м часу 1-го июля. Здесь пароход стоял недолго, и мы успели только съездить на почту. Затем началось долгое и томительное плавание в течение почти 2-х суток до Архангельска. К моему сожалению, пароход не останавливался в Красноборске, где я надеялся получить письма, и пришлось ждать времени, когда мы // обратно поплывем из Архангельска *л. 14*
и будем останавливаться в Красноборске.

В Архангельск приехали часов около 2-х ночи со 2-го на 3-е июля. Здесь мы были радушно приняты братом моего спутника Истомина, у которого и поселились. Архангельск – город небольшой по народонаселению (около 22000 жит[елей]), но чрезвычайно странно и широко расположенный. Он весь вытянулся узкой полосой по берегу Двины, так что от одного конца его до другого считают около 10 верст. Постройки преимущественно деревянные в виде двухэтажных домиков, окруженных садами. Вследствие своего исключительного расположения, он не имеет центра. Собор, дом губернатора, присутственные места, дума, гимназия, таможня – все это находится приблизительно в одном месте и поэтому крайне удалено от обеих его окраин. По моему мнению, это должно предоставлять значительное // неудобство для жителей, но почему-то *л. 14 об.*
город распространился именно в таком направлении. В нем очень много иностранцев, преимущественно немцев, так что одна часть города называется немецкою слободою. По протяжению города замечается недостаток церквей. Жители города говорят, что Архангельск красив с противоположной стороны

Двины, но этого вида мне не удалось видеть; в самом же в нем – почти никакой красоты и изящества расположения. Двина в этом месте очень широка, около 5 верст, и берега ее совсем низки и плоски. С набережной видна масса судов всякого рода; с тех пор, как сделан канал, большие морские суда заходят в реку даже выше Архангельска, между тем как до устья от Архангельска считается около 50 верст.

На набережной находится домик Петра I-го, перенесенный с острова, на котором первоначально был выстроен[54]. Снаружи
л. 15 домик // обстроен деревянными стенами и крышей и находится как бы в футляре, но вообще этот исторический памятник имеет вид заброшенного. Внутренность домика совершенно пуста, не сохранилось ни мебели, ни какой-либо утвари. В двух комнатах остались только образа, краска на которых совсем почти облезла и почернела. Стены его внутри и снаружи выбелены, вероятно, после перенесения его на новое место. Вообще этот вид не свидетельствует об уважении архангельцев к историческим памятникам своей родины.

В Архангельске есть музей[55], в котором помещаются образцы местных изделий промышленности и типы животного царства. Там я приобрел несколько изделий из моржовой кости. Хотя приморский город, но свежей морской рыбы не имеет, так как все рыбные промыслы находятся на откупе у приезжих скупщиков, увозящих рыбу в столицы. Наиболее употреби-
л. 15 об. тельные // рыбы: треска, нельма[56], семга и палтусина.

В воскресенье 4-го июля я посетил собор во время литургии, в 4-[м] часу мы выехали обратно до Нижней Тоймы, откуда начинали опять свои занятия по собиранию песен.

К числу достопримечательностей Архангельска следует отнести памятник Ломоносову[57], построенный на небольшой площадке против гимназии с одной стороны, присутственного места с другой. Памятник этот так незначителен, что положительно можно его не заметить.

Двина после Красноборска по направлению к Архангельску имеет красивые берега, состоящие из алебастровых обрывов. Они невысоки, сверху покрыты лесом, а к реке спускаются крутыми обрывами, так что слои глины и алебастра резко выделяются[58].

5. От Архангельска до Черевково

л. 16 об.

Мы выехали из Архангельска 4-го июля в 4 часа дня на том же самом пароходе, на котором накануне приехали. Первым пунктом, куда мы направились теперь, была Нижняя Тойма – приход из нескольких деревень, расположенных по речке Тойме. Местечко это находится на правом берегу Двины почти на самой границе Вологодской губернии и Архангельской, в Сольвычегодском уезде. Это место было избрано нами по указанию лесничего на Кокшеньге как деревни, хранящие предания. На пароходе пришлось ехать около полутора суток. Дувший до этих пор северный ветер стих, и погода стала теплая, // так что *л. 17* можно было проводить время на трапе. 5-го к вечеру стало так тихо, что река казалась такой же гладкою, как зеркальное стекло. При закате солнца эта обширная водяная поверхность с лес[истыми] невысокими берегами, то песчаными, то обрывистыми, представляла восхитительную картину.

На рассвете 6-го июля нас высадили прямо на берег близ Тоймы, в полверсте от деревни; пристать ближе мешало мелкое место и полой (рукав Двины),[59] отделяющий деревню. Тут же вышел к нам один мужичок, которому мы и поручили зайти на земскую станцию и распорядиться, чтобы выслали лошадь за вещами. Но так как лошадь долго не высылали, то я решился сам добраться до станции. По дороге у встречного крестьянина я спросил, где земская станция. Он мне указал деревню и сказал: «Вот, пройди высокий дом, будет изба глазами-то кверху, тут станция». Я понял сначала выражение «глазами наверху», как направление на гору, но это оказалось направление вверх реки, что, впрочем, в данном случае совпадало. Деревня была расположена в таком беспорядке, что я долго прогулял по ней, пока не встретил самого содержателя станции, указавшего мне ее. Избы жмутся друг к другу почти вплотную и фасадом обращены в разные стороны. Это вызывалось местоположением, так как вся окружающая деревню местность затоплялась // *л. 17 об.* весною.

Когда привезли вещи, и спутник мой [Ф. М. Истомин] вошел в избу, то, указывая мне на передний угол, в котором сверх обыкновения не было образов, он сказал, что здесь хозяин раскольник. У них образа помещаются обыкновенно в самой зад-

ней избе и все вместе, что мы и нашли тут. Хозяин держал себя с нами совсем не так, как на других станциях. Он охотно исполнил все, что его просили, но не лез со своими услугами и вообще держался в стороне. В избе не было никаких признаков жизни, ни разговоров, ни шагов, хотя видно было, что хозяин зажиточный и семейный. На станции имелась, конечно, и «поганая» посуда для проезжающих, но мы предпочли не осквернять и ее, а воспользовались своей.

Для достижения нашей цели относительно старинных песен приходилось действовать очень осторожно, и после короткого разговора с хозяином выяснилось, что здесь ничего добиться нельзя. Между прочим, приехавши в эту деревню, я встретил пастуха с рожком, который наигрывал очень оригинальную мелодию. Рожок этот делается самими пастухами из дерева и обвивается берестою, но когда я выразил желание приобрести такой рожок, то хозяин наотрез отвечал, что пастух его не
л. 18 продаст. Взамен же этого указал нам на пастухов // противоположного берега Двины, которые будто бы и искуснее играют и делают такие рожки. Пастухи эти не местные жители, а пришли из Шенкурска Арханг[ельской] губ[ернии]. Так как в Тойме нам не удалось ничего собрать, то мы и поспешили перебраться на другой, левый берег, и там собрали нам в волостное Афанасьевское правление нескольких стариков, от которых можно было записать около 5-6 песен, а кроме того к нам зазвали и пастухов, которые играли нам. Каждый пастух наигрывает свою мелодию. От одного из них я записал мелодии и приобрел рожок[60].

В ночь мы выехали прямо в Черевково, отстоящее от Афанасьевского на 98 верст. По дороге нам встретились кочующие цыгане. Под утро приехали в Ларионовскую станцию, где решили отдохнуть и обсушиться от захватившего нас в дороге проливного дождя, причем мой чемодан очень пострадал – прошиб себе бок. Отдохнувши 7 июля, поехали далее и прибыли в Черевково в ночь на 8 июля. Дорога шла сначала лесом по берегу Двины, иногда спускаясь в луга, а последние 20 верст – деревнями, расположенными так близко одна от другой, что невозможно было различить, где начиналась одна и кончалась другая. Такого расположения я еще нигде не видал: избы по одиночке раз-
л. 18 об. бросаны // по полю в беспорядке, и каждая окружена посевами: все расположены на значительном расстоянии одна от другой,

разгорожены пряслом или плетнем. Черевково[61] предоставляет такую же разбросанность поселения и окружена такими же деревнями так, что, в сущности, все эти места представляют одно селение, тянущееся на 30 верст.

В Черевково две церкви: одна деревянная, другая каменная[62], обе старинные, хотя деревянная не имеет той архитектуры, которая вообще здесь встречается в церквах – шатровой крыши: ее крыша сделана на два ската, а купол выстроен сверху и имеет сердцевидную форму.

Здесь почитается народом память иерея Петра, которому была сделана рака в холодной церкви, но лет 10 тому назад по распоряжению Синода уничтожена, молебны ему служить воспрещено, по словам станового пристава, вследствие недостаточного количества записанных чудес. (!!?)[63]

Черевково – торговое село. Тут каждый праздник и воскресенье собирается масса народа. Завтра, 9 июля – память чтимого здесь иерея Петра – будет масса народу. «Черевково – это один разврат, там его совершают открыто и не стыдятся», – говорил наш земский // начальник в Новленском, на *л. 19* Кубенском озере. Здесь мне хотелось проверить этот факт, а потому я коснулся этого вопроса в разговоре со становым приставом, но такого сурового обвинения не услыхал. Он живет здесь 7 лет и о жителях высказался довольно снисходительно, указывая на раскол, как на причину отчасти бессемейной жизни. В Черевково во время нашего пребывания были цыгане, и тут я узнал, что они приписаны к городу Красноборску и кочуют постоянно по здешней местности. В Черевково я купил 10 арш[ин] кежа;[64] это ткань из чистого льна, очень толстая, которая употребляется крестьянами на постели (тюфяки). Она называется кеж[а] в отличие от холста, который ткется из так наз[ываемой] поперечной кудели, т. е. льняных выческов, когда чешут лен.

В Черевково становой пристав, узнав, что мы едем в Красноборск, пригласил нас остановиться на его квартире, чем мы и воспользовались. В ночь с 8-го на 9-е июля мы выехали в Красноборск, который находится от Черевково в 46 верстах вверх по Двине на том же берегу.

л. 19 об.

6. Красноборск и Сольвычегодск

Мы выехали из Черевково 8-го июля в 11 ч[асов] вечера. Первоначально дорога представляла собой продолжение предыдущей, т. е. сплошной ряд деревень. Потом на расстоянии версты 7 от Черевково эта однообразность прекратилась, и начались очень живописные места, горы и овраги. Этих оврагов и гор такое количество, что почти ежеминутно приходилось опускаться и подниматься. Овраги эти очень глубоки, а спуски и подъемы круты. Иногда дорога заворачивается на спуски, въезжаешь в ущелье, где пробивается ручей, на котором сделана запруда и стоит мельница. Несмотря на ночное время И[стомин] решился сделать наудачу фотографический снимок, который, если удастся, будет очень интересен как снятый при свете северной белой ночи. По этой дороге до Красноборска нам пришлось один раз переменить лошадей на Парфеновской земской станции. Тут с моего разрешения нас повез 12-летний мальчик; багаж наш все время ехал в отдельном тарантасе, так как экипаж наш очень мал и не поместителен. Таким образом, мы от Ларионовской станции ехали на двух парах, хотя прогоны платились за три лошади, 4-я же припрягалась добровольно. Наш 12-летний мальчик оказался лихим ямщиком, бойко спускался и поднимался по горам, а по ровным местам пускал лошадей вскачь.

В 6-м часу утра 9-го июля мы приехали в Красноборск, где
л. 20 остановились // в квартире станового пристава. Квартира эта помещалась в избе, совершенно подобной всем крестьянским избам в деревне, с той только разницей, что, так как у мещан нет домашнего скота и пахотной земли, то в избе нет и помещения для скотины, соломы и сена, а все это занято жильем. Квартира станового состояла из 2-х комнат, одной внизу и одной вверху. В верхней мы спали, а внизу у нас был прием лиц, до которых мы имели надобность. Отдохнув после дороги, я, прежде всего, пригласил урядника и послал его справиться, нет ли писем. Вместе с этим поручил ему навести справки по нашей миссии. Писем не оказалось, но в этот день должна была прийти почта, так как была еще надежда получить корреспонденцию.

Вскоре местные жители проведали о целях нашего приезда и стали являться к нам с разными предложениями. Пришел

фельдшер и принес найденный им рукописный свиток, который предложил взять безвозмездно. Крестьянин Борисов продал три свитка; кроме того, достали мы несколько списков заговоров, против килы, свадебных обрядовых (дружки)[65]. Затем к нам были присланы старики для пения, но большинство из них оказалось уже безголосыми и глухими. Урядники, по большей части, усердствуют не в меру и приводят таких певцов, которые отроду не певали. Тем не менее, нашлись один старик и одна старуха, которые пропели нам 6-7 святочных песен[66]. Таким образом, в сборнике нашем составлялся новый отдел, которого еще не было и в сборнике предыдущей экспедиции[67]. // Приносили нам много местного рукоделия – кушаков и тканья. Для образца я купил пару кушаков[68]. *л. 20 об.*

Так как почта не пришла в этот день, то мы решились подождать ее. Красноборск такой незначительный город, что в нем даже нет почтовой станции. Всякая корреспонденция пересылается в него из Сольвычегодска по земской почте раз в неделю. В городе только одна церковь, другая на кладбище; есть несколько лавок, бывают в течение года шесть ярмарок[69].

Хозяева, у которых мы остановились, – красноборские мещане, старик слепой и жена его. Старик служил в гвардии в Конно-Гренадерском полку при Императоре Николае I, был на коронации Имп[ератора] Александра II, а после того был уволен со службы и теперь получает пенсию 3 р[убля] 50 к[опеек] в месяц. Он уже 10 лет как потерял зрение, но что может, еще работает – щиплет пух. Старуха, которая пела нам песни, предложила нам одеться в народный сарафан, надеть мархатку[70] – головной убор, то же, что борушка на Кокшеньге – и в таком виде с нее были сделаны два фотографических снимка[71].

К вечеру пошел мелкий дождь после того, как над городом пронеслась грозовая туча. На следующий день было форменное ненастье. Урядник донес нам, что почта пришла ночью, но писем нам нет. Дела более не было, и потому, невзирая на погоду, мы решились ехать далее, прямо в Сольвычегодск. Много времени // ушло на разговоры с ямщиками, не умеющими ничего как следует уложить и покрыть, чтобы не проливало. Несколько раз бегали за рогожами. Наконец, тронулись; дождь не переставал; предстояло переправиться через Двину. Паром здесь так мал, что два тарантаса с лошадьми поместиться не могут. На- *л. 21*

чалась опять возня: отпрягали лошадей, загибали кверху оглобли и таким образом, наконец, уставили оба экипажа на паром. Двина бушевала; поднялся ветер, и вся река поднялась валами и белыми пенистыми хребтами. Нас укрыли в тарантас так, что я едва не задохнулся. Переезд совершался крайне медленно, не менее двух часов. Правда Двина в Красноборске очень широка и перерезана островами, но кроме того встречный ветер и волны мешали ехать. Не обошлось и без того, чтобы не посидеть на мели. После переправы погода как-то быстро разгулялась, ветром разнесло тучи и можно было открыть экипаж.

Один из наших ямщиков оказался певцом, которого мы по какому-то недоразумению пропустили в Красноборске. Поэтому на следующей станции, пока нам перепрягали лошадей, мы заставили его петь, но успели записать только две песни: он как-то смутился и не мог припомнить. Только на второй станции от Красноборска мы вспомнили, что мы с утра ничего не ели, а было уже 8 часов вечера. Поэтому мы тут остановились закусить и переждали возобновившийся дождь.

По дороге были сделаны снимки Белослудского погоста[72], *л. 21 об.* в котором очень старые две деревянные церкви, вросшие // в землю, и одна каменная. Тут был недавно отец Иоанн Кронштадский, который здесь беседовал с раскольниками, но, кажется, никаких результатов не добился.

Закусив на станции своего обычного кушания – яичница с колбасой или селянка, как здесь ее называют, в ночь же отправились дальше и приехали в Сольвычегодск 11 июля в 6 часов утра.

В окрестностях Черевково и Красноборска я обратил внимание на очень позднюю обработку полей: во время нашего приезда вывозили навоз, тогда как то же самое делалось месяц тому назад при нашем посещении на Кубенском озере. Сенокос еще не начинался и бывает тут обыкновенно около 20-го июля. Я привык видеть в средних губерниях[73] уже поспевшую рожь и начало жатвы около 8 июля, здесь же рожь зеленая до сих пор (16 июля).

Нас привезли в Сольвычегодск, прямо на земскую станцию; гостиницы в городе нет. Помещение, в которое мы попали, представляло из себя нечто невообразимое по грязи и тесноте, так что мы, узнав, что в городе есть отводная квартира для при-

езжающих чиновников, отправились // туда. Там нас поместили *л. 22*
в очень приличные и чистые комнаты.

Приехали мы в город в воскресенье, и потому, вздремнув часа два по приезде, мы отправились в собор к обедне, но застали только молебен после обедни, а затем была крестьянская свадьба, и мы остались посмотреть особенности местных обычаев при венчании и одежды. Приготовления были довольно продолжительны. Невеста была одета в шелковый, переливчатый лиловый сарафан, в розовом переднике, на ней очень много бус крупных и мелких, повязана розовым платком в виде повойника[74]. Перед возложением венцов стоящие подле нее две женщины, одинаково одетые в синих сарафанах[75], сняли с нее повязку и расплели косу. По снятии венцов ее накрыли большим шелковым платком, а по окончании обряда венчания ее увели в трапезу и начали заплетать ей две косы, надели на нее мархатку (головной убор), повязали платком и сверху накрыли еще другим. В таком виде она и поехала. Жених, должно быть из городских мещан, был в черном пиджаке и больших сапогах. В сущности, особенностей очень мало, но интересно было видеть то, о чем нам только что рассказывали в Красноборске.

Прямо из церкви я направился на почту, где, наконец, получил семь писем. Все адресованные // в Красноборск, оказались *л. 22 об.*
тут. Почтовое отделение, узнав, что нас нет в Красноборске, предпочло не посылать туда отправленные на мое имя письма. Возвратившись домой и напившись чаю, мы отправились по властям, которые в Сольвычегодске сосредотачиваются в лице исправника. Он живет (временно) в казенном доме и помещение имеет очень бедное, так что, входя на лестницу, я сомневался, с черного ли хода я иду. Представившись исправнику, сообщили цель нашей поездки, но он с первых слов разочаровал нас в наших надеждах. Положим, мы никогда не придавали значения подобным увериям, но здесь они оказались справедливы, в отношении песен нигде так мало не было собрано, как в Сольвычегодском уезде. Исправник произвел на нас впечатление скучающего от бездействия человека. Действительно, его семейство уехало в Вологду, и он оставался тут один с дочерью, которая тоже постоянно отсутствовала, и, может быть, это одиночество заставляло его искать каких-нибудь развлечений и общество. В данном случае мы своим приездом достави-

л. 23 ли ему большое развлечение; он почти ни на шаг не отпускал // нас, пока мы находились в Сольвычегодске, ежедневно приглашая обедать, и всюду сопутствовал нам при наших осмотрах по городу.

Как город Сольвычегодск имеет вид захолустного городишки, и если бы не его громкое прошлое[76], он ничем бы, казалось, не был замечателен. В числе достопримечательностей его первое место принадлежит Строгановскому собору, сооруженному именитыми людьми Строгановыми в XVI в.[77] Есть несколько описаний этого собора в подробностях, которые мы не имели возможности изучить; тем не менее многое в нем обратило на себя мое внимание. Замечательны царские врата, сделанные из дерева, резные, окрашенные в различные цвета и сверх краски выложенные слюдою. Конечно, все это уже состарилось, слюда во многих местах свалилась, краска стерлась; но, тем не менее, и теперь еще эти врата имеют чрезвычайно красивый и совсем необыкновенный вид. По левую сторону царских врат в киоте, отделяющем левый клирос от церкви, находится небольшая икона Донской Божией Матери. Икона эта украшена богатою ризою и жемчугами, и камнями, а самый киот выложен серебром, на котором вырезаны изображения владычных праздников. Киот имеет три яруса; края его дверцы выложены тончайшею металлическою резьбою. Кроме того, в соборе за-
л. 23 об. мечательные несколько // паникадил, висящих перед образами, серебряных с резьбою и выпуклыми украшениями. Есть богатые пелены и плащаницы, шитые золотом и пожертвованные Строгановыми.

Под собором – обширные помещения, где находятся остатки прежнего пребывания здесь Строгановых: хранятся полуразвалившаяся повозка, колымага и карета. Повозка дубовая, карета и колымага обиты тисненой кожей; все это изорвано и крайне повреждено. Там же лежат старинные облачения и между прочим холстинный саккос[78] еп[ископа] Стефана Пермского[79]. Под собором есть помещения, где, вероятно, были казематы[80]. Одно из этих помещений имеет сообщение с коридором только чрез отверстие вверху стены и представляло нечто вроде каменного мешка, а другое сообщалось чрез низенькое отверстие внизу стены; тут видны следы дверных петель и железных засовов, так что, вероятно, это отверстие закрывалось железною

дверью. Когда пробили стену в вышеупомянутый мешок, чтоб узнать, что в нем заключается, то там нашлось много черепов и человеческих костей. При виде этих помещений становится жутко при одной мысли, что сюда прятали людей, и они на века лишены были воздуха и света, если даже не морились голодом. И такие тюрьмы устроены под церковью!

Соборная колокольня – новейшей // постройки вместо прежней пятиглавой и к стилю собора совсем не подходит[81]. В ней 10 колоколов и самый большой около 170 пудов, колокола по строю не подобраны, есть один со шведскою[82] надписью, по всей вероятности, взятый Петром I при Нарве. *л. 24*

В Сольвычегодске есть монастырь мужской, 3-го класса[83]. В этом монастыре соборная церковь Введения в храм очень замечательной постройки: она очень высока и своды ее не поддерживаются ни одним столбом, между тем как на ней возвышаются пять больших куполов. Снаружи церковь натурального кирпичного цвета и белыми лепными полуколоннами и косяками; под карнизами изразцовые плиты. Весь орнамент очень мелкий и сложный. В верхний храм ведет наружная крытая лестница с арками и сводами. Иконостас в верхнем храме весь резной с колоннами, подобными наружным, но нам не удалось его увидеть в целом, потому что он по случаю ремонта был разобран. Нижний храм ничем особенным не оставил на себе нашего внимания. Внизу под входной лестницей есть небольшое помещение, в котором собраны фигурные изображения святых; вообще изображения довольно грубой работы, но между ними нашлись два, у которых глаза были сделаны необыкновенно живо.

Река Вычегда в Сольвычегодске довольно широка, верст около двух, а против города находятся несколько островов. Берега невысоки, и в городе сделаны укрепления, // предохраняющие берег от подрыва водою, одно около собора, другое у церкви Спаса. Укрепления эти состоят из вколоченных плотно одна подле другой свай, которыми закрывают песчаный берег со стороны воды. *л. 24 об.*

В Сольвычегодске было сделано пять фотографий: 2 сняты с острова – вид собора и общий вид города, 2 сняты в монастыре – общий вид монастырского собора и вход с лестницею в собор, наконец, один снимок сделан с городских присутственных мест[84].

В верстах 15 от Сольвычегодска вверх по Вычегде находится укрепленный Коряжемский монастырь[85], приписанный к городскому Введенскому. Мы направились туда на лодке, которую нам предложил исправник, отрядив с нами урядника и полицейского. Плыть вверх по течению было очень трудно, в особенности потому, что в это время вода в Вычегде пребывала, и течение было очень сильно. При этом день был хотя и пасмурный с утра, но необыкновенно душный. На полдороге мы решили остановиться и дать отдых нашей полиции, а вместе с этим и выкупаться. Вода была очень теплая, и купание превосходное.

Выехав из Сольвычегодска в 11 часов утра, мы только в 4-ом
л. 25 часу добрались до // Коряжемского монастыря. Урядник послал со своими полицейскими наказ, чтобы нас в монастыре хорошенько угостили, что было исполнено в точности. Коряжемский монастырь расположен на довольно высоком пригорке на левом берегу Вычегды и окружен кедровою рощею. В нем две каменные церкви, остальные же здания, равно и ограда, деревянные. Ограда эта замечательна как отпечаток древних монастырских оград[86]. В монастыре постоянно живут два монаха, есть школа, скотный двор, пашни. Кедровая роща принадлежит монастырю и при хорошем урожае может давать хороший доход. В полуверстве от монастыря находится небольшая деревня – Слободка. В церкви лежат мощи преподобного Лонгина[87], основателя монастыря, а в галерее, с северной стороны примыкающей к церкви, находится гробница преосвященного Александра еп[ископа] Вятского[88], проживавшего в этом монастыре на покое. Ограда монастыря деревянная, имеет на четырех углах небольшие башенки и представляет очень характерный остаток древних монастырских оград. Две кедровые рощи расположены одна в ограде, другая – вне ее. От ворот до дверей храма посажена кедровая аллея, некоторые деревья еще очень молоды, другие же дают плоды. Между двумя церквами есть колодец, вырытый самим преподобным Лонгином, над этим сделана часовня. Когда я доставал воду из этого колодца с по-
л. 25 об. мощью // туеса[89], привязанного к длинному шесту, я заметил по стенам сруба большие глыбы льда. Отец Геннадий, встретивший и угостивший нас, сообщил, что, несмотря на высокое место, где расположен монастырь, почва тут очень влажная, и

достаточно прорыть аршина два, чтобы показалась вода. Этот монах в сердечной простоте признался нам, что он природный дворянин, жил 50 лет псаломщиком, потом поступил в монастырь и сам выпросился у игумена на это место, что принимать гостей он не умеет и просит извинить, если что чего не сможет сделать. Но для нас такого приема и не требовалось; угостили нас прекрасной рыбой и чаем.

Сделана была фотография монастыря, но за исключением пластинок снят был только один вид не с реки, а из рощи[90]. Пообедав, мы вышли на угор за оградами и любовались водами Вычегды и ее островами и полями. Когда сопровождавший нас полицейский кончил свой обед, мы двинулись в обратный путь. Теперь лодка шла очень быстро, и мы часа в два добрались до города. Дорогой мы вздумали полакомиться взятой с собой морошкой и молоком, но молоко превратилось от жару // в простоквашу. *л. 26*

К приезду нашему исправник собрал стариков для пения, и мы почти тотчас же принялись за работу, но эти старики ровно ничего не могли спеть, так что, не утруждая их ввиду позднего времени, мы отпустили их и решили на другой день выехать из Сольвычегодска прямо в Устюг почтовым трактом, а если выдастся возможным, то пароходом.

7. Великий Устюг

Мы выехали из Сольвычегодска 14 июля часов около 8 вечера. Следующая станция, где нам надлежало менять лошадей, была уже в Устюжском уезде, на левом берегу Двины, и называлась – Ускурье[91]. Когда мы подъехали к перевозу, было уже совсем темно. Ямщик говорил, что в Ускурье видится пароход, но я не мог его различить, тем более, что остров, поросший кустарником, скрывал от нас противоположный берег. Первоначально надо было переехать полой на пароме, двигающемся по канату. Большинство здешних паромов представляет собой род плота, ряд бревен, связанных между собою поперечными перекладинами, так что экипаж, выезжая на паром, должен несколько раз перескакивать через эти поперечины. Только на

л. 26 об. широких реках паромы устраиваются на больших и широких // лодках (карбасах). Полой мы переезжали на обыкновенном пароме, затем, проехав остров, подъехали к главному перевозу на карбасе. Двина здесь очень широка, характером напоминает Каму. Так как станция в Ускурье находится на самом берегу, то мы оставили лошадей на острове и с одними вещами сели на паром. В Ускурье действительно оказался пароход, но буксирный, и потому мы, сейчас же, взяли лошадей и направились далее. Дорога все время шла по левому берегу Двины, то приближаясь к реке, то отдаляясь от нее. Верст 25 не доезжая Устюга, мы проезжали мимо полотняной фабрики Грибанова[92], расположенной на очень красивом месте, но остановиться для осмотра ее было неудобно, так как это случилось ранним утром до начала работы.

Мы приехали в Устюг 15-го июля около 7 часов утра. Подъехав к городу, я был поражен красотою вида, который открывается на город[93]. Он расположен на низком берегу Сухоны, и, подъезжая к нему, приходится несколько раз спускаться с гор. С последнего пригорка он открывается весь, и эта масса церквей, которыми усыпан весь город, сразу приковывает к себе взор, представляя нечто необычайное.

На одной из почтовых станций мы прочитали объявление
л. 27 об открывшейся в Устюге гостинице с номерами и // велели ямщику везти нас прямо туда. Номера эти оказались тесны и грязны, так что я сначала усомнился в возможности тут остановиться, но хозяин предложил мне пойти и посмотреть гостиницу «Россия» для сравнения. Я посмотрел и решил остановиться тут, а не в «России», где был почти кабак.

Отдохнув после дороги, мы в первый же день отправились делать визиты: были у исправника, которого не застали, потом проехали к архиерею, викарию вологодской епархии. Он живет в Архангельском монастыре[94]. Мы попали туда к вечерне, отстояв которую, представились владыке и были приглашены к нему на чашку чая. Епископ Варсонофий (так зовут его) пользуется здесь репутацией человека очень странного и бесцеремонного. Нас предупреждал еще сольвычегодский исправник, что епископ Варсонофий не постесняется сказать в глаза человеку незнакомому что-нибудь нелестное, вследствие чего я был подготовлен выслушать что-нибудь нелюбезное при

первой встрече с архиереем и ждал этой встречи с некоторым любопытством. Когда мы представились ему, он прежде всего спросил о целях нашей поездки и затем о наших занятиях служебных помимо участия в Географическом О[бщест]ве и, когда узнал, что мы чиновники особых поручений при Государственном Контроле, махнув рукой, сказал, что чиновникам не следовало бы и // вмешиваться в ученые дела и совершать *л. 27 об.* ученые экскурсии. «Это, по моему мнению, все равно, что сало с кулагой мешать!» – сказал он. Затем, пригласив к себе, расспрашивал подробно о том, где мы получили образование, когда кончили учение и т. д. Узнав, что я был в Московской консерватории, спросил, на каком инструменте я занимался, пожалел, что композиторская дорога не дает заработка, вспомнил о нынешнем директоре Московской консерватории Сафонове[95], заметив, что он хорошо, бойко играет. В продолжение всего нашего визита был очень любезен и произвел самое благоприятное впечатление. Я тут же сообщил ему, что меня интересует Устюжская соборная колокольня, на которой есть прекрасный колокол в 1054 пуда. Владыка вспомнил при этом о Ростове и тамошних звонах, приведенных в порядок о[тцом] Израилевым[96]. Получив приглашение в воскресенье отобедать, мы расстались с владыкою.

Посетив Прокопиевский собор и поклонившись мощам, мы возвратились домой, было уже поздно. Дорогой мы заходили в книжный магазин Львова, владелец которого нам был интересен как собиратель песен[97]. Самого его мы в магазине не застали, но вскоре пришел к нам и провел с нами вечер. В первый же день я получил ожидавшую меня в Устюге корреспонденцию.

Львов, содержатель книжного магазина, еще молодой // че- *л. 28* ловек из сельских учителей. Он кончил курс в Тотемской учительской семинарии и был учителем земской школы в Сольвычегодском уезде. С закрытием земских школ он остался без места и должен был искать себе пропитания иным путем. Обстоятельства натолкнули его на мысль открыть книжную лавку, и это дело оказалось ему по душе, поставив его в возможность следить за духовными потребностями различных классов города и их умственным развитием. Нельзя не заметить, насколько материалистическое направление учительских семинарий отразилось и на нем. Он, как видно, много читал, но преимуще-

ственно сочинения лагеря «либерального». В своей небольшой статейке о повороте в народной поэзии и песне за последнее время[98] он делает ссылки на Бокля[99], между тем не только не читал, но даже и не слыхал о Хомякове[100] как философе и богослове, в чем чистосердечно признался, говоря, что в журналах встречал о славянофилах только несочувственные отзывы.

На другой день, 16 июня, мы были у обедни в соборе, потом[101] явились в полицейское управление для представления своих документов, где познакомились с помощником исправника. Тут же я предъявил свой увольнительный билет. Потом послал телеграмму жене с оплаченным ответом, чтобы получить самые свежие известия. Исправник явился к нам с визитом и, осматривая наше помещение, // выразил сомнение в *л. 28 об.* пригодности его для нас. Как он, так и Львов указывали на дом Попова, как на удобный для квартирования, но оказалось, что у Попова не номера, а он по знакомству пускает к себе приезжих останавливаться. Мы решили оставаться на месте и никуда не переезжать, тем более, что тут оказалось очень покойно.

Вечером мы ходили осматривать соборную колокольню[102]. В ней 20 колоколов, самый большой, в 1054 пуда[103], имеет густой звук, в котором ясно слышны три тона d, f, g.[104] По богатству колоколов можно предположить, что тут существовали различные звоны, но в настоящее время звонари молодые, звонят плохо и на один лад; колокола разрознены и, вероятно, заменены другими; есть намек на существование гаммы. На колокольне есть часы с курантами. Сняв план и определив тоны колоколов, я решил дождаться звона за всенощной или воскресной обедней, чтобы записать самые звоны[105].

От колокольни мы прошли в общественный сад, а оттуда проехали к знаменитому мастеру Кошкову, который получил свою известность своими серебряными изделиями и чернитью[106]. Я надеялся у него найти кое-что новое, но оказалось, что он работает только на заказ, показывал нам образцы, и мы заказали ему по паре запонок с изображением Устюжских соборов.

л. 29 17-го с утра мы решили съездить в Котовалово, // место, где упал каменный дождь, предсказанный св[ятым] Прокопием Устюжским[107]. Дорога тут так плоха, что мы проехали очень долго недальнее сравнительно расстояние (11 верст). Приходилось переезжать несколько мостов около мельниц, причем один

так узок, что пришлось отпрячь пристяжку. Монастырь Котовалово очень древний и расположен на крутой, высокой горе, покрытой лесом. Самое место, где произошло знаменитое событие, обнесено оградою, и внутри его построены две часовенки, одна большая каменная, другая маленькая, деревянная, поставленная над собранными камнями. Тут же есть два домика для приезжих, один – для крестьян, другой – для духовенства и чистой публики, есть небольшой огород; все место обсажено березками, старинного же лесу нигде вокруг не сохранилось. Ключи от часовни хранятся у старика, крестьянина соседней деревни Олбово[108], который пришел вслед за нами. Мы отломили себе по нескольку камешков на память[109]. Покормив лошадей, мы направились обратно; по дороге заехали в Олбово к старику и попили у него молока. В Устюг вернулись уже во время всенощной, так что звона не удалось слышать.

Мы захватили только конец всенощной в монастыре. 18-го числа в воскресенье я отправился во время благовеста на колокольню и записал звоны, конечно, приблизительно; самый звон однообразен и мало интересен. Обедню мы простояли в монастыре, из церкви прошли к иерею, пили у него чай и обедали. Там // мы познакомились с его братом, профессором Казанской духовной академии Кургановым[110], который дал нам несколько своих брошюрок для передачи Т. И. Филиппову. *л. 29 об.*

После обеда заходили к смотрителю духовного училища, на которого указывали нам в Петербурге как на знающего певцов и былинщиков. Оказалось, что он знает только дьякона в слободе Дымково, против Устюга на другом берегу, который может нам указать таких лиц. Не медля мы отправились в Дымково, но дьякон оказался в отсутствии, а так как мы слышали про одного крестьянина Говорова, у которого в прошедшем году член Г[еографического] О[бщества] Шляпкин[111] записал одну коляду, то отправились к нему. Говоров, мужик лет 60, атлетического сложения, покатился со смеху, когда узнал о цели нашего посещения. Там на месте мы уговорились с ним начать пение на другой день. Он кроме того указал на // одного старика в богадельне, Добрецова, и на известного мастера Кошкова. На другой день, 19-го, мы отправились к Говорову за колядами и песнями, записали от него несколько напевов[112]; воротясь домой, послали за Добрецовым, но он мог придти к нам только 20-го. *л. 30*

Вечером были у всенощной в Иоанновском соборе[113], после которой служили молебен свят[ым] Прокопию и Иоанну.

После всенощной к нам опять зашел Львов и рассказал о несчастном случае с его приятелем, который произошел на его глазах. Они вместе купались, и, вероятно, приятель его попал под сильное течение (струга́, здесь называется) и, не будучи в состоянии справиться, стал кричать о помощи. Львов, зная его как сильного пловца, сначала не поверил, потом же увидав, что он действительно тонет, кинулся к нему, подал шест, но ничто не помогало: течением так быстро несло его, что догнать было невозможно. Он звал на помощь людей с берега, но помощь не
л. 30 об. была оказана, // и, таким образом, приятель его потонул на его глазах.

20-го июля, в Ильин день, мы хотели сходить на обедню в женский монастырь, но не застали, так как там служба с 7 часов утра. После обедни к нам зашел Добрецов, но наотрез отказался какие бы то ни было коляды петь, говоря, что никогда этим не занимался и ничего не знает. Отправились к Кошкову. Этот оказался любителем пения, и от него мы позаимствовали несколько песен[114]. Былин здесь никто не знает. Мы обещали наведаться к нему еще раз.

Вечером Истомин отправился к Булычеву, отец которого имеет пароход на Двине[115]. Он фотограф-любитель и в его камере надеялся И[стомин] переложить негативы в нашей фотографии. Я занялся укладкой; к ночи мы надеялись сесть на пароход и ехать в Бобровское, но пароход пришел только 21-го утром около 7 часов. Мы собрались налегке.

На пароходе оказалась в 1-ом классе масса народу. Там я познакомился с бывшим архангельским губернатором, князем
л. 31 Голицыным, который перебрался со всею семьей // к новому месту служения в Калугу. Нам пришлось проехать в компании с ним почти целый день: только около 10 час[ов] вечера нас высадили в Бобровском. Княгиня снабдила нас на дорогу коробкою фиников.

Сойдя с парохода, мы потребовали властей; оказалось, что в Бобровском нет ни волостного правления, ни старшины, ни урядника, ни старосты, ни сотского. Нашлись только десятские, очень бестолковые. Привели нас в избу для ночлега, но спать было невозможно от невероятного количества клопов.

Впрочем И[стомин] преодолел эту опасность, а я не мог и среди ночи бежал из избы. Мы с вечера объяснили десятским о целях нашего приезда и просили их распорядиться к утру. Но ничего не было сделано. Какой-то проживающий в Бобровском «межевой барин»[116] набросил на нас в глазах их подозрение и поговаривал прежде спросить паспорта; но так как никто из десятских не грамотен, то наша бумага оказалась ничейною грамотою для них. Узнали мы, что сельский писарь находится тут, послали за ним, но он отказался придти, несмотря на то, что за ним два раза посылали. Послали за старшиной, пришлось приступить к энергичным мерам. Когда явился старшина, он // вытребовал *л. 31 об.*
нам писаря, которого имя было уже записано нами для донесения о нем начальству. Тут только одумались все, но время было уже упущено, народ ушел в поле, и приходилось поневоле ждать вечера.

После бессонной ночи я решил отправиться в лес и на открытом воздухе выспался. И[стомин] разбудил меня, говоря, что писарь привел певца. Записав от него две колядки[117], мы пошли купаться, а после купания занялись приготовлением обеда. Все это пришлось делать самим с помощью только оставшейся в избе девочки 12 лет.

Пообедав, занялись фотографией. Бобровское находится на правом берегу Сухоны и расположено у подножия очень высокой горы. Мы взобрались на эту гору и сняли открывшийся оттуда великолепный вид на реку и противоположный берег[118]. Затем переехали на другую сторону реки и сняли оттуда село.

К возвращению нашему явился урядник, и все наши требования были моментально исполнены. Собрали певцов и начали работу[119]. Между прочим, оказалось, что один из десятских знал коляды.

Окончив собирание песенного материала, мы сейчас // же *л. 32*
собрались обратно в Устюг – сначала лодкой до первой почтовой станции, потом на лошадях. Вообще все путешествия в Бобровском привели нас в крайнее изнеможение, так что, когда мы вернулись в Устюг 23-го около 2-х часов дня, я сейчас же лег и проспал до вечера. Поужинав и напившись чаю, я вторично лег и только, кажется, к утру 24-го немного отдохнул. Все это время стояла невыносимая жара.

В Устюжском уезде я обратил внимание на устройство изб, существенно отличающееся от других уездов. Здесь изба по постройке стала подходить к избам средней полосы России. Они не так велики, как в Вологодском и Тотемском уездах, одноэтажны, иногда с подвалом внизу, часто встречаются кельи с двумя маленькими окошками по бокам и одним большим посередине. Дворы и повети такие же, как и в других уездах.

В Устюге мне пришлось попасть [на крестный] ход, который совершался еженедельно по средам и пятницам – от второго воскресенья Петровского поста по 16 августа. Этот крестный ход установлен в память свирепствовавшей в Устюге моровой язвы. Тогда поднимали из собора чтимый всеми образ Божией
л. 32 об. Матери Одигитрии и с ним // вместе совершали крестный ход к иконе Нерукотворного Спаса, которая помещалась прежде над воротами городища. После там была сделана церковь, и икона эта внесена в церковь и поставлена на правую сторону царских врат. Теперь эта икона находится в церкви, помещенной между рынком и зданием присутств[енного] места, имеющей вид домовой и называемой всеградскою, т[ак] к[ак] она не имеет прихода, а содержится на средства, даваемые всем городом. Тут теперь и совершается крестный ход. Городища же более не существует. В пятницу, 16 июля, я попал на этот крестный ход, после которого был у обедни в соборе.

Мы провели в Устюге до 25 июля. В этот день, так как это было в воскресенье, мы попали опять к Кошкову, чтобы, не отрывая его от работы, записать от него песни. Но приезд наш оказался невовремя: в этот день вспоминается возвращение иконы Смоленской Божией Матери Одигитрии, взятой новгородцами при разграблении Устюга[120]. В память возвращения икона обносится по домам всех жителей, и Кошков находился в ожидании встречи иконы. Ввиду такого события, конечно,
л. 33 было // невозможно просить его петь песни. Я справился, не делает ли он серебряных образков, надеясь ему заказать образок св[ятого] Прокопия Устюжского. Но он положительно отказался, говоря, что изображения лица требует очень тонкой работы, которой он не в состоянии выполнить, а делать кое-как не желает. Вследствие этого я заказал ему еще браслет. Замечательно, что Кошков, несмотря на свою любовь к пению и знание песен, так глух, что с ним очень трудно гово-

рить. Между тем это не мешает ему интонировать совершенно верно.

На обратном пути от Кошкова мы заехали в колбасную и купили там на дорогу копченой колбасы и коробку копченых сельдей, которые потом оказались так солоны и плохо выкопчены, что мы очень раскаивались в этой покупке. Возвратясь домой, мы послали за лошадьми, но ни почтовых, ни земских не оказалось. Пришлось взять вольного до первой станции, и часов в 11 вечера мы выехали в Никольск.

8. По дороге в Никольск

Всю последнюю неделю перед выездом нашим из Устюга, стояла такая сильная жара, что ездить можно было только по ночам. Северное солнце печет очень сильно, так что И[стомин], хоть и архангельский уроженец, но сжег все лицо на солнце, // так что у него слезла кожа. Я в этом случае оказался выносливее. Поэтому мы теперь выехали из Устюга ночью. Пора светлых северных ночей уже миновала, но ехать нам было достаточно светло благодаря луне, которая хоть была уже в последней четверти, но освещала путь хорошо. Переехав на пароме Сухону, мы проехали мимо старого Гледена (бывшее место Устюга), где теперь только монастырь[121]. К сожалению, не удалось видеть слияния Сухоны с Югом, где оно образует Двину: в тумане ночи видно было только обширное пространство, покрытое лугами и полями, по которому извивалась река Юг. Кое-где вдали виднелись огни костров, и бледный, туманный свет луны придавал всей картине какую-то таинственность и поэтичность. До первой станции дорога все время шла по берегу Юга, который, как змея, извивался, то отдаляясь, то снова приближаясь к дороге. На первой станции в дер[евне] Новоселово мы сменили лошадей и ехали далее на почтовых, сделав около 90 верст в течение 12 часов. *л. 33 об.*

В 11 час[ов] утра 26 июля приехали на Тимошенскую почтовую станцию, где сделали первую остановку для отдыха. При перекладке лошадей на всех станциях обратило на себя наше внимание присутствие хромых. Это не искалеченные, а

л. 34 по всей вероятности хромые от рождения. Одни из // них так ловко прыгали на одной ноге, что даже не имели костыля.

Тимошенская станция была, так сказать, преддверием той местности, где мы намеривались остановиться для собирания песен. Здесь мы разузнали, что центр местности составляет Кичменгский Городок[122], стоящий при впадении речки Кичменги в Юг и находящийся верстах в 10 от Тимошенской станции по дороге на Никольск. Тогда выспавшись и закусив на станции, мы к вечеру направились в Кичменгский Городок и остановились в версте от него на земской станции.

Собственно городком называется возвышенное место, окруженное со всех сторон рвом и примыкающее одною стороною к реке Югу. Там теперь строится каменная часовня, и никаких следов прежнего укрепления не осталось. Близ него находится село Кичменгское-Афанасьевское, которое представляет как торговый, так и правительственный центр местности. На площади у церкви большие ряды для лавок. Есть другая церковь на кладбище, деревянная, но уже новейшей постройки, а колокольня при ней сохранилась старинная.

Здесь я впервые заметил своеобразный вид кладбища: над каждой могилой находились три соединенные вместе скамейки, из которых средняя, немного повыше, могла служить как бы столиком. Я сначала не понял цели такого устройства и думал,
л. 34 об. что это столики вследствие // рыхлости почвы, при которой невозможно сделать прочной насыпи. 27 июля в Кичменгском был храмовый праздник в приделе Пантелеймона; мы были у обедни, служили молебны и когда возвращались, то, проходя мимо кладбища, я увидел, в чем состоит настоящая цель описанных выше скамеек: на могиле сидели и лежали женщины, обыкновенно по две, при которых одна причитала, а другие надрывались в рыданиях. Вслед за нами из церкви шла одна женщина, неся узелок. Поравнявшись с кладбищем, она свернула с дороги, прошла к могиле, положила узелок на столик, оправилась, потом села на скамью и, облокотясь на кромки, начала причитать сначала тихо, потом громче и громче, прерывая причет рыданиями. Эти причеты имеют определенную мелодию, и все причитают на один напев.

Первую ночь, проведенную нами в Кичменгском, я опять провел без сна, вследствие клопов и мух. К утру у меня стала

болеть голова, и боль еще усилилась после обедни, так как в церкви было очень душно. После молебна священники вынесли мне благословенный хлеб. Церковь в Кичменгском очень большая, двухэтажная, и в каждом этаже по три престола[123]. 28-го июля был тоже храмовый // праздник Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии. *л. 35*

26-го вечером, вскоре после нашего приезда, к нам явился писарь из волостного правления, которому мы показали документы и поручили ему собрать на следующий день людей, могущих быть нам полезными. Действительно, 27-го к нам явились три старика, но спели нам только три песни[124]. Вследствие головной боли я едва мог записывать и весь день провалялся. Не помогло и прекрасное купание в речке Кичменге, которая протекала перед самыми окнами земской станции, где мы остановились. Эта речка неглубока, но имеет очень быструю прозрачную воду и быстрое течение.

На следующую ночь хозяйка для защиты от клопов налила воды вокруг нашей постели, и не знаю, от этого ли, или просто от усталости, я заснул крепко и утром встал со свежей головой. Каждое утро в Кичменге мы прямо с постели отправлялись купаться и по простоте нравов ходили в одном белье, так как этот костюм ничем собственно не отличается от одежды крестьян, которые ходили в одной рубахе и портках. Как очень часто случалось с нами, и в этот раз явились к нам несколько мужиков с жалобами на то, что их притесняет начальство, т. е. волостные старшины и писарь, и просили у нас помощи. Требовалось немало // терпения, чтобы объяснить, что мы не имеем никакого *л. 35 об.* права вмешиваться в их местные дела и тяжбы, что у них есть свои чиновники по крестьянским делам, к которым они должны обращаться со своими жалобами и просьбами.

Выехали мы из Кичменгского городка 28-го июля вечером. Дорогой между 2-й и последней станцией нас захватил сильный дождь, так что мы поневоле должны были остановиться, не доезжая одной станции до Никольска, чтоб обсушиться и выспаться.

На следующий день, часов около 12 дня, мы выехали, но эта дорога оказалась для нас особенно неудачной. Отъехав 4 версты, мы принуждены были остановиться в лесу, так как в тарантасе сломался болт (шкворень). Ямщик верхом поехал в

ближайшую деревню добывать новый болт, а мы дожидали в лесу с изломанным тарантасом. Прошло около часу времени, пока ямщик съездил и вернулся. Устроив тарантас, поехали дальше. Проезжая мимо Холедского Введенского погоста, мы остановились для фотографий. Тут опять потребовалось немало времени, так как треножник весь развинтился, и некоторые части потерялись. Сама съемка была тоже очень неудачная вследствие того, что аппарат с моментальным затвором внезап-
л. 36 но свалился. Не доезжая 4-х верст до Никольска, // мы опять подвергнулись неприятной случайности: сломалось колесо. К счастью, это случилось в деревне, так что тут нашлись помощники, но колеса подходящего не оказалось, и поэтому пришлось пересесть с мелкими вещами в другой экипаж, а крупный багаж отправить для доставки отдельно.

В Никольске нет гостиницы; квартиру надо было искать по обывателям. Нас направили к некоему Сумарокову, но оказалось, что в лучших комнатах у него живет «аблакат», а нас повел в мезонин тесный и грязный, из которого мы поспешили убраться. Направились vis a vis и расположились тут: обстановка не блещет чистотой и удобством, но по крайней мере есть простор и воздух, перед окнами тенистый палисадник. Тут мы устроили свою штаб-квартиру, пока придется работать в Никольске и окрестностях.

9. Никольск

Город Никольск – новый, образовавшийся из деревень, расположен на правом берегу реки Юга и по внешнему виду не отличается ничем от подобных ему захолустных городов. В нем две церкви: собор[ная] и кладбищенская, еще строится новая каменная церковь[125]. Исправником в Никольске служит сын тотемского тюремного смотрителя, который поставил очень хорошее производство арестантских изделий.

Прежде всего, по приезде в Никольск мы направились к ис-
л. 36 об. правнику и, // представившись ему, просили его содействовать в нашем деле. Как всегда бывает, он оказался несколько озадачен нашей просьбою, но потом припомнил кое-кого, указал

на мальчиков, которые ходят на Рождество со звездою и поют коляды, и прислал нам певиц и причетниц. Мальчики оказались совсем непригодными: коляду они поют одну, уже записанную нами в Устюге и причем очень неполно; песни знают из хрестоматий, по которым учились в школах. От певиц нам удалось в два приема записать до 12 мелодий песен и причетов, так что в этом отношении содействие исправника оказалось небесполезным.[126]

В окрестностях Никольска исправник указал нам на старинный приход – Кипшеньгу,[127] верстах в 20 от города, где живет благочинный, уже 25 лет проживающий в Никольском уезде и, несомненно, хорошо знающий окрестный народ. Туда мы и направились за добычей, хотя я вообще как-то мало надеялся собрать в Никольском уезде. Эта поездка вполне подтвердила мои предположения: благочинный был вполне готов оказать нам содействие, // но решительно не мог нам никого указать, *л. 37*
кто бы еще помнил старину. Его замечания совершенно совпали с моим мнением, что главным губителем в народной поэзии и творчестве явилась всеобщая воинская повинность. По его словам лет 20 в его приходе существовала старина и самобытность во всех отношениях – как церковном, так и народном. Старина церковная не хранилась по непониманию причта, а уничтожение старых церквей, иконостасов и утвари и замена их новыми даже поощрял[и]сь и требовал[и]сь епархиальным начальством вопреки желанию самих прихожан. В этом отношении особенно ревностно к уничтожению старины отличался предшественник теперешнего великоустюжского епископа, Преосвещенный Иоанникий[128]. В отношении костюма народного тоже произошла большая перемена; правда, тип сарафана еще сохранился, но исчезли местные ткани, и шитые рукава остались только в виде исключения. Все заменяется ситцем. Песни, по словам благочинного, совершенно исчезли, даже нет причетов – ни свадебных, ни над покойниками. Действительно, мы пробыли на Кипшеньге 1-е августа, а я не слышал после этого ни одного причитания на могилах подобно тому, как в Кичменгском городке. Таким образом, эта поездка была совершена совсем понапрасну.

К моей досаде еще присоединилась неприятность, когда по возвращении в Никольск я нашел изломанным свой // метро- *л. 37 об.*

ном – необходимый спутник при записывании песен. Теперь я принужден отмечать приблизительно скорость песен, которые мне предстоит записывать.

К числу замечательных явлений в Никольском уезде я должен отнести колонизацию этого края, которая, по словам исправника и станового пристава, производится насильственными путями со стороны заселяющих местность. Переселенцы из Костромской и Вятской губерний, а также и из соседних мест Вологодской приходят сюда, поселяются без ведома полицейских и других властей в казенных лесах, выжигают огромные пространства для пашни и посева и существуют тут иногда несколько лет, не платя ни податей, ни оброков и даже оставаясь в полной неизвестности. Это своего рода завоевание местности, производимое мирным путем. По рассказам станового, там же, где до сих пор еще официально числится несколько тысяч десятин корабельного леса, в действительности находятся необозримые поля. И когда полицейская власть отмечает образовавшееся таким образом поселение, то остается только признать совершившийся факт, нарезать землю, переписать население и обложить податями. Самая возможность существования целых поселений, неизвестных местным властям, объясняется ис-
л. 38 ключительными // условиями местности и образа заселения ее. Крестьяне пробираются в нее непроходимыми путями; пешком с топорами, выбирают подходящую местность, вырубают крупный лес, строят избы и выжигают площадь для посева. Горе объездчику, если он попробует остановить таких распорядителей казенным имуществом. Случаи убийства не редки, а бывают и жестокие казни, как, напр[имер], привязываются руки к длинному шесту и оставляют в глухом лесу, так что несчастный хранитель казенного имущества не в состоянии выйти из лесу и умирает там голодною смертью. Ввиду таких случаев не диво, что объездчики смотрят сквозь пальцы на истребление казенных лесов и иногда и прямо содействуют этому. Невозможность противодействовать в таких случаях делается очевидностью, если принять во внимание, что у одного объездчика участки иногда простираются на 20 и более верст. При недостатке лиц не может быть и правильной охраны казенного имущества.

Слушая эти рассказы, невольно становишься в тупик: неужели правительство до сих пор не додумалось до того, что-

бы воспользоваться этим движением для заселения огромных пустынных пространств, которые не приносят ему никакого дохода и только требуют расходов на содержание чиновников, которых все-таки недостаточно? Между тем, содействуя народному движению в правильном заселении местности, можно было бы оградить несметные богатства леса от безобразного и хищнического // истребления его, распределив его по участкам. *л. 38 об.* Не говоря о материальной выгоде для казны, ради одного преследования злоупотреблений следовало бы обратить серьезное внимание на существующее положение дел.

В Никольске продолжалась встреча хромых, так что я стал спрашивать, действительно ли они хромы от рождения, как я предполагал, или они охромели позже. Оказалось, что все, кого я опрашивал, получили увечье в детском возрасте, кто свалился, кто подсекся и т. д. Вследствие безуспешности поездки нашей в уезд из Никольска, мы решили более не останавливаться по дороге из Никольска. Возвратясь с Кипшеньги 1-го августа, мы еще раз пригласили певиц, которые уже пели нам раньше, записали причеты[129], а 2-го вечером пригласили старика каменщика, казенного десятника при строящейся в Никольске церкви, который имел постоянную квартиру у нашей же хозяйки и сам вызвался сообщить нам песню. Он уроженец Вологодского уезда села Прилук, но бывал в различных местах и научился разным песням. От него записали мы пять песен[130].

3-го августа часов около шести вечера мы выехали из Никольска по почтовому тракту с тем, чтобы уже больше не останавливаться в Вологодской губ[ернии] для собирания песен. По дороге нам мечталось попасть в Дуниловскую пустынь, в которой есть старинная церковь, а близ нее знаменитая // *л. 39* Анфалова могила[131]. Пустынь эта отстоит от дороги верст на 17, вследствие наступившей скоро темноты, мы предпочли ехать домой. Погода как-то сразу изменилась: после продолжительных сильных жаров[132] наступили холода с перемежающимся ненастьем. Ехали мы без дождя, но к ночи стало очень холодно. Тут с нами вторично произошло приключение: ночью среди густого леса опять сломалось колесо. По счастливой случайности, на этот раз случай этот произошел близ деревни, так что ямщик верхом поскакал за новыми колесами, а мы остались с лошадьми. Смешно называть деревнею два-три двора, выстроенные в

лесу, но если вообще в Вологодской губернии села и деревни невелики, то здесь они совсем превращаются во дворы, так как колонизация края совершается в настоящее время, и эти поселки или починки – зачатки будущих селений.

Мы избрали почтовый тракт, который проходит через часть Костромской губернии Ветлужского уезда, и предпочли его земскому, как более короткий; тот же, хотя проходит по Никольскому уезду, но по местности вновь заселенной, где в недавнее время возникли большие торговые села, как, напр[имер], Вознесенское.

Первую остановку мы сделали на станции Ираклиха уже в Костромской губернии. Приехали туда ночью. Дорогой было так холодно, что необходимо было согреться и отдохнуть, между тем крохотная комната для приезжих на станции имела
л. 39 об. очень // непотребный вид. Благодаря тусклому мерцанию закопченной лампы, не было вполне ясно видно всех подробностей грязи и копоти, но и так можно было догадаться по тому, что бросалось в глаза. Там на месте выбора не было; потребовали себе сена и улеглись на полу. Я встал на другой день с головной болью. Надо было торопиться ехать, как для того, что[бы] поскорее добраться до Вятской губернии, так и для того, чтобы поскорее выехать из этой грязи. Напились чаю и молока, причем последнее обратило мое внимание на себя необыкновенною густотою и превосходным вкусом.

Сейчас же по выезде в Костромскую губернию попалась нам по дороге частная сельская дача, принадлежащая Дурново[133], попалась также дорога, обсаженная с обеих сторон березками, как в средней полосе России, хотя эти старые березы очень поредели. Впрочем, в этой части Костромской губернии нам очень мало приходилось ехать по такой дороге, так как бóльшая часть пути пролегает по-прежнему лесом. Зато тут характер леса был несколько иной: появились лиственные деревья, береза, осина; из хвойных чаще встречалась ель. Проехав две станции, мы остановились на Зауполовницкой почтовой станции поменять лошадей и воспользовались этим, чтобы за-
л. 40 кусить и напиться // чаю. Это было около 5 часов дня 4-го августа. Пробыв на станции около 1 ½ часа, мы поехали дальше и вскоре опять попали в Никольский уезд Вологодской губернии. Часу во втором ночи приехали мы на Маслениковскую по-

чтовую станцию и остановились там для ночлега, проехав от Никольска 167 верст в течение почти 1 ½ суток. Там же, как и предыдущую ночь, расположились на полу, на сене. Несмотря на то, что я выехал из Ираклихи с головной болью, дорога не утомила меня, а скорее подействовала к лучшему, и голова совсем освежилась. Захватывал нас небольшой дождь, но благодаря кожаным плащам, мы от него спаслись, а верх предпочли не привязывать к тарантасу, так как эти кибитки очень малы, от дождя не спасают и поколачивают при каждом толчке затылок. Только вследствие сильного солнцепека можно было мириться с такой покрышкою.

5 августа часов около 11 утра мы выехали из Маслениковской станции. До границы Вологодской губернии оставалось еще верст около 40. Дорогой нас захватил довольно сильный дождь, и благодаря коже и непромокаемым плащам, сами мы не промокли, только на следующей Дуваловской станции пришлось посушить наволочки подушек. Это заняло не более получаса времени, погода разгулялась, и мы немедленно // поехали дальше. *л. 40 об.* Приблизительно на полдороге нам пришлось проезжать мимо столба с надписью: граница Котельничского уезда Вятской губернии. Таким образом, мы переехали границу Вологодской губернии, чтобы более в нее уже не возвращаться.

10. Вологодская губерния

Мне пришлось быть в пяти уездах Вологодской губернии для исполнения возложенного на меня поручения собрать народные песни. Переезды совершались на лошадях, причем, конечно, самое важное значение имеют переезды на лошадях, на пароходах и на лодках, как наиболее знакомящие с характером местности и быта. Попал я в Вологду 11-го июня, а пересек границу Вологодской и Вятской губернии 5-го августа. Если исключить отсюда неделю времени, употребленного на путешествие в Архангельск и обратно, то остается около полутора месяц[ев] времени, которое я провел в Вологодской губернии. Объехать пришлось уезды Вологодский, Тотемский, Велико-Устюжский, Сольвычегодский и Никольский. Время рассредо-

точилось весьма неравномерно на каждый уезд, что зависело
л. 41 как от степени интереса данной местности самой // по себе и от количества собираемого материала, так и от величины расстояний, которое приходилось преодолевать.

Так как главная цель нашей поездки была собирать народные песни, то небезынтересно подвести итог того, что сделано было по этой части в Вологодской губернии. Мы выехали из Вологды в уезды 13-го июня и проездили по уезду около Кубенского озера шесть дней. В эту поездку мы сделали 108 верст на лошадях, 20 верст на лодке и 100 верст на пароходе, всего 228 верст; записали 28 песен в четырех пунктах. Все они находились на одном берегу Кубенского озера, и между крайними – 52 версты расстояния, так что район, в котором собирались песни, составляет около 1/4 всего сделанного по Вол[огодскому] уезду пути, а самое собирание совершалось в течение трех дней, преимущественно по вечерам после работы.

18-го июня вечером мы вернулись в Вологду, а 19-го выехали на пароходе в Тотьму, куда прибыли 20-го около 3 час[ов] дня, 21-го вечером мы выехали в уезды и вернулись в Тотьму 28 июня к вечеру, пробыв в путешествии 7 дней. Длина пути нашего по Тотемскому уезду равняется 337 верстам; все путешествие совершалось на лошадях. Всего записано 68 песен в шести пунктах. Работа эта производилась с 22-го июня ежедневно в течение шести дней; район, в котором производилось собирание песен, составляет восточную и северо-восточную окраину уезда, и среднее расстояние между пунктами равняется 30 верстам. Записывание везде производилось днем, так
л. 41 об. как ночью мы совершали переезды. // Возвратясь в Тотьму 28-го июня вечером, мы выехали на пароходе в Архангельск 31-го июня. Прибыли туда 3 июля, а 4-го выехали обратно до Нижней Тоймы в Сольвычегодский уезд Вологодской губернии. В 3 часа утра 6-го июля мы выехали в Н[ижнюю] Тойму и отсюда направились на лошадях по Сольвычегодскому уезду, приехав в Сольвычегодск 11-го июля в 6 утра. Таким образом, в путешествии по уезду мы были 5 дней, ехали до Красноборска по левому берегу Двины, а в Красноборске переехали на другую сторону. Записали всего 18 песен в трех пунктах, причем два пункта были в городах Красноборск и Сольвычегодск. Проехали мы по уезду 265 верст на лошадях и 30 верст на лодке,

всего 295 верст. Расстояние между пунктами: от Афанасьевского до Красноборска – 146 верст, от Красноборска до Сольвычегодска – 87 верст. Записывание производилось в Красноборске днем два дня, в отдельных пунктах вечерами всего – 4 дня.

В Сольвычегодск мы прибыли до 14-го июля и вечером выехали в Устюг, куда прибыли в 4 часа утра 15-го июля. В Устюге и в уездах его мы пробыли 10 дней; по уезду проехали 250 верст на лошадях, 117 верст пароходами и 10 верст лодкой; на путешествие употребили 3 дня, остальное время проводили в городе. Записали 20 песен в трех пунктах, из которых один – в Устюге, а другой – слободе Дымково, его пригороде на другом берегу Сухоны; 3-й пункт // – село Бобровское в 117 верстах водою вверх по Сухоне. Записывание проводилось днем в течение трех дней. *л. 42*

25-го июля вечером выехали мы в Никольский уезд, а 5-го переехали границу его в Вятской губернии. Всего пробыли в Никольске и уездах его 10 дней, причем два дня оставались в Кичменгском Городке и 4 дня в Никольске, остальное время были в пути. Проехали всего по Никольскому уезду 303 версты исключительно на лошадях; записали 20 песен в двух пунктах, причем 17 записано в Никольске. Записывали в Никольске по вечерам три дня, в Кичменгском Городке днем. По пути в Вологду проехали 55 верст по Костромской губернии.

Итак, в Вологодском уезде на записывание песен употреблено три дня и записано 28 песен;

в Тотемском – 6 дней – 68 [песен];

в Сольвычегодском – 4 дня – 18 [песен];

в Устюжском – 3 дня – 20 [песен];

в Никольском – 4 [дня] – 20 [песен].

Если вывести среднюю цифру, сколько записанных песен приходилось в день в каждом уезде, то самым богатым оказался Тотемский уезд (11 песен), а беднейшим – Сольвычегодский (4–5). По характеру песен более всего записано протяжных, но между ними находится много сомнительного характера, и вообще, если этот отдел богат в количественном отношении, то нельзя того же сказать // про его качественное значение. Наиболее интересными являются свадебные песни и причеты, из которых первых и вторых записано по 16. Духовные стихи, записанные в Вологодской губернии, представляют варианты известных *л. 42 об.*

стихов про Алексея человека Божия, Лазаря, Иоанна Златоуста. Единственная былина интересна по тексту, но не по напеву.

По местностям песни можно распределить таким образом: протяжные песни одинаково распространены во всех уездах, и везде одинаково заметно их вырождение; песни и причеты свадебные и причеты [похоронные] более встречались в Вологодском и Тотемском уездах, песни святочные и игровые записаны преимущественно в Сольвычегодском, Никольском и в северной части Тотемского уезда. В Устюжском уезде записаны коляды и виноградие, а также разбойничьи (Бобровское).

[Л. 43–47 об. – не заполнены][134].

л. 48

11. Орлов, Вятской губ[ернии]

Первый уезд, который пришлось нам проезжать по переезде границы Вологодской губернии, был Котельничский. Уезд этот, так же как и Орловский (следующий), приходилось проезжать именно в том месте, где границы его наиболее суживаются, так что на почтовой дороге только две станции принадлежат этому уезду. Расстояния эти казались поразительно малы после того, как приходилось целые сотни верст ездить по уездам Вологодской губ[ернии]. Тем не менее, оба уезда эти в длину захватывают значительное пространство. Первая станция, которую мы проезжали в Вятской губернии, была Пронинская. Так как город Котельнич не был нам по пути, мы решили, не испрашивая содействия исправника и становых, справиться по нашему делу в ближайшем волостном правлении и, если можно, поработать для собирания песен. Оказалось, что на большой дороге нет волостных правлений, а ближайшее в сторону одно мы уже проехали, другое же находилось в 4-х верстах от следующей станции. Туда же мы и направились.

Дорогой я обратил внимание на скученность и бедность поселений, отсутствие лесов и перемену растительности. Попадавшиеся часто небольшие перелески состояли исключительно из молодых берез. Хвойных растений совсем не было. Жатва и уборка хлеба была в полном разгаре; убирали рожь, с сенокосом, как и в Вологодской губернии, покончили недавно.

Все время мы // ехали по большой дороге, обсаженной с обеих *л. 48 об.*
сторон березками, и, только проехав следующую станцию, повернули проселками к волостному правлению. Оно находилось в селе Макарьевском. Уже было темно, когда мы туда приехали. В правлении были на лицо писарь, помощник его и заседатель. Предъявив наши документы и открытое предписание от губернатора, мы просили указать нам место, где мы могли бы остановиться. Писарь посоветовал нам остаться в самом правлении. Неопрятно выглядела обстановка: в приемной комнате была такая грязь, что трудно было представить себе, где бы можно было лечь. Мы улеглись в самом правлении на полу на сене, между решеткой и столом, накрытым красивым сукном со стоящим на нем зеркалом.

На другой день, 6 августа, с утра начался самый ненастный дождь. Мы встали поздно, так что я не поспел к обедне, а И[стомин] застал, вероятно, только конец, так как ушел на несколько минут раньше меня. Еще накануне мы объяснили помощнику писаря и заседателю, зачем мы приехали, и просили их содействия, на что они охотно согласились. Вскоре после обедни нам пришли доложить, что старики, которых мы требовали, явились. Позвали их, но они наотрез // отказались быть, *л. 49*
говоря, что ничего не знают, не помнят, присовокупляли, что петь им запрещается. Долго толковали им, что запрещается не пение, а пьянство и безобразие в пьяном виде, но убедить их не могли. Они ушли, а заседатель предложил послать еще кое за кем, и в конце концов явились песельники, которые пели нам столько, что сами должны были их останавливать[135]. Только в 8 час[ов] вечера работа кончилась, и мы, закусив и напившись чаю, поехали до следующей станции, чтобы не ночевать опять в этой грязи.

Было очень темно, погода хотя немного разгулялась, но небо было покрыто облаками. Нам пришлось переезжать на пароме реку Молому, которая служит границей между Котельничским и Орловским уездами. Приехали мы на Зыковскую станцию около 12 ночи, а на другой день добрались до Орлова. В Орловском уезде опять появились хвойные леса, прекратившиеся в Котельничском.

В самом Орлове мы остановились в довольно опрятной гостинице и были единственными жильцами в единственных

номерах. Приехав туда часов около 2-х 1-го августа, мы прибрались, закусили и отправились к исправнику. Оказывается, он уже имел о нас сведения и ждал нашего приезда. Как недавно служащий в Орлове, он сам не брался указывать нам что-либо по нашей экспедиции, а предложил нам познакомиться с
л. 49 об. городским головою Кузнецовым[136], который как старожил и // интересующийся всем человек мог быть нам полезным. В этот же день вечером отправились мы к городскому голове, просили его помощи в нашем деле. Он отказался нам указывать что-либо сам, говоря, что он человек исключительно городской, проведший в городе всю жизнь, а предложил прислать сейчас же инспектора народных училищ Орловского уезда, который квартировал в его доме. Благодаря указаниям инспектора и любезности городского головы, у нас собрался список местностей Орловского уезда в северной и южной его частях как наиболее глухих с указанием лиц, к которым следовало нам обратиться для дальнейшего руководства. Конечно, никто не ручался за действительную опытность рекомендованных нам лиц, но этого нельзя было бы и требовать в той отрасли исследования, для которого мы приехали. Отыскав на карте указанные нам местности, мы увидели, что всего нет возможности обследовать при недостатке времени и отдаленности пунктов, а поэтому, направляясь к Вятке, решили заехать только в ближайшее село Великорецкое.

8-го августа мы прибыли в Орлов и были приглашены исправником на обед. Утром я был на обедне в заштатном мужском монастыре[137]. Там есть чудотворная икона Нерукотворно-
л. 50 го Спаса, // найденная на болоте в 6 верстах от города на другой стороне реки Вятки. Город расположен на правом берегу реки Вятки и в прежнее время был очень крупным торговым центром как посредствующий между восточными городами и Архангельском[138]. С проведением Вологодской железной дороги его значение стало падать, и теперь он потерял всякое торговое значение. Местоположение довольно красиво, холмисто. Церкви все окрашены в зеленый цвет, что составляет как бы отличительные признаки Вятской губернии.

Погода к нашему выезду не улучшалась, и мы выехали 9-го утром под проливным дождем. До Великорецкого было 46 верст, но по близости станций приходилось два раза менять ло-

шадей. Приехали мы туда часов около трех, потребовали урядника и поручили ему позаботиться о приглашении подходящих певцов, а сами отправились к священнику, на которого нам указал инспектор народных училищ. Священник сам ничего не мог указать, так как никогда этим не интересовался, но оказал полную готовность помочь нам, и, благодаря ему и уряднику, к вечеру собрались певцы и певицы. Сначала пелись песни очень неинтересные, так что я предложил Истомину // прекратить записывать, но потом один из крестьян пропел песню «Сторона моя»[139], за которую я ухватился как за драгоценный вклад нашего сборника. Такой цельно сохранившейся песни еще у нас не было. Между прочим, я тут же успел проследить самый процесс искажения песни, заставив другого пропеть ту же песню. Благодаря появлению новых песен, частушек, явилось стремление всякую старую песню подвести под более скорый ритм, вследствие чего так трудно теперь найти сохранившуюся в чистоте протяжную песню. *л. 50 об.*

Село Великорецкое замечательно тем, что оно возникло на месте явления иконы св[ятого] Николая Чудотворца около 500 лет тому назад[140]. Икона эта находится теперь в вятском соборе, и оттуда ежегодно в конце мая бывает крестный[141] ход на место явления, и бывает огромное стечение народа. На обратном пути икону обносят по селам и деревням, так что она только к осени возвращается опять в Вятку. В с[еле] Великорецком две церкви и очень высокая колокольня[142]; при церкви есть дом для приема богомольцев, для причта и училища. Все постройки каменные. Недалеко от села на буграх близ реки Великой в роще находится // кладбище и при нем церковь. Церковные постройки и кладбище расположены на небольшом пригорке и видны издалека. *л. 51*

10 августа утром до отъезда нашего мы сняли фотографии с села[143]. Выехали мы часов около 11 утра, направились прямо в Вятку. Первая станция находилась на расстоянии 25 верст и была уже в Вятском уезде. Близ этой станции мы проезжали Медянскую фабрику писчебумажную Первушина[144], затем ехали лесом и лугами близ реки Вятки. Верстах в 14 от города мы переправились на пароме на другой берег и оттуда вплоть до города должны были ехать шагом вследствие убийственной дороги. Ненастная погода размыла глиняную почву до такой сте-

пени, что дорога превратилась в густой кисель, прилипающий к колесам. При этом приходилось сначала долго ехать поемными лугами по выбитой дороге, потом подняться на очень высокую гору и тонуть в глине, постоянно спускаясь с пригорков и поднимаясь на них. Выехав с Медянской станции в 3 часа дня, мы только к 8-ми часам вечера добрались до Вятки.

л. 51 об.

12. Вятка

Мы приехали в Вятку 10 августа уже к вечеру. Езда по городу представлялась не лучшею, чем по дороге до города: вследствие отсутствия мостовых на улицах была глубокая грязь, в которой вязли лошади и экипаж. Предварительно поездив по городу, мы понемногу нашли порядочные номера, в которых и остановились. Освидетельствовав свои вещи, я нашел, что чемодан мой пробит и с другой стороны и окончательно негоден, так что в Вятке мне предстояло его заменить новым.

На следующий день мы отправились представляться губернатору и поблагодарить его за высланные нам открытые листы и содействие, получили в его канцелярии присланные нам документы из Костромы, а затем отправились в управу получить там билет за пользование земскими подводами. Председатель губернской управы, еще очень молодой человек, принял нас чрезвычайно любезно и выразил живейшее участие к предпринятой нами экспедиции и желание содействовать нашему успеху. Он тут же познакомил нас с членами управы и земскими
л. 52 агрономами, и др[угими] лицами. Так как // для нас было очень важно выяснить, по каким пунктам должен следовать наш дальнейший путь по Вятской губернии в пределах тех уездов, через которые был назначен главный маршрут, то один из земских агрономов как большой любитель русской песни предложил составить маленькую комиссию, в которую пригласить всех сколько-нибудь компетентных в этом деле лиц, находящихся в Вятке, и сам взялся это устроить. Председатель любезно предложил собраться этой комиссии в управе, и тут же определено было собрать ее на другой день, 12 августа, в 6 часов вечера. Мы оба, конечно, нисколько не имели в виду и даже не желали раз-

дувать нашу цель до таких размеров, тем более, что подобные комиссии, как обыкновенно бывает, ни к чему не приводят (что оказалось и в данном случае). Но с другой стороны, видя такое желание содействовать успеху нашего дела, нам было неловко отказываться от предложенного нам способа определить наш путь, и мы приняли предложение собрать комиссию.

Из управы мы поехали вместе с председателем в земский кустарный музей. Кустарное производство очень развито в Вятской губернии, а некоторые отрасли его достигли значительного совершенства, // как, напр[имер], изделия из капа[145], корешка *л. 52 об.*
и карельской березы. В музее можно купить много предметов, сделанных из этих материалов, – портсигары, спичечницы, чайные ящики, шкатулки. Там можно видеть все отрасли кустарного производства Вятской губернии: кукарские кружева[146], плетеные корзины, железные изделия, обувь, горшки, простонародные игрушки, мебель. Во многом еще этого рода производство не представляет совершенства, как, напр[имер]: мебель, железн[ые] изделия, но есть полное основание предполагать развитие его в будущем. Земство очень поддерживает его и старается развивать. Из музея мы хотели заехать в банк, но оказалось уже поздно, и мы провели остальную часть у себя в номере.

Город Вятка расположен на левом берегу реки того же названия, при впадении в нее речки Хлыновицы. Он стоит на высокой горе, с которой открывается обширный вид на противоположный берег и находящиеся за рекой селения. Главный центр города – площадь Соборная, на ней находится большой кафедральный Троицкий собор[147], который вместе с архиерейским домом обнесен каменною оградою и имеет вид кремля, // одна сторона которого выходит на реку. Рядом с со- *л. 53*
бором, почти непосредственно к нему примыкая, находится женский монастырь[148]. На той же площади находятся Воскресенский[149] и Спасский соборы[150]. Прямо от соборной ограды начинается большой овраг, который разбивает город на две части. За оврагом, против собора, находится Успенский Трифонов монастырь[151], в котором покоятся мощи основателя его преп[одобного] Трифона и мощи св[ятого] Прокопия юродивого, вятских чудотворцев. Центром части города, находящейся за оврагом, можно назвать площадь, где стоит Александров-

ский собор[152]. Этот собор построен знаменитым Витбергом, сосланным в Вятку после неудачной попытки строить храм Спасителя в Москве[153]. Он представляет выполнение отчасти того грандиозного проекта, который был создан им для храма Спасителя, а по внешнему виду, с первого взгляда, кажется чуть не копией с нынешнего храма Спасителя в Москве. Однако, это кажущееся сходство далеко не так близко; Александровский собор имеет круглую форму: посреди возвышается большой купол, вокруг которого находится четыре маленьких – над алтарем, над выходом, с южной и северной стороны. Архитектура очень странная, во многом видно какое-то неприятное противоречие, так что я не могу согласиться с вятскими, гор-
л. 53 об. дящимися // этим собором, что по красоте такое здание будто бы нельзя найти ни в каком другом городе. Старый кафедральный собор представляет более цельности и стройности в архитектуре. Внутри Александровский собор имеет форму креста; в нем три престола, а против иконостаса по стенам нет почти никаких образов.

Кафедральный Троицкий собор построен при императрице Елизавете Петровне, освящен при Екатерине II. Архитектура его напоминает стиль Растрелли, и поэтому он кажется сходным с большею частью петербургских церквей. Внутренняя отделка его тоже свидетельствует о влиянии западно-европейской архитектуры и вкусов при постройке того времени. Иконостас состоит из картин, а не из образов; в главном иконостасе нет даже местных икон Спасителя и Божией Матери по бокам царских врат. В этом соборе находятся две чудотворные иконы: св[ятого] Николая Великорецкого и Архистратига Михаила <*нрзб*> вырезанная на камне. Под собором есть внизу еще алтарь и маленькая церковь, устроенная наподобие Гроба Господ-
л. 54 ня в Иерусалиме. // В гробнице вложен камешек, отсеченный от Гроба Господня и привезенный из Иерусалима священником Стефаном, который устроил эту подземную церковь в 1885 году, и прах которого покоится теперь в ней.

Хотя в Вятке много старинных церквей по своему основанию, но почти все они перестроены в позднейшем времени. Наиболее древняя церковь – св[ятой] Пятницы.

Следующий день, 12 августа, мы употребили утро на то, чтобы походить по городу и сделать кое-какие покупки; между

прочим, я купил себе корзину, плетеную из корней, вятского производства взамен своего чемодана. В 6 часов вечера мы отправились в управу в назначенную по случаю нашего приезда комиссию. Там пришлось нам познакомиться, так сказать, с центром вятской интеллигенции; были люди всевозможных специальностей и рода занятий, наиболее основательным показался мне князь Верещагин[154], историк Вятского края, подробно изучивший все летописи, акты и грамоты, сюда относящиеся. Он снабдил нас двумя своими брошюрами по поводу Вятского летописца, в которых очень основательно разбирается достоверность помещенного в нем // рассказа о заселении Вятского края и основании Хлынова. *л. 54 об.* Для нашей цели были собраны тоже кое-какие сведения, и нас снабдили выписками местностей и лиц, от которых были записаны песни. Кроме того, от управы были предупреждены агрономы Нолинского и Яранского уездов о нашем проезде через эти уезды, для того чтобы они могли быть нам полезны в этих делах. В общем же никто прямого указания дать не мог, говорили приблизительно, указывая преимущественно на северные углы Котельнического и Орловского уездов, т. е. местности, которые мы уже миновали. Верещагин указывал на места исторические, но древность и историческое значение поселений – не ручательство за сохранность словесной поэзии.

Таким образом, маршрут наш остался таким же, каким был предложен до собрания комиссии, а ближе познакомившись с учителями, учительницами народных училищ и агрономами, я пришел к решению оставить их в покое и не обращаться к ним за помощью, потому // что они не понимают, чего мы ищем, и *л. 55* растолковывать им труднее, чем простому крестьянину. Мне пришлось провести целый вечер в компании этих людей, и я все себя мысленно спрашивал: а неужели таким лицам поручено обучение народа и его просвещение? Все толкуют о тупости народа, его косности в своих суевериях и предрассудках, но не понимают того, что влиять на народ можно только сблизившись с ним, а это последнее невозможно без духовного единения на почве веры. Вятское земство очень либерально, оно учредило у себя в губернии институт земских агрономов и выписало их из Петровской академии[155] и других подобных заведений. Петровская академия – достаточное ручательство за старание антире-

лигиозной и правительственной пропаганды, но не усовершенствование сельского хозяйства. Между прочим, нам подыскали в самой Вятке одну певицу, от которой мы записали несколько песен[156]. После этого про нас ходила молва, что это дело антихриста, и, пожалуй, в таком объяснении есть доля правды: мы пользовались содействием управы и ее членов, а эти господа стоят вне религии. //

л. 55 об. Мы посетили в Вятке музей естественно-исторический и археологический при земском реальном училище. Он содержится в большом порядке; в нем несколько отделов: 1-й – археологический, в котором собраны различные предметы раскопок, 2-й – сельскохозяйственный и 3-й – естественной истории, где собраны образцы ископаемых, флоры и фауны Вятской губернии.

Пробыв в Вятке пять суток, мы выехали 15 августа около 6 вечера по Нолинскому тракту.

13. По Вятской губернии

Отъехав 18 верст от города, мы остановились в селе Кстининском, где нам были указаны певцы и певицы. Все эти лица были из соседней с Кстининским деревни Березовка. Уже было темно, когда мы приехали на станцию; доехать нам удалось без дождя, хоть все время нашего пребывания в Вятке продолжалась ненастная погода, вследствие чего дорога *л. 56* была очень испорчена. Несмотря на темноту, мы // сейчас же потребовали к себе урядника и распорядились о приглашении необходимых лиц. В сущности, совестно было тревожить народ в позднее время, да очень уж хотелось поскорее отделаться и ехать дальше. Пока явились все, кого нам требовалось, прошло часа четыре. Наконец явились приглашенные; это было уже около пол[у]ночи. По обыкновению, прошло много времени на предварительные переговоры; петь отказывались, но потом распелись, и приняли участие в этом также бабы[157]. Ничего стоящего внимания записано не было, так что с успехом можно было бы не беспокоить народ и ехать далее.

Часа в три утра, как кончили работу, мы поехали далее вплоть до станции Дворище Нолинского уезда. Приехав на эту станцию часов около 9 утра 16 августа, мы предварительно оправились, напились чаю, затем последовали в волостное правление, которое оказалось тут же, в деревне, за писарем. Ему мы сообщили цель нашего приезда и поручили ему принять надлежащие меры на успех нашего дела. Он объявил нам, что у них назначен сход и что народу будет много, а потому и обещался после схода прислать певцов. В ожидании этого мы отправились на поветь спать после бессонной ночи. К вечеру явились несколько мужиков, которые наотрез отказались петь // песни, несмотря на все убеждения как со стороны нашей, так и волостных властей. Таким образом, остановка эта не оказалась полезной для нашего дела. Мы хотели в ночь же выехать дальше, но так как было очень темно, и путь наш сворачивал с почтового тракта, то ямщики отсоветовали ехать ночью, боясь гор и дурной погоды. *л. 56 об.*

Выехали мы на следующий день, 17 августа, около 9 часов утра. Местами, действительно, дорога была нехороша, но вообще лучше почтового тракта, который совершенно избит вследствие массы проезжающих. По случаю мелководья пароходы перестали ходить по Вятке, и весь наплыв учащейся молодежи и других приезжающих в Вятку должен был сворачивать на почтовый тракт. Из Дворища мы проехали в Чертищевское волостное правление, находящееся в западной части Нолинского уезда и отстоящее от Дворища на 5 верст. В Чертищевском волостном правлении мы сделали вторую остановку в Нолинском уезде. Приехали туда часа в 4 дня, народ был еще в полях, поэтому приходилось ждать вечера. Распорядившись относительно приглашения необходимых для нас лиц и певцов, которые имелись тут, по // словам старшины и писаря, мы стали промышлять об обеде. Благодаря предложению писаря, оказалось возможным найти мясо, и заказали себе по бадмеевскому рецепту и котлеты. *л. 57*

К вечеру явились певцы, несколько крестьян. Хотя мы более желали пригласить женщин как хранительниц свадебных обрядовых песен, но они не пришли. От мужиков же записали только четыре песни[158]. Репертуар их очень неинтересен, везде поется неизбежная песня «Не листочки шумят»[159], которая

своею распространенностью очень характерна для Вятской губернии, но сама по себе не представляет никакого интереса и поэтому не была записана нами. Происхождение ее очевидно новейшее. Было уже совсем темно, когда мы кончили работу. Поднялся сильный ветер и дождь, и поэтому мы решили переночевать тут. К утру ветер не унялся и дождь не перестал лить, но, несмотря на погоду, надо было ехать далее. Нас немного задержали пришедшие женщины, которые неизвестно чего ради явились, так как петь не решались, несмотря ни на какие увещевания писаря, его жены и наши. Разговоры кончились ничем.

Утром к нам явился урядник из Александровского волостного правления и представился, говоря, что получил предпи-
л. 57 об. сание содействовать нам во время нашего проезда. // По его словам в Александровской волости можно было найти певцов, знающих старинные песни, и так как это было нам по дороге, то мы решили заехать в волостное правление и испытать там счастье. Работы наши по собиранию песенного материала стали продвигаться очень туго последнее время. В ту минуту, как мы укладывали в экипаж наши вещи, подъехал становой пристав, который встретил нас как неизвестных ему лиц, что меня удивило немного, так как урядник уже был к нам откомандирован и находился тут. Часов в 12 дня 18 августа мы поехали в сопровождении урядника до Александровского волостного правления, отстоящего от Чертищевского на 16 верст. Там мы остановились и, пока нам собирали певцов и певиц, немного закусили и напились чаю. Певицы, как и в предшествующем пункте, не решались явиться, а певцов пришло трое, из которых один был уроженцем Нижегородской губернии. Только он один и знал старинные песни, но пел их очень неопределенно и в искаженном виде, так что записывать было неудобно; при-
л. 58 том же эти песни имелись уже в нашем сборнике // из другого места[160]. Остальные двое певцов пели только новейшие песни, так что здесь было записано еще меньше, чем в Чертищевской волости[161]. Видя безуспешность остановки, мы поехали дальше.

Хотя до Александровского волостного правления нам удалось доехать без дождя, но ветер не унимался и снова нагнал тучи. Отсюда мы направились в Яранский уезд в слободу Кукарку, отстоящую от Александровского на 18 верст. Дорогою

приходилось переезжать речку Вятку, места были очень красивые, но вполне осмотреть местность не было возможности, так как вследствие дождя и ветра мы сидели в закрытом тарантасе. Когда съехали с горы в луга около Вятки, ветер как будто еще сильнее ударил в лицо, принес с дождем массу песку, который очень больно стегал кожу и прилипал к лицу. Подъехав к реке, ямщик наш очень долго должен был кричать на другую сторону, чтобы дали паром. Вятка бушевала. В этом месте она имеет около 70 сажен ширины, на правом (противоположном) берегу ее на горе расположено село Петропавловское. Когда нам подали паром, то переезжать приходилось против ветра; тарантас наш служил хорошим парусом, и едва только отъехали от берега, как нас понесло по волнам против // течения. Пристали мы на другом берегу приблизительно на 150 сажен выше пристани, так что перевозчики должны были тянуть нас бечевою и, хотя по течению, но с большим трудом дотянули нас до пристани. Тут пришлось взбираться на гору, которая тянулась с версту. Уже совершенно стемнело, когда мы подъехали к Кукарке[162]. Ямщик сам доставил нас на квартиру, которую мы считали земскою станцией, но оказалось, что это содержатель вольной почты. *л. 58 об.*

Не прошло часу после нашего приезда в Кукарку, к нам явился становой пристав и представился, говоря, что извещен о нашем приезде и имеет предписание о содействии нам. Не встречая нигде подобного приема, я сначала подумал, что он может быть ошибается, но его знание наших имен и отчеств не оставляло никаких сомнений. Он, было, предложил устроить нас в более удобном помещении, но мы отклонили это, говоря, что приехали в Кукарку ненадолго и не рассчитываем в ней производить никаких работ. Он спросил нас, куда мы намерены направить дальше, и когда мы назвали местности, указанные нам в Вятке, он сказал, что будет нас сопровождать. Меня это поставило даже в неловкое // положение, так как нигде еще такой предупредительности со стороны полицейских властей мы не встречали. Но сопутствие станового в нашей поездке оказалось небесполезно. Следующий день, 19 августа, мы провели весь в Кукарке; с утра началось ненастье и продолжалось весь день, только к вечеру погода разгулялась. Тем не менее, мы катались по слободе со становым приставом, который показывал нам ее достопримечательности. Слобода Кукарка имела *л. 59*

вид города, много больших каменных домов, пять церквей, из которых две соборные, и один собор очень большой. Благодаря обилию камня вокруг, некоторые улицы вымощены. Кукарка расположена на берегу реки Пижанки, недалеко от впадения ее в Вятку, так что пароходы заходят в самую слободу, где сделана пристань.

За лугами недалеко видна Вятка. На противоположной стороне между Пижмою и Вяткою расположилось село Жерновые Горы, где процветает каменное производство, делают жернова, памятники и плиты. Для памятников употребляется мягкий камень желтоватого цвета, называемый опока[163]. В самой Кукарке есть тоже каменоломня и выделка памятников. Мы
л. 59 об. посетили школу кружевниц[164] и мастерскую каменотесов. // Население Кукарки торговое, торгуют хлебом, лошадьми, делают экипажи. В Кукарке живут пароходовладельцы по р[еке] Белой – Якимовы[165].

Вечер 19 августа мы провели у станового, где познакомились с доктором. Разговор коснулся между прочим массы нищих, которые ходят за иконою в то время, когда ее приносят, и доктор заметил, что нищие эти что-то поют. Это нас заинтересовало, так как мы слыхали про сунских нищих (в Нолинском уезде)[166], но не знали, где их найти. Потому нам любопытно было воспользоваться кое-чем хотя бы тут. Становой сейчас же послал за ними. Сначала явились две слепых старухи, которые кроме тропарей ничего не знали, но они указали на слепого из деревни Печенкино, близ Кукарки, который поет стихи. Немедленно было послано за ним, и оказалось, что он знает очень много стихов, между которыми нашлись совсем неизвестные: «Кирик и Улита» и «Архангел Михаил». Вследствие позднего времени мы прослушали в этот вечер только первый стих и записали его[167], а ради прочих решили отложить до вечера на-
л. 60 значенный утром 20 августа // отъезд и съездить вместо того в Печенкино, чтобы записать от слепого все, что он знает. На следующий день часов в 11 утра становой заехал за нами, чтобы отвезти нас в Печенкино. Захватив фотографию, мы отправились. Погода на этот раз благоприятствовала нам, только дул довольно сильный ветер и вообще было прохладно. Подвезли нас к небольшой келье на самом краю селенья. В избе было темно, низко и духота, которые еще усиливались от специфическо-

го запаха калины: семья была занята выбиранием ягоды. Чтобы не терять времени, мы попросили сейчас же слепого и жену его начать пение. Слепой и жена его уселись на лавочку рядом и стали петь; начали со стиха «Архангел Михаил» [168], как еще неизвестного, потом про «Егория Храброго»[169]. Оба эти стиха были пропеты целиком, что заняло около двух часов времени. После передышки просили его спеть часть стихов про «Алексея человека Божия»[170] и про «Лазаря»[171], так как эти // [стихи] *л. 60 об.*
были уже записаны нами в Тотемском уезде, и нам хотелось только проследить разницу текста и напева. Слепому около 45 лет, он ослеп, работая на каменоломнях, обтесывая опоку, кусочки которой попали ему в глаза. У него есть две дочери и маленький сын, единственный оставшийся из пятерых. Он сам выразился о сыновьях своих так: «Пятерых последнего только нам оставил, да и Слава Богу, а то сам-то я плохой, а нынче сыновья мало слушают родителей, только грех один». Одна дочь его замужем, другой еще 13 лет. По окончании записывания песен мы посадили слепого с женою и сыном на скамеечку середи избы и сняли с них фотографию[172].

На обратном пути мы еще останавливались два раза для снимков фотографий, сняли Кукарку[173] и Жерновые Горы[174], // *л. 61*
но впоследствии сильного ветра вряд ли фотографии выйдут удачно. Вернувшись домой, мы условились со становым приставом выехать в 5 часов вечера и до тех пор расстались. Приготовили бадмеевский бульон, развернули стерлядь, напились чаю, уложились и, как обыкновенно бывает, к назначенному времени не поспели. Становой приехал ровно в 5 часов. Выехали около 6 часов мы впереди на тройке, становой сзади на паре; поехали через Водозерское волостное правление в деревню Миклянур. Дорога шла проселками и была очень недурна. В волостном правлении, пока нам перепрягли лошадь, мы напились чаю. Становой пристав распоряжался всем, отстраняя от нас все хлопоты. Здание правления обратило на себя наше внимание своей роскошной обстановкой; большой зал присутствия роскошной обстановкой напоминает кабинеты в департаментах Петербурга. Вся Водозерская волость[175] состоит из бывших удельных крестьян[176], потому там такое обширное // *л. 61 об.*
здание правления. Недавно тут волостным правлением образовали[177] на волостные суммы богадельню, единственный пример

в своем роде. Как только были запряжены лошади, мы поехали дальше. Ночь была лунная, так что ехать было очень хорошо. В Миклянур мы приехали в 11 часов вечера и поэтому работы по собиранию песен отложили до следующего дня.

На другой день, 21 августа, как только напились чаю утром, принялись за работу, но безуспешно: пели нам много песен, но ни одной не пришлось записывать, так как все песни современные. Я записал только одну мелодию[178] и то только для характеристики, так как сама по себе она не имеет никакого интереса. Для меня было ясно из массы примеров предшествовавших, что тут нет песен, и я даже осмеливаюсь предположить, что их и не было, так как нет никакой причины исчезнуть им здесь раньше, чем в других местностях, где кое-что
л. 62 еще // сохранилось. Эта часть Яранского уезда довольно глухая, и народ оседлый, не занимающийся отхожими промыслами. По окончании работы я прямо сказал, что в следующие пункты не стоит заезжать, так как там, наверное, все тоже. Между тем неловко было не заехать, так как становой пристав еще с вечера послал уведомление туда о нашем прибытии и распорядился, чтобы к приезду нашему были собраны певцы и певицы. Урядник отправился вперед в деревни Лешканур и Кугланур делать приготовление. В Лешканур нам собрали женщин; мы заставляли их петь свадебные песни, но почти невозможно было понять, что они поют; полное отсутствие мелодии и ритма, что в особенности меня поразило в свадебных песнях, где ритм, как бы он своеобразен не был, всегда ясен сразу. Попытка что-либо записать оказалась безуспешна, и тут
л. 62 об. я совершенно вышел из терпения: чего ради мы тут слушаем // вздор, когда мы могли бы спокойно ехать в Яранск и поспеть туда засветло. В Кугланure повторилось то же самое: здесь нам привели певцов, которые пели военные песни и разбойничью про Степана Разина, которая очень известна[179]. Но эти певцы не могли и подобия воспроизвести какой-нибудь песни, а горланили, как пьяные.

Потерпев таким образом полную неудачу в Яранском уезде по части песен, мы добрались наконец до Пачинского волостного правления, где должны были сменить лошадей. Становой пристав послал заранее уведомление, чтобы были готовы для нас лошади. Тем не менее пришлось ждать около двух часов, так

как лошадей не оказалось. Посылали в соседние черемисские деревни, разыскивали лошадей в лугах. Только когда уже стало темнеть, мы могли выехать. День был пасмурный, // и скоро ста- *л. 63*
ло совсем темно, а вдобавок к этому пошел дождь. До станции, которая находится на почтовом Яранско-Вятском тракте[180], мы доехали благополучно. Здесь оставался один переезд до Яранска в 17 верст. Ночь была совершенно темна, и дождь не прекращался, но нам, конечно, и в голову не приходило остаться на станции ночевать, тем более что мы совершали путешествие под охраной станового. Тем не менее этот переход не прошел без приключения: не доезжая версты четыре до Яранска, наш тарантас опрокинулся от сломавшегося колеса. Хотя случилось это в деревне, но колеса нам никто не дал, так что ямщик снял колесо с парного тарантаса, надел на троечный, становой сел к нам на козлы, а к его тарантасу приделали слегу и волокли до следующей деревни, где, наконец, добились колеса и поехали, как следует. В Яранск мы приехали часа в 2 ночи, приехали // *л. 63 об.*
сначала в помещичье управление, где становой справился о нашей квартире. Оказывается, в городе все было приготовлено к нашему приезду и для нас была приготовлена квартира, на которой мы и расположились.

Утром 22 августа, едва только мы встали, как к нам явился исправник, который любезно предоставил в наше распоряжение свою лошадь, чтобы объехать и осмотреть город. Мы, конечно, поспешили в тот же день отдать ему визит, а вечером с ним вместе отправились в клуб. Мы пришли к заключению, что гораздо удобнее иметь свой экипаж, тем более, что в Костромской губернии, которую нам предстояло проехать на лошадях, почтовые экипажи очень плохи, вернее сказать, совсем их нет, и пришлось бы ехать в простых телегах. Поэтому мы заявили исправнику о своем намерении купить тарантас, конечно, подержанный, но крепкий, который мог бы выдержать переезд до Костромы. Он сказал, что тарантас в Яранске можно приобрести очень дешево, и взялся нам это устроить. 23-го утром исправник явился к нам с докладом, что имеется в виду большой продажный //тарантас, который был куплен за 15 рублей, и что *л. 64*
владелец его не требует за него лишнего. Только этот тарантас не совсем в порядке, а вследствие починки придется отложить отъезд до следующего дня. Мы, конечно, решили остаться до

24 августа с тем, чтобы продолжить путь в собственном экипаже. Сейчас же съездили, осмотрели его, и дело было решено; к вечеру тарантас был доставлен к нам в исправленном (но не в исправном, как оказалось) виде.

Яранск очень чистенький городок, совсем новый. По свидетельству одного из местных жителей, если чем может похвастаться Яранск, так разве только тем, что в нем никакой старины нет. Есть клуб, где можно получить порядочный обед и ужин, а также поиграть на бильярде. Есть гостиница, в которой мы обедали. Церквей, как во всех новых городах, очень мало, впрочем, по количеству населения, вероятно, достаточно. На площади помещается собор, состоящий из двух отдельных церквей, вероятно, летней и зимней, и церковь Св[ятой] Троицы[181], очень большая с высокою колокольней, новая, которую я сначала принял за собор. Рядом с этою церковью стоит не сломанная еще старая колокольня, принадлежавшая, вероятно, церкви, на месте которой теперь выстроена новая. //

л. 64 об. Мы выехали из Яранска 24 августа часа в 2 дня. Для сопровождения нас был командирован чиновник полицейского управления, который довел нас до квартиры станового пристава, так сказать, передал нас с рук на руки. Квартира станового находится в селе Кикнур в <*нрзб*> верстах от Яранска. По приезде нашем он тотчас же явился к нам, а так как по близости находились черемисские[182] деревни, то я просил его познакомить нас с черемисскими гуслями, пузырем и произведениями, в особенности сукном, которого я думал даже приобрести. Сейчас же был отряжен урядник к черемисам, а мы в ожидании их расположились на станции пить чай. Очень скоро по приезде нашем стемнело, и нам посоветовали дождаться утра для дальнейшего путешествия. Так как черемисы очень долго не являлись, то мы поехали к становому и священнику. У последнего мы пробыли довольно долго, так как черемисы вслед за нами явились туда со своими музыкальными инструментами. На гуслях[183] играла женщина, очень нарядно одетая: на ней был надет сверх вышитой рубахи белый вышитый шушпан и шитая повязка на голове, сверх которой был надет еще белый платок с

л. 65 красною каймой. // Преобладающий цвет белый и красный, немного зеленого, желтого и черного. Я записал у ней строй гуслей и несколько наигрышей, которые она исполняла[184]. В музыкаль-

ном отношении этот довольно примитивно. Черемис играл на пузыре, шибёр по-черемисски[185]. По устройству своему пузырь напоминает волынку: две деревянные трубочки, в которые с одной стороны вложены жестяные пластинки с дырочками, оканчиваются одним общим раструбом, сделанным из рога. К верхнему концу их приспособлен бычий пузырь, который надувается тоненькой костяной трубочкой. Звуки довольно дики и пронзительны. Гусли в Кикнуре не местного производства, а привозные из Казанской губернии и приобретаются приблизительно по 60 коп. Они имеют форму трехугольного деревянного ящика, на котором натянуты струны различной длины. Играют прямо руками, задевая струны, как на арфе, положив гусли к себе на колени.

Черемисы далеко еще не отрешились от своих языческих верований, хотя все считаются христианами, а последнее время между ними явилась секта Кугу-сорта[186], культ которой состоял в поклонении свече. Свеча эта делалась или из нескольких восковых свечей, или в виде одной большой с несколькими светильнами, и размер такой свечи иногда достигает 3/4 аршина толщиной. Разумеется, такого рода заблуждения // держатся *л. 65 об.*
преимущественно в местностях, отдаленных от приходов и больших проезжих дорог. Там же, где черемисы имеют постоянное сношение с церковью, они отличаются набожностью.

Утром 25 августа мы съездили в сопровождении урядника в черемисскую деревню и сняли там группу черемис с их инструментами и в костюмах[187]. После этого сейчас же поехали в дальнейший путь. До границы Костромской губернии нас сопровождал становой пристав, с которым мы простились на станции Вязовка, стоящей на границе. Погода все время была очень неблагоприятная, и дорога совершенно испорчена, так что путешествие совершалось довольно долго. После Вязовской станции мы вторично попали в Костромскую губернию и на этот раз с тем, чтоб проехать ее вплоть до Костромы.

14. Вятская губерния *л. 66*

[Л. 66–68 об. – не заполнены][188].

л. 69

15. Ветлуга[189]

От границы Вятской губернии мы проехали еще одну станцию и уже ночью приехали в село Черное Варнавинского уезда Костромской губернии. Привезли нас на земскую станцию, в которой уже были постояльцы – телеграфисты, возобновляющие столбы на Ветлужско-Яранской дистанции. Один из них закусывал и пил чай, другой лежал на диване, завернувшись в одеяло. Мы поместились в соседней маленькой комнатке и сейчас же послали за урядником. Он скоро явился и сказал нам, что предписание о содействии имеется. Тогда ему поручили собрать нам на другой день певцов и певиц, какие есть в селе. Телеграфист обратился к нам с вопросом, не обладает ли кто-нибудь из нас медицинскими сведениями, говоря, что помощник его сделался нездоров, и может быть, с ним холера, а между тем ближайший мед[ицинский] пункт находится за 30 верст и послать туда ночью некого. У нас не оказалось никаких подходящих медикаментов, да и помочь мы не могли, не обладая никакими знаниями. Исправник нашел газету, в которой было помещено наставление, как действовать при холерных заболеваниях. В сущности,
л. 69 об. у больного был только озноб // и болела голова, но товарищ его настаивал на том, что это сухая холера, которая даже опасней обыкновенной. Ночь мы провели в своей конуре на сене, и когда встали, то обоих телеграфистов уже не было. Больной, оказывается, принял на ночь хороший прием хины, и у него все прошло.

Содержатель земской станции, раскольник, пригласил нас для умывания в свою избу к умывальнику. Когда я вошел, перед киотом, в котором стоял врезанный в дерево медный крест, мальчик читал утреннюю молитву вслух. Женщины занимались хозяйственными приготовлениями. Содержание станции с постоянными сношениями с проезжающими заставили, вероятно, раскольников отрешиться от своей крайней необщительности и брезгливости православными. Хозяйка очень радушно угощала нас, сварила нам поросенка, часть которого мы взяли даже в дальнейший путь.

После чаю 26 августа мы принялись за работу. Сначала пели мужики, но все их песни пелись на один и тот же напев, что потом они сами нам объяснили, говоря, что так поются все старые песни. После них пели девушки вешние песни, но опять

на один // и тот же напев, наконец, пришли старухи причитать (выть), но разобрать из этого вытья ничего не было возможно; ясно было только, что мелодии нет, как в Вологодской области. После этих неудачных записей песен, нам предложили послушать православных певиц, и у этих оказалось разнообразие в пении; они пропели нам несколько свадебных песен[190]. Раскольники считают разнообразие напевов новшеством, но не следует забывать, что для раскольника весь образ жизни православного люда есть новшество, хотя бы он был и древнее раскольничьего. *л. 70*

Закусив после работы, мы в 3-м часу дня тронулись в путь, чтобы остановиться в селе Новоуспенском (Холкино – тоже) Ветлужского уезда. Это единственный пункт этого уезда, который нам пришлось посетить. Урядника не было: он уехал верст за 15 на место, где появилась холера. Волостной писарь сказал нам, что, кажется, имеется предписание от начальника губернии о содействии нам, и ему тотчас было поручено пригласить к нам наиболее выдающихся в селе певцов. В тот же день вечером явились три мужчины и две женщины, от которых // мы записали несколько протяжных, игровых и свадебных песен[191]. После полного отсутствия их в Вятской губернии, тут опять появились более или менее интересные песни, как, напр[имер], песни после помочи, песня масленичная. Мы просидели за работой до поздней ночи. *л. 70 об.*

На следующий день, 27 августа, встали поздно и сейчас же выехали в Ветлугу. В тарантасе нашем оказались некоторые повреждения – отчасти недосмотренные нами при покупке, отчасти случившиеся в дороге, так что в Ветлуге мы решили его основательно вычинить. Тотчас же по выезде из Холкино на горизонте показалась группа белых зданий и церквей; это – Ветлуга, до которой было 22 версты дорогой, но прямо гораздо ближе. Почти сейчас же началась Ветлужская пойма, по которой сначала была порядочная дорога, но по мере приближения к реке все ухудшалась. Вследствие обильных дождей маленькие речки разлились так, что залили обширные пространства лугов, и стоги сена, хотя поставленные на высоких подмостках (полатях), казались плавающими // в воде. Река Ветлуга произвела на меня впечатление очень полноводной. Переехали мы через нее на пароме, двигающемся по канату. На взгляд, Ветлуга шире Вятки в том месте, где мы ее переезжали. Противопо- *л. 71*

ложная сторона Ветлуги гориста, а взобравшись на гору тотчас против парома, мы увидели красивую усадьбу, тонущую в зелени, дорога к которой была обсажена березками. Исправник ветлужский сказал нам, что эта усадьба принадлежит лесопромышленнику швейцарцу[192]. Вплоть до города дорога шла берегом Ветлуги. Сам город Ветлуга довольно большой: только что отстроившийся после пожара в 1890 году. В нем большой собор и еще две церкви. Город производит приятное впечатление, хотя вполне новый. Так как, по слухам, в Ветлуге была холера, то мы решили обратиться в полицейское управление за советом, где нам остановиться. Но там уже никого не было из служащих (было уже 4 часа), а сторож указал нам на номера, которые оказались довольно приличные, главное, чистые, так как дом, кажется, только что выстроен, а часть его достраивается теперь. Наш номер состоит из 4-х комнат: 2 спальни, гостиная и прихожая, и стол с двоих – 1 р[убль] в сутки. //

л. 71 об. В тот же день вечером мы отправились к исправнику, у которого нашли полнейший разгром: переделка печей в квартире; просидели у него часа два. На другой день с утра отправили свой тарантас в чинку. Кузнец обещал поправить к пяти часам, чтобы можно было нам ехать в этот же день, но, разумеется, к сроку не поспели, и мы принуждены были остаться до следующего дня. Днем походили по городу, любовались с берега превосходными видами, занялись кой-какой провизией, а вечером отправились ко всенощной в собор. Служба поразила своим неблаголепием. Дьякона не было, а священник был так пьян, что едва держался на ногах, говорил же Бог знает что, повторял несколько раз одни и те же возгласы и пропускал, и глотал целые фразы.

16. От Ветлуги до Макарьева

Мы выехали из Ветлуги утром 29 августа, но не рано. По Ветлужскому уезду пришлось проехать только 8 верст до границы Варнавинского уезда, через который снова пролегала до-

л. 72 рога. Целью нашею было село Туран //, указанное нам исправником Яранского уезда. По дороге мы проезжали через село

Белышево, в котором сохранились две старинные деревянные церкви. Мы решили остаться и снять с них фотографии[193]. Во время этой процедуры к нам подошел местный священник и предложил показать внутренность одного из храмов, очень интересную. Собственно древность этих храмов относительна: они построены приблизительно в половине XVIII века владельцем этого села кн[язем] Одоевским. От них это имение перешло к кн[язю] Мещерскому, который выстроил в той же ограде хороший каменный храм, а в 60-х годах нынешнего столетия имение это приобретено от Мещерского купцом Черниковым. Мы сделали, насколько возможно, фотографии иконостаса и левого предела, где замечательны царские врата по мелкости работы резной по дереву и свечи перед местными иконами лепные из воску и расписанные самыми замысловатыми украшениями, четырехугольной формы. Священник показал нам старинную ризницу при этом храме, где сохранились деревянные липовые венцы и другие древности, но все содержится // в беспорядке. *л. 72 об.*
На потолках и стенах в этом храме живопись по натянутому холсту; много апокалиптических сюжетов.

Посетив новый каменный храм, мы пошли дальше, и еще засветло дошли до почтовой станции, находящейся в 2-х верстах от Турана. Небольшая комната для проезжающих вмещала несколько человек проезжих, из которых одни сейчас же уехали. Мы решили за неимением другого помещения остановиться тут и расположились закусить и пить чай, а тем временем хотели послать в Туранское волостное правление за писарем или старшиной. Но так как послать оказалось некого, то мы после чаю отправились сами и, дойдя до ближайшей деревни в полверсты, позвали десятского и послали его в правление, сами же остались ждать в его избе. Предполагали сначала поручить старшине и писарю вызвать певцов к нам на станцию. Из избы десятского нас выпроводили тараканы; постояв немного на грязной улице под дождем, мы решили зайти в соседнюю избу. Там мы дождались старшину // и писаря, которым сделали *л. 73*
распоряжение, а вместе с тем узнали, что вместо того, чтобы идти на станцию, где и без нас тесно, лучше остановиться у содержателя почтовых лошадей тут же напротив. У него есть особая комната, так как он содержал прежде земскую станцию. Перебираться через улицу пришлось по щиколотку в жидкой грязи.

Придя к ямщику, мы тотчас распорядились, чтобы он съездил на станцию и привез наш тарантас со всеми вещами.

Тем временем стали собираться певцы. В комнате было холодно и серо, хозяйка затопила маленькую печку, соединяющуюся железною трубою с большой русскою печью. Эта печка, должно быть, не топилась очень долго и надымила порядочно. Собрались певцы, записано было несколько свадебных песен и беседных на святках, вообще немного[194].

Переночевав у ямщика, мы утром 30-го августа выехали, чтобы поспеть к вечеру на Унжу в Малое Угорье, отстоящее от Турана верст на 10. Вскоре после Турана, по проезде нескольких деревень, часто расположенных по дороге, начались леса, через которые приходилось ехать вплоть до р[еки] Унжи, 60 верст,
л. 73 об. не встречая // ни одной деревни. В леске находятся почтовые станции и постоялые дворы, отдельно стоящие в глуши. Во время этого переезда мы сняли две фотографии; на обоих фигурировал наш тарантас и один раз со мной[195]. По дороге возвращалось очень много народу, собирающих бруснику и грибы; это важное подспорье при неудачной вследствие непрерывных дождей уборке хлеба.

Мы приехали на последнюю станцию перед Унжей около 7 часов вечера. Хотя начинало уже темнеть, но мы не намерены были дожидаться утра, так как до предположенной остановки оставался только один переезд. Между тем станционный писарь предупредил нас, что перевоз через Унжу вследствие разлива реки очень велик. Мне показалось предупреждение весьма странным: ведь едем мы не проселками, где какой-нибудь случайный перевоз кое-как устроенный, а почтовой дорогой, на которой устроены везде постоянные переправы. Из разговора выяснилось, что перевозчики по вечерам спят, и перевоза не докричишься. Это мне показалось смешным и совсем невоз-
л. 74 можным. Мы выехали со станции в начале // 8-го вечера и доехали до Унжи в 9 часов. Было уже совсем темно, ночь была сырая и холодная, хотя небо было совсем ясно. С противоположного берега доносилось пение пьяных по случаю праздника Александра Невского. Ямщик начал кричать перевозчикам, чтобы давали перевоз. Вследствие безуспешности его крика, к нему присоединились и мы, но на наш крик никто не откликался. Ямщик распряг лошадей, дал им сена и заметил, что придет-

ся ждать до утра, так как перевозчики по ночам не возят, а спят. При этом он сообщил, что они находятся в какой-нибудь 1/4 версты расстояния от нас, на нашем берегу, и только отделяются проливами, образовавшимися вследствие разлива Унжи. На все это мы заметили, что тем хуже для них, и продолжали свой вокальный концерт. После полуторачасового кричания, продрогшие от сырости и холода, мы, наконец, услышали ответный крик и вслед за тем показался движущийся на пароме фонарь. На перевозе оказался десятский, который обещал было вести всякого проезжающего к фельдшеру для освидетельствования по случаю существующей // в Варнавинском и Ветлужском уездах холеры. А мы находились уже в Кологривском уезде. *л. 74 об.*

Как только подъехал паром, мы прежде всего потребовали к себе десятского и сделали ему строгий выговор за беспорядок на перевозе. Затем записали имена перевозчика и его и сказали, что об этом беспорядке будет доложено губернатору. Один из них бросился было в ноги, но мы отклонили его просьбу. Десятский и писарь забыли свои обязанности вести нас к фельдшеру; мы хотели было сами исполнить эту формальность, но никого не могли достучаться и проехали до станции Малое Угорье. Между прочим, мы узнали, что этот беспорядочный перевоз содержится земским начальником, а ямщик нам сказал, что со станции два раза посылали жалобы в управу, но все осталось без последствий. Если правда, что такой перевоз содержится зем[ским] нач[альником] Крепиш[196], то это хорошо характеризует его деятельность.

Приехав на станцию Малое Угорье в 1-м часу ночи, мы тотчас послали // уряднику документы с приказанием явиться для содействия нам на другой день в 9 часов утра. 31 августа, встав- *л. 75*
ши нарочно пораньше для того, чтобы в этот же день доехать до Макарьево, мы были в 9-м часу уже совсем готовы для занятия, напились чаю и закусили. Но урядник не являлся. В ожидании его мы занялись фотографией и сняли два Унжинских вида, украсив каждый своими физиономиями[197]. Местность очень красива. Река Унжа, подобие Ветлуги, течет в зеленых берегах и почти не имеет песчаных отмелей. После фотографии мы занялись стряпней: изжарили 2-х рябчиков, купленных дорогой, пообедали. Было уже 4 часа, мы решили ехать дальше, а от урядника написать исправнику, но исправник случайно сам подоспел.

Мы ему сообщили о всех наших невзгодах, он очень подивился, понегодовал на урядника, но заметил, что тут где-то нашли тело, вследствие чего И[стомин] предположил, что это десятский со
л. 75 об. страху наложил на себя // руки. Исправник посоветовал нам заехать в Онуфриевское волостное правление, последнее Кологривского уезда по дороге в Макарьево, что мы и сделали.

Поздно, под дождем и ветром, добрались мы до правления, где были встречены писарем. Нас провели в довольно большую, но грязную комнату для проезжих, где мы расположились, а писарю поручили сделать необходимые для нашего дела распоряжения. Вечером же явились певцы, от которых мы тотчас же записали несколько песен[198]. Кроме того, писарь говорил об одной старухе, которую не удалось позвать вследствие позднего времени, и обещали пригласить ее на другой день. Пока мы записывали песни, я уже почувствовал нападение клопов, и когда об этом заявил, то писарь сознался, что сам он с семьей не знает, как от этого избавиться. Между тем предстояло ночевать тут, уйти было некуда, так как лил дождь и было очень холодно. Нам истопили камин, для спанья я решил воспользоваться ска-
л. 76 мейкой // около 3/4 ар[шина], которую поставили среди комнаты и обсыпали лебедевским порошком. Положил на нее соломы, устроил постель и проспал довольно сносно. И[стомин] спал по обыкновению на полу.

1-го сентября утром к нам пришла рекомендованная писарем старуха, от которой мы записали дух[овный] стих про Лазаря[199]. Взяв лошадей из правления вплоть до Макарьево, мы поехали с тем, чтобы по дороге остановиться в старом городе Унжа. Погода была еще хуже, чем предыдущий день, валил мокрый снег с ветром. Кое-как мы добрались до Унжи и остановились там у содержателя почтовых лошадей. Пока нам приготавливали обед, состоящий из бадмаевского бульона и котлет, мы, невзирая на холод, отправились посмотреть на старое городище. Вид открывался чудесный, но ветер так пронизывал насквозь на возвышенном месте, что и глядеть ни на что не хотелось. Городище это – холм четырехугольный, окруженный с трех сторон оврагами или рвом, а четвертой – выходящий к реке Унжа.

Пообедав и напившись чаю, мы поехали дальше. Проехав около половины дороги, я заметил вдали на возвышен-

ном мысу, образуемым Унжею, город // Макарьево. Дорога *л. 76 об.*
была так плоха, что ехать приходилось почти шагом, но погода разгулялась, и можно было откинуть верх тарантаса, который сильно покривился влево после этого переезда. По мере того, как мы приближались к Макарьеву, темнело, и было совсем темно, когда въехали в него. При въезде в город обратило на себя внимание огромное здание духовного училища, которое еще издали заметно. Ямщик привез нас на земскую станцию, говоря, что в гостиницах не топлено и холодно, но, посмотрев показанную нам комнату, мы предпочли искать другое помещение и отправились бродить по темному, не освещенному фонарями городу. Подходящих номеров не оказалось, но в городе была монастырская гостиница; туда мы и велели себя везти.

[17]. От Макарьево до Костромы

В монастырской гостинице в Макарьево нам отвели большую прекрасную комнату. Распоряжаются здесь всем две старушки. // Гостиница находится у самой ограды монастыря и по- *л. 77*
мещается в небольшом деревянном доме, который стоит внутри двора. Напившись чаю по приезде, мы тотчас легли спать. На другой день 2-го сентября в 8 час[ов] утра я оправился в монастырь на обедню[200], после которой мы слушали молебен преп[одобному] Макарию и Божией Матери перед Макарьевскою ее иконою.

Напившись кофе после обедни, мы отправились к местным властям, т. е. к исправнику, который имел квартиру почти против нас. Сделав ему визит и потолковав о наших делах, мы поехали осматривать город. В это время нас обогнали пожарные, которые, несмотря на это, ехали очень медленно, останавливались по дороге для поправки упряжки. Это первый пожар, свидетелем которого мне пришлось быть во время всей дороги. Горел овин в слободке около города; несмотря на сплошной ветер, пожар тем и ограничился. Мы обошли весь город, прогулялись по общественному саду и выбрали место, откуда было бы удобно снять // монастырь. *л. 77 об.*

Исправник посоветовал нам съездить на Керженец, старинное раскольничье гнездо, где наиболее сохранилась старина. Но так как эта местность находится в 150 верстах от Макарьево, на границе Нижегородской губернии, и совершенно не по пути нам, то мы предпочли найти для записей своих пункт где-нибудь ближе и решили ехать по указанию же исправника в с[ело] Никола-Торжок в 25 верстах от Макарьево. Так как тарантас наш требовал починки, то мы отправили его в кузницу, а для себя нашли тройку земских лошадей и экипаж с тем, чтобы на другой день в 7 час[ов] утра выехать.

3-го сентября в 7 час[ов] утра мы выехали налегке из Макарьево, но добрались до цели только к полудню. Дорога сначала шла лесами и болотами, затем приходилось переправляться по узкому и жиденькому мосту через р[еку] Не́ю и ехать дальше
л. 78 горами. Вследствие беспрерывных дождей все // дороги были размыты и часто приходилось ехать сплошь по воде. Приехав в Верхне-Нейское вол[остное] правление за селом Никола-Торжок, мы тотчас же сделали распоряжения, необходимые для наших занятий, а пока нам созывали певцов, закусили и даже вздремнули. По своей внешности певцы не внушали приятных надежд: костюм городской, мужики рассуждают о том, что надо записать «матиф», что все было за «женским персоналом», а девушки считают себя барышнями, а в парнях видят «кавалеров». Собрание песенного материала тут было небогатое: две-три свад[ебных] песни, причем большинство их поется на один напев, и еще кое-каких протяжных[201]. Окончивши записи, мы сейчас же поехали обратно, чтобы хоть засветло проехать переправу через Нею. Но, выехав в 6-м часу вечера, не успели и этого: темнота быстро застала нас в пути, что конечно заставило ехать медленно.

4-го сентября мы намерены были выехать из Макарьева по
л. 78 об. направлению к Костроме. По // дороге имелась в виду еще остановка по указанию того же исправника в с[еле] Семеновском-Лопатном (Кинешемского) уезда. Сделав снимок монастыря, мы сходили к архимандриту, а потом отправились к исправнику с прощальным визитом и пробыли у него очень долго, так как разговор коснулся занятий и образа жизни народа в Макарьевском уезде. Исправник сообщил нам много интересного и показывал расписную мебель, чашки и ложки местного производ-

ства. Не обошлось без того, чтобы не заказать себе на память кое-каких вещей. Отслужив часть всенощной в монастыре (это было в субботу), мы выехали, чтобы переночевать в Кадые[202], заштатном городке. Первую станцию мы совершили благополучно, хотя было уже темно. Надеясь добраться до Кадый к полночи, мы поехали дальше, но, не доезжая 8-ми верст до города, близ перевоза через Немду, наш тарантас // потерпел крушение: *л. 79* сломалось первое колесо. Ямщик верхом поехал в ближайшую деревню за колесом, а мы тем временем зашли в избушку к перевозчику. В ней было тесно и копотно, а потому, постояв немного, мы перебрались в тарантас и там заснули. Ночь была довольно теплая и ясная. Вскоре ямщик привез колесо, но оно не подходило к нашему тарантасу ни с которой стороны. Делать было нечего – пришлось послать ямщика в Кадый с тем, чтобы вместе с колесом велел приехать и ямщику с лошадьми для смены. Во время этого ожидания И[стомин] отправился обогреваться в избу, а я так удобно и хорошо пристроился в тарантасе, что проспал тут до утра. Только к 7 час[ам] утра на след[ующий] день явился ямщик с колесом, которое, к счастью, подошло к нашему тарантасу, и мы могли ехать далее. В Кадый предстояла остановка для починки колеса, что было очень неприятно, ибо город ничего любопытного не представляет. Но починка эта долго нас не задержала; около 2-х часов дня мы выехали // в *л. 79 об.* дальнейший путь. Хотелось до ночи доехать до с[ела] Семёновское-Лапотное в Кинешемском уезде[203], где мы намерены были заняться собиранием песен. Но скверная дорога не позволила ехать скоро, и мы едва только успели проехать две станции. До Семеновского оставалось верст 14, но так как оно находилось в стороне от почтового тракта, то надо было ехать на земских лошадях. Но земская станция находилась в 2-х верстах от почтовой, и содержатель почтовой станции отказался посылать туда за лошадьми, заявив, что так как мы хотели ехать на земских лошадях, то не пустит наш тарантас на двор. После такого приема мы хотели ехать в волостное правление ночевать, но ямщик наш отказался везти нас обратно через гать, хотя это было в том же селе. Ввиду такого приема мы должны были заявить содержателю станции, кто мы такие, и что если он откажется дать нам возможность спокойно переночевать на станции и сберечь наш тарантас от дождя, то об этом будет заявлено, кому

следует. После такого внушения он мгновенно переменил тон
л. 80 и не только просил остаться на // станции ночевать, но даже предложил утром послать за земскими лошадьми. Мы расположились ночевать в очень маленькой комнате для проезжающих на станции. Так как сена нам не дали, то И[стомин] лег на диван, а я предпочел разостлать на полу плед и лечь на нем.

На другой день, 6-го сентября, утром к нам явился ямщик земской станции, говоря, что у него только пара лошадей. Как мы не настаивали, чтобы он достал третью, он уверял, что лошадь долго искать, да и никто не даст, и предложил отвезти нас на паре. Чтобы не ждать и не терять времени, мы предпочли поскорее выехать. В с[ело] Семеновское мы приехали около полудня и проехали прямо в волостное правление. Нас встретил на крыльце старшина, и писарь, дородный мужчина, приветствовал нас в присутствии, не вставая с места. Мне тут же бросилось в глаза что-то странное у него в ногах, которые были обуты в валеные сапоги. Когда же он должен был встать с места, то оказалось, что обе ноги у него лишены возможности двигаться, и он ползает на руках, ноги тащатся как плети. На наши вопросы старшина и писарь отвечали нам, что у них относительно нас никаких предписаний, но что они готовы немедлен-
л. 80 об. но исполнить все, // что для нас потребуется. Мы показали им наши документы и просили содействие в наших делах. Тотчас же был составлен список наиболее известных певцов и певиц и за ними посланы чины полиции.

Явившийся урядник много содействовал быстроте исполнения нашего поручения, так что, пробыв в Семеновском до 6-го часу дня, мы нашли возможность прослушать и записать довольно много песен[204]. Это был последний пункт, в котором мы останавливались для записывания песен. Погода как будто разгулялась, и мы выехали в надежде к вечеру добраться до Судиславля, заштатного города Костромского уезда[205]. Но ехать приходилось так медленно, благодаря ужасной дороге, что мы проехали эти 35 верст только к полночи. К вечеру опять пошел дождь, и мы ехали последнюю станцию в абсолютной темноте. Когда приехали в Судиславль, то оказалось, что другое колесо нашего тарантаса имеет только 1/2 обода и шипа. Как оно докатилось до места – непонятно. Ямщик сказал нам, что в городе много гостиниц, вследствие чего мы и приказали везти нас в

лучшую. Но эта гостиница оказалась // просто трактиром, где нет номеров, так что мы понапрасну стучались в двери и будили хозяев. Останавливаться пришлось на станции. *л. 81*

Судиславль расположен в очень красивой местности, окружен горами и лесами. В нем довольно старинный собор, построенный на высоком, со всех сторон открытом месте. На следующий день необходимо было поскорее чинить колесо нашего тарантаса, так как рассчитывали к вечеру доехать до Костромы, до которой оставалось 50 верст. Но ямщик здесь оказался далеко не так предупредителен, как в Кадый, и прямо уверял, что мастеров нет, чинка продлится несколько дней, а потому самое лучшее, оставить тарантас и ехать в ямском экипаже. Мы решили посоветоваться относительно этого со становым приставом, который имеет квартиру в Судиславле. Он нам тотчас же нашел кузнеца, который исправил нам колесо и вагу, так что в четыре часа мы могли выехать. В Судиславле сделаны были два фотографических снимка: с собора и общий вид города с костромской дороги. Становой водил нас на старое раскольничье кладбище в городском лесу. // Теперь для раскольников отведено другое место. По его словам, раскол здесь теперь держится не так крепко, как прежде, и многие уже начинают ходить в православные церкви. *л. 81 об.*

Так как ехать все время приходилось очень медленно, то мы в 1-м часу ночи добрались до последней перед Костромой станцией, в 17 верстах от нее, и решили там погреться и напиться чаю, так как ночь была очень холодная. В комнате для проезжающих стоял большой рояль фабрики Мейбаума. Я присел и попробовал его, не подозревая, что это может кого-нибудь беспокоить. Рояль оказался довольно сносный, и я начал на нем играть свой концерт. Во время игры в соседней комнате послышались разговоры, и когда писарь доложил, что лошади готовы, и я встал из-за рояля, оттуда раздались крики с просьбою продолжать игру. Вследствие усиленных требований неизвестной мне публики я сел и сыграл еще отрывок из своего концерта, после чего меня приветствовали дружными аплодисментами, и два офицера явились // принесть благодарность от дам. Мы сели в экипаж и тронулись дальше. В Кострому мы приехали в 5-м часу утра 8-го сентября, и тут наша экспедиция была закончена. *л. 82*

Примечания

1 Текст приведен к нормам современной орфографии и пунктуации. Используется современное написание наименований деревень и сел. Не сохранено принятое у Ляпунова написание дат с прописной буквы и с подчеркиванием. Нумерация разделов восстановлена в соответствии с хронологией повествования и обозначениями автора. Текст разбит на абзацы, поскольку отступы в авторской рукописи практически отсутствуют.

2 «Историки предполагают, что село Кубенское возникло в IX – X вв. До конца XIII в. Кубенский городок – это значительный укрепленный населенный пункт, более известный, нежели Вологда. До середины XV в. село Кубенское – центр Заозерско-Кубенского удела вплоть до присоединения к Московскому княжеству в 1447 г. В XVII в. село пожаловано царем Михайлом Федоровичем боярину М. Салтыкову. Название получило по озеру Кубенскому, на юго-западном берегу которого расположено». См.: Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск, 1988 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).

3 «Спасо-Прилуцкий мужской монастырь – один из крупнейших монастырей Севера. <…> Основал обитель в 1371 г. Дмитрий Прилуцкий – видный деятель русской церкви второй половины XIV в., друг и сподвижник Сергия Радонежского <…> Монастырь был важным военно-стратегическим пунктом, расположенным на дороге, ведущей из Вологды в Белозерск, Великий Устюг, Пермь и другие города. Первоначально все постройки обители и ограда были деревянными. Со второй четверти XVI в. в нем начинают возводить каменные здания. Начало новому архитектурному ансамблю положило сооружение большого соборного храма Всемилостивого Спаса Происхождения Честных Древ Животворящего Креста. До конца XVI в. создаются и другие крупные каменные здания – трапезная палата с храмом и главные северные ворота с надвратной церковью. <…> В XV–XVI вв. Спасо-Прилуцкий монастырь являлся одним из <…> наиболее известных на Севере. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует широкое почитание его прославленных “святынь” – иконы “Дмитрий Прилуцкий с житием” начала XVI в. и так называемого Киликиевского

креста». См.: Бочаров Г. В., Выголов В. П. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1979, 295 с. (Художественные памятники XII–XIX вв.) // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/vyg/olov/7.htm (дата обращения: 01.12.2014).

4 С. М. Ляпунов, описывая крест преподобного Димитрия Прилуцкого, возможно, вспоминает так называемый Киликиевский крест – «большой запрестольный крест начала XVI в., деревянный, двусторонний, восьмиконечный, украшенный медной золоченой басмой и 84 резными костяными иконками. Название свое он получил от Киликийской области (Малая Азия), откуда его якобы привезли. По преданию, в XIV в. он был принесен Дмитрием Прилуцким из Переславля и водружен на месте будущего Спасо-Прилуцкого монастыря». См.: Там же.

5 Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) – выдающийся русский поэт. Последние двадцать два года жизни Батюшков прожил в Вологде. Поэт похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре. См.: [Кошелев, 1987, с. 335, 341].

6 По преданию, деревянная церковь появилась рядом с селением Святая Лука и заброшенным, полуразрушенным монастырем. Она была выстроена преподобным Дионисием Глушицким и Пахомием, его единомышленником и собратом. Иконы для храма писал сам преподобный Дионисий, обладавший талантом незаурядного иконописца. Он же освятил храм во имя Святителя Николая Чудотворца. Иноческая обитель возникла на Святой Луке около 1396 г. См.: Житие Преподобного Дионисия Глушицкого // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/d/DionisijGl.html (дата обращения: 01.12.2014).

7 «Святая Лука – одно из древних селений края. В источниках отмечается два названия селения: деревня Общее и Святая Лука. В XIX в. погост назывался Святолуцкий, в XX в. – Лука». Наименование связано с местоположением: селение, находящееся на “луке” – излучине, изгибе берега; заливе, образуемом изгибом берега. См.: Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск, 1988 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).

8 Каменная Кубенская Димитриевская церковь была построена в 1816 г. Престол в честь великомученика Димитрия Солунского.

См.: Кубенский Троицкий приход // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=1056 (дата обращения: 01.12.2014).

9 «Церковь пророка Илии на Кубенском погосте в Кубенской волости Вологодского уезда упоминалась в окладной книге 1618 года. Каменная Кубенская Ильинская церковь была освящена в 1745 г.» См.: Кубенский Ильинский приход // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=546 (дата обращения: 01.12.2014). «В этом храме находилась чудотворная икона Богоматери "Неопалимая купина", доставленная в село из Вологды в 1696 г. и призванная оградить кубян от моровой язвы». См.: Дементьев В. В. Свет малой родины. Отчина и дедина. Вадим Дементьев. М., 2008 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/otch/inai/ded/ina/29.htm (дата обращения: 01.12.2014). Среди экспедиционных фотографий, выполненных С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым, имеется изображение храмового комплекса села Кубенского, ныне уже утраченного. «Церковь в селе Кубенском (Волог[одской] губ[ернии] и у[езда])» (ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 1).

10 В селе Кубенском Кубенской волости Вологодского уезда и губернии был записан разнообразный музыкальный материал. От крестьянки Наст[асьи] Вас[ильевны] Кулагиной, 40 лет, – причитания, связанные с обрядовым символом «красоты»: «Ой да красота ли да моя да кра[сота»] [Песни русского народа … , 1899, № 5, с. 61]; «А да на проходе день меженной» [Там же. № 6, с. 62–63]. Крестьянки Марья Ив[ановна] Гусева, 60 лет, девицы Ал[ександра] Сем[еновна] Кучина и Марья Алекс[еевна] Финова (возраст не указан) исполнили свадебную песню «Гуси, вы гуси, лебеди», которая звучала «на сговорах» [Там же. № 10, с. 96–97]; лирическую («любовную») «Да што цвели-то, цвели» [Там же. № 7, с. 198–200]; песни, связанные с хореографическим движением: «Во лузях» [Там же. № 4, с. 145–146]; «Уж мне надобно сходить» [Там же. № 7, с. 150–152]; «А мы вечор просу сеяли» [Там же. № 11, с. 155–156]; «Не летай, соловей» [Там же. № 13, с. 157–158].

11 Мшаник – неотапливаемая постройка или помещение, предназначенное для хранения съестных припасов, зимовки животных, пчел, рубленые стены которого проконопачены мхом.

12 Почтовая / земская станция в прошлом – почтовое учреждение в России, где отдыхали проезжающие (пассажиры), меняли по-

чтовых лошадей и другие средства передвижения, производили обмен почтой. В некоторых губерниях конная почта была передана в ведение земства.

13 «Сямский монастырь возник в 1524 г., когда парализованному крестьянину Ивану Родионову явилась Пресвятая Богородица и исцелила его. После этого чуда прихожанами Покровской Сямской церкви построен монастырь в Сяме. Монастырская церковь освящена в честь Рождества Пресвятой Богородицы в 1525 г. После разорения монастыря литовцами в 1612 г. построены две деревянные церкви: Богородицерождественская холодная и Параскевинская теплая с приделом Положения Ризы Богоматери. По писцовым книгам 1624 г. на территории монастыря находилась келья игуменская и 12 келий братских. Вотчину монастыря составляли сельцо Долгая Поляна, деревни Исаково, Бубырево, Брюхачево, пустоши Игумнов починок и Яковище». Монастырь восстанавливался после двух пожаров – 1642 г. и 1690 г. На начало XX в. на территории монастыря находилась каменная с колокольней в одной связи двухэтажная пятиглавая церковь (построена в 1764–1777 гг.), верхний холодный храм – Рождества Пресвятой Богородицы, нижний теплый – Благовещения Пресвятой Богородицы, придел внизу справа освящен во имя Рождества Иоанна Предтечи. Новая колокольня построена в 1854 г. «Монастырь окружала каменная ограда с тремя башнями по углам и двумя воротами на восточной и южной стороне». См.: Македонская Н. М. Сямский Богородицерождественский мужской монастырь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=261 (дата обращения: 01.12.2014).

14 В селе Нефедово Нефедовской волости Вологодской губернии 15 июня 1893 года собиратели беседовали с крестьянками Тат[яной] Ива[ановной] Глебовой, 33 лет, и Любавой Степ[ановной] Жигиной, 21 года. От них были записаны свадебные песни: «Из-за лесу-лесу темного» [Песни русского народа … , 1899, № 12, с. 98–99]; свадебные величания: «Таки нет такого молодца» – «новобрачным» [Там же. № 34, с. 128]; «Ты кудрявчик, кудрявчик» – «молодому» [Там же. № 38, с. 133]. Пели также крестьянин Сосипатр Яков[левич] Суворов, 52 лет, «с двумя товарищами». Из лирических песен были исполнены следующие: «Ночи темны, тучи грозны по поднебесью летят» – «воинская» [Там же. № 44, с. 251]; «Сидел ворон на березе, кричал ворон на войну» – «тюремная» [Там же.

№ 54, с. 268]. Составители отмечают вариант этой песни в сборнике Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша [Песни русского народа … , 1894, № 53, с. 231–232].

15 В селе Березниково (С. М. Ляпунов использует наименование «Березники») Березниковской волости Вологодской губернии собирателям пели крестьянки Анна Алекс[андровна] Мельгунова, 46 лет, и Параск[овья] Ив[ановна] Ивнягова, 61 года, «с 8 певицами от 17 до 60 лет». Среди сделанных записей: «Мне стать, молодешеньке» – причитание невесты, «как встанет поутру в свадебный день» [Песни русского народа … , 1899, № 9, с. 67–69]; «Уж мне дайте-тко добратися до свата перелешника» – «свату припевают» [Там же. № 15, с. 79–80]; «Уж мне дайте-тко добратися до приезжой до свахоньки» – текст причитания, «свахе припевают», «на тот же напев» [Там же. № 15а, с. 80]; лирическая песня «Ходил, гулял по Дону козак молодой» – «семейная» [Там же. № 34, с. 235–236].

16 В селе Новленском Новленской волости Вологодского уезда и губернии среди «старичков», о которых упоминает Ляпунов – Петр Иван[ович] Тюнев, 72 лет, «с 7 товарищами, от 56 до 72 лет». В Новленском были записаны лирические песни «Не една-то ли в поле дорожка» [Там же. № 15, с. 209–210]; «Ваня клюшничек» – «У того ли-то было у князя у Волхонского» [Там же. № 32, с. 232–233].

17 «Возник Спасо-Каменный монастырь около 1260 г. Его основателем был князь Глеб Василькович, первый из князей самостоятельного Белозерского княжества. Предание об основании монастыря рассказывает, как князь Глеб, плывя из Белоозера в Великий Устюг, был застигнут в пути на Кубенском озере сильной бурей. Судно его прибило к маленькому островку, называемому Каменным. В честь своего спасения он “посла мужи древоделя и постави церковь древяную”, устроив здесь монастырь. В XV в. процветающая обитель уже имела многочисленные деревянные кельи и трапезную, а церковь была украшена “узорочьем дивным”, имела в своем интерьере “чудные иконы и книги”. Однако сильный пожар в 1478 г. превратил в пепел все строения монастыря. В том же 1478 г. удельный князь Андрей Меньшой, брат Ивана III, владевший Вологдой, Кубеной и Заозерьем, начинает сооружение нового каменного Спасо-Преображенского собора и заканчивает его возведение в 1481 г. Это был первый монументальный храм в северных землях Руси. <…> Единственно сохранившийся памятник архитектуры Спасо-Каменного монастыря – Успенская церковь,

первоначально объединявшаяся с трапезной палатой (последняя утрачена). Построены они обе в 1543–1549 гг. двумя ростовскими зодчими – Пахомием Горяиновым и Григорием Борисовым». См.: Бочаров Г. В., Выголов В. П. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1979, 295 с. (Художественные памятники XII–XIX вв.) // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/vyg/olov/8.htm (дата обращения: 01.12.2014).

18 Озеро Кубенское – одно из крупнейших озер на Вологодчине. В прошлом оно представляло большую опасность для корабельщиков.

19 «Преподобный Иоасаф происходил из княжеского рода. Родители его – владетельный князь Димитрий Васильевич Заозерский Меньшой и княгиня Мария. Удел князя Димитрия Заозерье, небольшой и очень богатый, находился на северо-восточном берегу Кубенского озера, близ устья реки Кубены, впадающей в озеро». В 1429 г. князь Димитрий Васильевич Заозерский был убит в Ярославле казанскими татарами во время их набега на приволжские города. В 1452 г., имея за 20 лет от роду, князь Андрей приходит в Каменный монастырь, где игумен постриг его в монашество и нарек Иоасафом, вероятно, в честь святого Иоасафа царевича, который также происходил из владетельного рода и оставил мир ради Христа. Не довольствуясь обычными иноческими подвигами, преподобный решил жить в безмолвии, посте и воздержании. Пять лет подвизался преподобный в Спасо-Каменном монастыре, в 1457 г. он скончался. По преставлении преподобного Иоасафа начались чудеса при его гробе. Местное празднование преподобному Иоасафу установлено было вскоре после его кончины. См.: Житие Преподобного Иоасафа, Каменского, Вологодского чудотворца // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/i/23-.Ioasaf-Kamenskii (дата обращения: 01.12.2014).

20 «Блаженный Василий Каменский жил в XV веке, был иноком Спасо-Каменного монастыря, находившегося на острове Кубенского озера (недалеко от Вологды). При раке его мощей, устроенной впоследствии в церкви в честь святого Василия Блаженного, Московского, находились икона святого Василия Каменского во весь рост, тяжелые железные вериги и шапка из железных полос». См.: Сведения о житии Блаженного Василия Каменского // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/v/15avg.blzh.Vasilii_Kamenskii (дата обращения: 01.12.2014).

[21] «В 1876 году на острове с разрешения епархиального начальства Императорским российским обществом спасения на водах была открыта первая и единственная в губернии спасательная станция. <…> На острове было установлено два маяка. Один – на крыше домика спасательной станции, другой – на крыше двухэтажного корпуса братско-настоятельских келий. Этот маяк был разрушен в 1915 году вынесенными с озера огромными льдинами, проломившими крышу. На монастырской колокольне в непогоду ударяли в колокол. Этот колокол весом в пять тонн был отлит в Санкт-Петербурге из гильз, оставшихся после войны 1812 года». См.: Спасо-Каменный монастырь // Культура в Вологодской области. URL: http://cultinfo.ru/tour/index.php?id=69 (дата обращения: 01.12.2014).

[22] Александро-Куштский монастырь находится в Кадниковском уезде, к северу в 40 верстах от города Вологды. Монастырь этот основан в начале XV столетия Преподобным Александром, современником Преподобного Дионисия Глушицково. В 1764 г. он упразднен и обращен в приходскую церковь. В этом состоянии Александро-Куштская церковь находилась до 1833 г., в котором сделана бесприходною и приписана к Спасопреображенской Белавинской пустыне. Ныне в этом монастыре две церкви: деревянная во имя Успения Богоматери и каменная двухэтажная (построена в 1835 г.). См.: Вологодская старина: Историко-археологический сборник / Сост. И. К. Степановский. Вологда, 1890 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/ste/pan/ovs/kyv/olo/gda/54.htm (дата обращения: 01.12.2014). Данное С. М. Ляпуновым описание святынь, связанных с именем преподобного, и, в частности, сведения о деревянном кресте, поставленном Александром Куштским в лесу на берегу реки Кушты, можно отнести к числу народных преданий. В канонических церковных источниках крест упоминается несколько в ином контексте. В житии преподобного Александра, игумена Куштского, говорится о том, что, подойдя к озеру и погрузив крест в воду, преподобный молил Господа, чтобы он собрал в обители ревнителей крестного пути. См.: Житие Преподобного Александра, игумена Куштского // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/a/AlexKy.html (дата обращения: 01.12.2014).

[23] Каменная Александровская (Николаевская) церковь построена в 1835 г. В нижнем этаже престол во имя Святого Николая Мирликийского, в верхнем – во имя Преподобного Александра Куш-

ского; на месте левого клироса под балдахином устроена медная посеребренная гробница Преподобного Александра. См.: Вологодская старина: Историко-археологический сборник / Сост. И. К. Степановский. Вологда, 1890 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/ste/pan/ovs/kyv/olo/gda/54.htm (дата обращения: 01.12.2014).

24 Такое восприятие звучания народных песен было связано, вероятно, с недостаточным слуховым опытом Ляпунова в первые дни работы экспедиции. Вместе с тем, композитор высоко оценивает значимость обрядовых напевов причитаний и свадебных песен в дальнейшем.

25 «Дедовская Троицкая мужская пустынь, приписанная к Троицкому Спасо-Суморину монастырю Вологодской губернии Тотемского уезда, в 7 верстах к юго-западу от Тотьмы, на острове реки Сухоны, издавна называемом Дедовским. Основана в конце XVII столетия на месте явления иконы Святой Троицы Иоанну (в иночестве Иона), духовнику Тотемского воеводы Федора Авраамовича Лопухина, отца царицы Евдокии. В 1764 г. пустынь была предназначена к упразднению, но по просьбе граждан оставлена с одним священником и причетником, наконец, в 1832 г. со всеми принадлежащими ей угодьями приписана к Спасо-Суморину монастырю». См.: Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. Цит по: Македонская Н. М. Дедова Троицкая мужская пустынь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http: //parishes.mrezha.ru/library.php?id=325 (дата обращения: 01.12.2014).

26 Дальнейший текст представляет собой фрагмент, который в рукописи располагается на Л. 15 об.–16 об. Помета Ляпунова – «К главе 3-й» – и содержание текста позволяют перенести его в раздел 3 «Тотемский уезд».

27 «Бу́цят» – диалектное «бу́чат». Бу́чение – обработка белья при кипячении в мыльно-щелочном растворе при температуре сто градусов для дезинфекции и удаления трудносмываемых загрязнений.

28 Окончание вставки фрагмента, располагающегося в рукописи на л. 15 об.–16 об.

29 В деревне Мумаихе Бабозерской волости Тотемского уезда Вологодской губернии собиратели работали с крестьянином Эпимахом

Иванов[ичем] Кожевниковым, 53 лет, и крестьянкой Анной Ив[ановной] Шиловой, 50 лет, от которых были записаны причитания: «Ой, благослови меня, Госп[оди]» – «как просватают» [Песни русского народа … , 1899, № 2, с. 56–59]; «Ой ты зайди, зайди на небе» – «как в “байну” ведут» [Там же. № 8, с. 65–67]. Следует заметить, что факт записи причитания от певца-мужчины вызывает сомнения. Возможно, причитала только А. И. Шилова. Песни других жанров записывались от крестьянки Матр[ены] Федор[овны] Шиловой, 50 лет, «с тремя пожилыми певицами». Среди записей – свадебные песни: «А што не от лесу, лесу» – «как по невесту приедут» [Там же. № 23, с. 115–116]; «Изопьем пиво пьяное» – «во время красного стола» [Там же. № 32, с. 126], а также песни протяжные: «Што вились, вились мои русы кудерцы» – «рекрутская» [Там же. № 41, с. 247–248), «Все-ти поля изукрашены» – «воинская» [Там же. № 45, с. 252].

30 Бабозерская (Бабьеозерская) Николаевская мужская пустынь находилась на восточном берегу озера Бабье в Тотемском уезде. Ныне – урочище Погост Рослятинского поселения Бабушкинского района Вологодской области. Пустынь была основана в 1605 г. иноком Маркушевского монастыря Сергием. Каменная одноэтажная церковь с колокольней построена в 1808 г. тотемским купцом Иоанном Андреевичем Кузнецовым. Престолы: святителя Николая Мирликийского – в холодном храме, преподобного Феодосия Тотемского – в теплом храме справа, великомученицы Параскевы Пятницы – в теплом храме слева. См.: Македонская Н. М. Бабьеозерская (Бабозерская) Николаевская мужская пустынь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=307 (дата обращения: 01.12.2014).

31 В деревне Харино(а) Тотемского уезда Бабозерской волости Вологодского уезда записи песен производились от крестьян Степ[ана] Фрол[овича] Сидорова, 36 лет, «с 6 товарищами от 30 до 40 лет», и крестьянки Агафьи Сем[еновны] Худяковой, 87 лет, «с тремя старушками 70, 73 и 74 лет». Исполнялись песни, связанные с хореографическим движением: «Вот с-по лугу, лугу» [Песни русского народа … , 1899, № 17, с. 163]; «Над рекою да над быстрою» [Там же. № 19, с. 165–166]; лирические песни: «Э, под яблонькой было» – «семейная» [Там же. № 31, с. 231]; «На зоре-то было да на утренной» [Там же. № 36, с. 239–240]; «Ой да не белы́и да белы снежки» [Там же. № 38, с. 242–243]; «Солнцё закатилось за темные

леса» [Там же. № 49, с. 258–259]. Фотографии, о которых упоминает С. М. Ляпунов, не сохранились.

32 Былина «Илья Муромец и царь Куркас» записана от крестьянина Александра Ив[ановича] Безвытного, 67 лет. В истории фольклористики нотация С. М. Ляпунова осталась единственным свидетельством музыкальных особенностей этого жанра в вологодской традиции. См.: [Иванова, 2001, с. 115, 132; Лобкова, 2001, с. 425–439; Лобкова, 2002, с. 152–153]. Переиздание напева, а также вариант его современной редакции представлены в изд.: [Народная традиционная культура Вологодской области … , 2005, с. 243–244].

33 Такие полотенца использовались в качестве важных обрядовых атрибутов при совершении свадебного и похоронного ритуалов.

34 Подчеркивание С. М. Ляпунова. Местность Кокшеньга – часть древнего Заволочья, упоминается в древнерусской берестяной грамоте. Русское население на этой территории появляется в X–XI вв. «До начала XII века между Великим Новгородом и ростово-суздальскими князьями серьезных споров из-за Заволочья не возникало. Проникновение же ростовцев в район Белого озера, Сухоны, Кокшеньги и чудского Гледена вызвало тревогу и недовольство новгородцев. Между "низовскими" князьями и Великим Новгородом начались ссоры и даже военные столкновения». В середине XIII в. на Кокшеньгу «хлынул поток русских беженцев, уходивших в одиночку и семьями из разоренных татарами "низовских" княжеств. Именно в это время Кокшеньга стала полниться русским населением. Значительное число беженцев поселилось по берегам рек Уфтюги, Поцы, Лохты, Шебеньги, в верхнем течении Кокшеньги, на Илезе и в верховьях Устьи – местах глухих и труднодоступных. Волна "низовской" колонизации была стихийной, но мирной». См.: Угрюмов А. А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. Вологда, 2003 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/nga/ugru/mov/1.htm#9 (дата обращения: 01.12.2014).

35 Подчеркивание С. М. Ляпунова.

36 Заглавные буквы обозначены С. М. Ляпуновым.

37 Дмитрий Юрьевич Шемяка (начало XV в.–1453) – Великий князь Московский, сын Великого князя Московского Юрия Дмитриевича, один из главных участников Междоусобной войны второй четверти XV в. «Прозвище "Шемяка" скорее всего, восходит к татаро-монгольскому "чимэху", что означает "украшать", а отсюда

“чимэк” — “украшение, наряд”». См.: Зимин А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991 // Библиотека Annales. URL http://annals.xlegio.ru/rus/zimin/zim1_02.htm (дата обращения: 01.12.2014).

38 Василий III Иванович (1479–1533) – Великий князь Владимирский и Московский, сын Ивана III Великого и Софии Палеолог, отец Ивана IV Грозного.

39 При Иване IV Грозном Кокшеньга входила в опричнину. См.: Угрюмов А. А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. Вологда, 2003 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/ nga/ugru/mov/1.htm#9 (дата обращения: 01.12.2014).

40 Подчеркивание С. М. Ляпунова.

41 Из 10 песен, указанных С. М. Ляпуновым, опубликовано было только 6. В деревне Монастырской (погост Маркушевский) Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии записи производились от крестьянки Акс[иньи] Степ[ановны] Вахниной, 30 лет, и девицы Марии Конст[антиновны] Вахниной, 20 лет, «с 14 певицами от 19 до 50 лет». Были исполнены причитания: «Не охота мне, батюшко» – «как за стол садят» [Песни русского народа … , 1899, № 12, с. 75]; «Мой кормилец-от, батюшко» – «как из-за стола выводят», «на тот же напев» [Там же. № 12, с. 75–77]; свадебные песни: «Из по городу, по городу» – «во время красного стола» [Там же. № 31, с. 125]; «Бласлови меня, хозяин, бласлови, господин, виноградие, краснозеленое» – «величальная», «новобрачным» [Там же. № 33, с. 127–128]. От этого же ансамбля зафиксирована хороводная песня «Ой пошол круг города цярев сын» [Там же. № 9, с. 153–154]. От мужского ансамбля в составе: крестьянин Григ[орий] Варсанофьев с товарищами – записана протяжная песня «Попридумал доброй молодец – «любовная» [Там же. № 19, с. 213–214].

42 В деревне Игумново Шевденицкой волости Тотемского уезда Вологодской губернии были записаны причитания, связанные с различными обрядовыми ситуациями, от крестьянки Алекс[андры] Курильиной Кузьминой, 44 лет: «Благослови миня, Господи» – «как просватают» [Песни русского народа … , 1899, № 1, с. 55]; «Не сама ли ты ви[дела]» – «перед приездом жениха» [Там же. № 11, с. 73–74]; «Ох(и) ти! Цветоцек баскóй яблуцек» – «рекрутское» [Там же. № 17, с. 82–83]; «Ох(и) ти как и тошнехонько!» –

«похоронное». Песни, связанные с хореографическим движением, были исполнены большим мужским ансамблем в составе: крестьяне Андрей Фед[орович] Зыков, 47 лет, Вас[илий] Пет[рович]. Пешков, 50 лет, и Конст[анстин] Степ[анович] Силенский, 55 лет, «с 6 товарищами от 33 до 57 лет». Среди песен следующие: «Ай, за тыном было, за тыныцьком» – «первый кружок», («сборная») [Там же. № 1, с. 141); «Ах и во лузях» – «как наберут» [Там же. № 3, с. 143–144]; «Да пошол круг города царев сын» [Там же. № 10, с. 154–155]; «С-по лугу, лугу вот и розлилась» – «троицкая» [Там же. № 18, с. 164]; «Ляли, ляли, лялюшки, вдоль было по травки» – плясовая [Там же. № 14, с. 159–160]. От мужского состава были записаны лирические песни: «Весел-то я, весел севоднешной день» [Там же № 16, с. 210–211]; «День биленек, да коротенек» [Там же. № 20, с. 215–216]. Из 14 песен, на которые указывает С. М. Ляпунов, опубликовано 11.

43 Речь идет о деревне Салтыковской (Башевской) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии. От крестьянина Вельского уезда Пот[апа] Тим[офеевича] Братаева, 44 лет, был записан духовный («нищенской») стих «Вознесенье» [Песни русского народа … , 1899, № 1, с. 3–4]. От крестьянки Лизав[еты] Лаверовны Кичигиной, 32 лет, записаны причитания: «Ой дак не кра́сота не хо[рошая]» – «как просватают» [Там же. № 4, с. 60]; «Ой да приходил да ска[зывал]» – «на пиру к пиву припевают холостым» [Там же. № 14, с. 78]; “О-ой, да эдак на синем-то море» – «рекрутский [плач]» [Там же. № 16, с. 81]. От девицы Лиз[аветы] Вас[ильевны] Поповой, Марьи Вас[ильевы] Кичигиной и Авг[усты] Елпидифор[овны] Рязановой с 5 подругами были записаны песни, связанные с хореографическим движением: «Ой за тынко́м-то ли было за тыно́цьком» – «первый кружок» [Там же. № 2, с. 142]; «Как на нашой на сторонки» [Там же. № 5, с. 146–148]; «Я во садик пошла» – «плясовая» [Там же. № 16, с. 162]; «Ой да я бежу, бежу по по́женке» – «плясовая», «ивановская» [Там же. № 20, с. 167]. От мужского дуэта – крестьян Абр[ама] Андр[еевича] Сухарева, 60 лет, и Селивестра Вас[ильевича] Рязанова, 60 лет, – была записана лирическая песня «А да как вились, вились, вились у молодця» [Там же. № 42, с. 248–249].

44 Борушка – головной убор замужней женщины, полностью скрывающий волосы. Название головного убора связано со способом оформления верхней части, собранной в сборку.

[45] Головодец – девичий головной убор в форме короны, обрамляющий голову и оставляющий затылок непокрытым. В таком головном уборе, украшенном парчовой нитью, жемчугом, бисером, цветами и серебряными монетами, девушка выходила замуж.

[46] У С. М. Ляпунова – написание с заглавной буквы.

[47] Раскольники появились в Кокшеньге в конце XVII в. Несмотря на преследования, они оставались здесь до XX столетия. См.: Угрюмов А. А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. Вологда, 2003 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/nga/ugru/mov/4.htm (дата обращения: 01.12.2014).

[48] В кокшеньгской традиции к годовым храмовым праздникам варили много домашнего пива: бедняки – ведер 30, более же зажиточные – до 80 и 100 ведер. О праздновании храмовых праздников в 60-е гг. XIX в. на Кокшеньге сообщалось, что пиршества во время местных храмовых или общепринятых праздников продолжались от 3 (в рабочее время) до 10 (в свободное) дней. См.: Там же.

[49] Церковь Преображения Всемилостивого Спаса была первым православным храмом в Кокшеньге, упоминание о ней относится к 1435 г. По названию этого храма вся округа стала зваться Спасами: Верхний Спас и Нижний Спас. На Спасском погосте проводились двухнедельные крещенские ярмарки, где молодежь устраивала гулянья. См.: Там же.

[50] Второй храм Спасского погоста – каменный Спасо-Преображенский собор, построен в 1888 г. См.: Пьянкова Н. С. Исчезающие храмы Тарноги // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=133&pn=2 (дата обращения: 01.12.2014).

[51] Прокопий Устюжский – блаженный (юродивый во Христе) чудотворец, в 1547 г. Московский Собор причислил праведного Прокопия к лику святых. Прокопий удалился в Хутынский монастырь, незадолго пред тем основанный (1192 г.) и славившийся строгостью устава и святостью жизни своих иноков. Через некоторое время, раздав все свое имущество, Прокопий вышел монастыря и в своих странствиях добрался до Устюга. Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами или деревянными клюками в руках и едва прикрытого рубищем скоро обратило на него внимание жителей, он сделался предметом насмешек и поругания. Однако юродивый остался в городе навсегда. Долго скитаясь

по городу, везде гонимый и оскорбляемый, праведный Прокопий избрал наконец местом постоянного своего жительства угол паперти огромного высокого соборного храма Успения Божией Матери, срубленного из дерева. Здесь стал он пребывать лето и зиму, не опуская ни одной церковной службы, ночи проводил в молитвах, а днем юродствовал по улицам города. См.: Житие Святого Блаженного Прокопия, Устюжского чудотворца // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/p/prokopiy_ustug.html (дата обращения: 01.12.2014).

52 Чалка – причальный канат, трос для речного судна.

53 Подчеркивание С. М. Ляпунова. Опоки – знаменитый геологический разлом, одноименные деревня и самый длинный и опасный порог на реке Сухоне. В древнерусском языке слово «опока» означало «скала». «Ещё в начале XX века, чтобы провести суда через Опокские перекаты, созывались окрестные крестьяне: от пятидесяти до ста человек впрягались в бурлацкие лямки, удерживая судно на фарватере, уберегая его от ударов о камни». См.: Котов А. Ю. Опоки // Новая экономика – новое общество: материалы науч.-практ. конф. Вологда, 2009. Вып. 4. С. 30-32 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/natural/4_st-9.html# (дата обращения: 01.12.2014).

54 «Деревянный домик Петра I был построен в 1702 г. на острове Маркове в устье Северной Двины, близ впадения ее в Белое море. В этом специально для него построенном доме царь прожил два месяца, наблюдая за постройкой Новодвинской крепости, которая должна была защитить город Архангельск, единственный в то время морской порт России, от ожидавшегося нападения шведского флота. Простой деревянный дом имеет три теплых жилых помещения с холодными сенями между ними. Особенность дома – большое количество окон, что дало повод современникам называть царское жилище "государевыми светлицами". В XIX веке дом Петра перевезли в Архангельск. Для обеспечения сохранности над памятником возводится деревянный "футляр", который позже был заменен на кирпичный "футляр-павильон". В послереволюционные годы возникла угроза уничтожения исторического памятника, поэтому в 1934 г. П. Д. Барановский привез его в Коломенское». См.: Домик Петра I, XVIII в. («Строитель, плаватель, герой…»), ансамбль усадьбы Коломенское // Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и при-

родно-ландшафтный музей-заповедник. URL: http://mgomz.ru/pamyatniki/domik-petra-i-xviii-v-gosudarevyi-svetlitsyi (дата обращения: 01.12.2014).

55 Музей был основан в 1837 г.

56 Нельма – рыба рода сиговых, подвид белорыбицы. Распространена в бассейне Северного Ледовитого океана.

57 Мысль сооружения памятника М. И. Ломоносову в Архангельске принадлежит Преосвященному Епископу Архангельскому Неофиту. Бывший в то время генерал-губернатором Архангельским, Вологодским и Олонецким Степан Иванович Меницкий в январе 1825 г. распорядился объявить о сборе пожертвований на изготовление памятника, позже была открыта подписка. В числе пожертвований заключалось и 5000 рублей. пожалованных государем императором Николаем Павловичем. Проект памятника был выполнен Иваном Петровичем Мартосом (ректор Академии Художеств), утвержден Николаем I. Памятник был отлит литейщиком Академии Якимовым из бронзы. Гранит для пъедестала был привезен из Финляндии. 25 июня 1832 г. памятник был открыт. Место памятника на карте города Архангельска было назначено собственноручно Николаем I. См.: Сооружение памятника Ломоносову // Двиноважье. История и культура Виноградовского района. URL: http://dvinovaje.ru/news/sooruzhenie_pamjatnika_lomonosovu/2012-11-28-61 (дата обращения: 01.12.2014).

58 Далее в рукописи следует фрагмент «К главе 3-й», помещенный в данном варианте изложения текста в разделе «3. Тотемский уезд».

59 Полой – диалектное наименование, обозначающее ответвление русла реки.

60 В селе Вознесенском Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда записи производились от крестьян Пав[ла] Степ[ановича] Папулина, 73 лет, и Вас[илия] Андр[еевича] Останина, 50 лет, с тремя товарищами. Были исполнены лирические песни: «Девушка да милáя» [Песни русского народа … , 1899, № 4, с. 195–196]; «Не ясéн-то ли сокол» [Там же. № 12, с. 205]; «Красива девушка с-по садику гуляла» [Там же. № 22, с. 218–219]; «Ходил Ваня по подлесу» [Там же. № 28, с. 227]. Нотация наигрыша на рожке не вошла в сборник, но сохранилась в Записной книжке № 12 (ОР НБ. Ф. 451. Ед. хр. 12. Л. 5 об.).

61 Первое письменное упоминание о Черевковской волости относится к 1519 году. «Первое комплексное описание Черевковской

волости, дошедшее до нас, дает "Писцовая книга 1626 г. писца Никиты Вышеславцева и подьячего Аггея Федорова". Уже тогда в состав волости входило "193 деревни да починка живущи…, а в них 2 двора монастырских, 2 двора поповых, двор дьяконов, двор дьячков да 435 дворов крестьянских, а людей в них 567 человек". Основное население составляли черносошные, то есть государственные крестьяне, которые занимались землепашеством и скотоводством, охотой, рыболовством, торговлей и ее обслуживанием. <…> Писцовая книга 1626 г. дает нам картину процветающего села и волости, тогда как всего 13 лет назад, в январе 1613 г., Черевково подверглось опустошительному набегу польско-литовского отряда под началом атамана Яцкого, двигавшегося от Холмогор вверх по Северной Двине». В XVII в. Черевково становится одним из старообрядческих центров. «В Российском государственном архиве древних актов в фонде "Раскольничьи дела" хранится "Дело о самосожжении крестьян Черевковской волости". <…> По-видимому, проповеди протопопа Аввакума, проезжавшего через Черевково в ссылку на Мезень осенью 1664 г. и возвращавшегося в Москву тем же путем в 1666 г. нашли здесь благодатную почву. <…> Несмотря на то, что "гарь" 1690 г. унесла наиболее стойких сторонников "старой веры", с этой поры Черевковская волость стала одним из основных центров старообрядчества на Русском Севере и продолжала оставаться таковым вплоть до 30-х гг. XX в.» См.: Щипин В. И. История Черевковской волости. Красноборск, 2008. 235 с. // Библиотека Хроноса («Румянцевский музей»). URL: http://www.rummuseum.ru/portal/node/2832 (дата обращения: 01.12.2014).

62 В XIX в. в Черевково было две церкви: Успенская деревянная (1691) и Троицкая каменная (1734). См.: Там же.

63 Восклицательные и вопросительный знаки в скобках принадлежат С. М. Ляпунову и свидетельствуют, по-видимому, о его крайнем недоумении. Иерей Петр – священник Никольской церкви села Черевково, в начале XVII в. был зверски убит поляками. Рукопись описания «Чудес Святого Чудотворца Петра Черевковского», содержащаяся в списке № 15 Сибирской Есиповской летописи, хранится в фондах Российской национальной библиотеки. Список датируется рубежом XVII–XVIII вв. и содержит описание 29 чудес. В перечне чудесных деяний – подробные сведения о большинстве исцелившихся людей. Речь идет о крестьянах Черевковской и

соседних с ней волостей: Сидоровой Едомы, Пермогорья, Ягрыша и Малой Пинеги. В летописи приведены их имена, отчества, фамилии и принадлежность к конкретной волости. «В 20-е гг. XVIII в. в рамках кампании по борьбе с суевериями гроб с мощами мученика был вновь предан земле. Но это ничуть не охладило и не поколебало веры народа в блаженного страдальца. Каждое воскресенье над его гробницей служились панихиды, а поток людей, стремившихся поклониться иерею Петру все более увеличивался. Ежегодно в день его страдальческой кончины между утреней и литургией читалось сказание о его чудесах, пока в 1854 г., по неизвестным сегодня причинам, рукопись не была изъята епархиальным начальством. В 1859 г. был снят с гробницы и увезен в архиерейский дом в Вологду образ иерея Петра, написанный одним из исцеленных в 1718 г. Причиной изъятия стали волнения среди черевковских крестьян, когда прошел слух, что будто бы гроб с мощами Петра вновь появился из земли. Только после настойчивых просьб прихожан в 1860 г. было получено разрешение на совершение по просьбам желающих панихид об упокоении души иерея Петра». См.: Щипин В. И. Священномученик иерей Петр Черевковский (Доклад на Прокопьевских чтениях в г. Великий Устюг. Июль 2003 г.) // Хронос – всемирная история в интернете. URL: http://www.hrono.info/statii/2007/schip_petr.html (дата обращения: 01.12.2014).

64 Подчеркивание принадлежит С. М. Ляпунову. Кежа – плотный домотканый холст в полоску.

65 Местонахождение рукописей неизвестно.

66 «Святочными» песнями Ляпунов именует игровые и хороводные песни, приуроченные к периоду зимних святок. В городе Красноборске Сольвычегодского уезда Вологодской губернии записи производились от крестьянина из д[еревни] Ильинской Сем[ена] Степ[ановича] Меструкова, 52 лет, и мещанки Мар[ии] Иван[овны] Москвиной, 50 лет. Среди «святочных» песен: «Мы пшону сеяли» [Песни русского народа … , 1899, № 12, с. 156] «Уж я золото хороню» [Там же. № 27, с. 177–178]; «Хо́жу ли я, да хо́жу ли я» [Там же. № 29, с. 179–180]; «На горе стоит верьба́» [Там же. № 30, с. 181–182]; «Тут на горе калина́» [Там же. № 31, с. 182–183], «Ты кама́цька моя» [Там же. № 32, с. 183–184]. От этого дуэта записана также лирическая песня «Я куда с горя́ да я деваюся» – «любовная» [Там же. № 5, с. 196–197].

67 Действительно, в сборнике Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша «Песни русского народа» (1894), в разделе V «Песни хороводные и плясовые» напевы не сопровождаются какими-либо комментариями, указывающими на их связь со святочным периодом. Песня «Расхороший детинушка» [Песни русского народа … , 1894, с. 139], имеющая подзаголовок «рождественская», является лирической.

68 В Красноборске и его окрестностях в XVIII–XIX вв. бытовал кустарный кушачный промысел. Это было занятие исключительно женского населения. В самом Красноборске изготавливались бумажные кушаки, однако больше ценились шерстяные. По словам Красноборских кушачных хозяек, количество бумажных кушаков вытыкается одной мастерицей в год от 80 до 100 штук. Сбыт кушаков производится главным образом на Алексеевской и Андреевской ярмарках в Красноборске. См.: Очерк кустарных промыслов по изделиям, собранным Вологодским губернским земство / сост. Ф. А. Арсеньев. Вологда, 1882 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/kust/arn/iyp/rom/ysel/1.htm (дата обращения: 01.12.2014).

69 Красноборск – город Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. Существовал еще в XVI в., но тогда это было село. В 1780 г., когда было учреждено Вологодское наместничество, Красноборск был сделан уездным городом Великоустюжской провинции; с 1796 г. – заштатный. Занимает выгодное географическое положение на пути из Сольвычегодска в Архангельск, большую роль играет торговля, в городе проходит четыре ярмарки, с оборотом до 280 тысяч рублей. См.: [Энциклопедический словарь ... , 1895, т. 16 а, с. 543.

70 Мархатка – наименование женского головного убора в севернорусских губерниях. В рукописи слово «мархатка» выделено карандашом более четко, чем остальной текст.

71 Фотографии не найдены.

72 Фотография хранится в фонде С. М. Ляпунова. (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 6).

73 С. М. Ляпунов имеет в виду, вероятно, Симбирскую губернию, где располагалось имение Теплый Стан, в котором Ляпунов часто бывал у родственников.

74 Повойник – женский головной убор.

75 В рукописи между словами «синих … сарафанах» вписано троеточие, возможно, Ляпунов предполагал какое-то дополнение.

[76] В середине XVI в. возникший на путях в Сибирь Сольвычегодск стал быстро разрастаться; его расцвету способствовало удобное расположение на оживленной водной магистрали и быстро развивающееся солеварение. Еще до основания города местными жителями были построены первые варницы для «варения соли», которые фактически стали ядром будущего крупного промышленно-торгового центра – Соли Вычегодской. В XVI в. монополию на производство соли получает купеческое семейство Строгановых, Сольвычегодск становится центром их сферы влияния. «Сосредоточение в одних руках огромных богатств позволило Строгановым тратить значительные средства на возведение в своих вотчинах церквей и хором, для убранства которых они организовали различные художественные промыслы». См.: Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М., 1983 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/sol/vyc/heg/da/2.htm (дата обращения: 01.12.2014).

[77] В 1560-е гг. Строгановы в Сольвычегодске возвели домовую церковь – огромный каменный Благовещенский собор, который украшался с особым тщанием. В 1600 г. он был расписан московскими мастерами. В последующие годы претерпел изменения. «Особенно основательной перестройке Благовещенский собор подвергся после пожара 1819 года, когда над нижним рундуком его западного крыльца вместо прежней звонницы была возведена новая, ампирная колокольня и на месте приделов сооружены с южной стороны теплый храм Сретения, а с северной стороны – ризница». См.: Там же.

[78] Саккос (от древне-еврейского «сакк» – «рубище», «вретище») – одеяние священнослужителей высокого ранга во время богослужения. «В Русской Церкви саккос появляется как одеяние митрополита только в XV в. С учреждением в 1589 г. патриаршества в России саккос носят также и Патриархи. В XVII в. им награждаются некоторые архиепископы. В 1702 г. Петр I жалует саккосы епископам в заслугу, а с 1705 г. было установлено носить их всем архиереям». См.: Одеяния духовенства (Настольная книга священнослужителя) // URL: http://www.magister.msk.ru/library/bible/comment/nkss/nkss17.htm (дата обращения: 01.12.2014).

[79] Стефан Великопермский родился около 1346 г. в Великом Устюге, в 1365 г. в монастыре во имя святителя Григория Богослова был совершен монашеский постриг. Занимался миссионерской деятель-

ностью на Пермской земле. Создал для зырян письменность и перевел на зырянский язык богослужебные книги и частично Священное Писание. Стал первым епископом Пермской епархии. Скончался в 1396 г., был погребен в Кремлевской великокняжеской обители, в соборе Спаса на Бору. В XVI в. Русская Православная Церковь причислила епископа Пермского Стефана к лику святых. См.: Стефан Великопермский, святитель // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/s/ Stefan_Velikopermskii.html (дата обращения: 01.12.2014).

80 «Благовещенский собор являлся для построившего его купца Аники Строганова "с сыновьями и внуками" не только храмом, но и укрепленной цитаделью. В подвалах собора размещались склады пушнины, хранились ценности. Здесь же были устроены тюремные казематы». См: Бартенев И. А., Федоров Б. Н. Архитектурные памятники Русского Севера. Л.; М., 1968 // РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: http://www.rusarch.ru/bartenev1.htm (дата обращения: 01.12.2014).

81 В 1826 г. к старой церкви пристроена новая колокольня.

82 Написание с заглавной буквы у С. М. Ляпунова.

83 Введенский православный монастырь был основан Строгановыми в 1560-е гг. Деревянный соборный храм Введения и ограда были построены в своем домовом монастыре в 1565 г. сыновьями Аники Строганова – Яковом, Григорием и Семеном. Завершена постройка была около 1570 г., на что указывает храмовая икона «Введение» – вклад самого Аники в собор в 1570 г. Каменный Введенский собор был построен в конце XVII в. Заказчиком его являлся представитель уже следующего поколения Строгановых – Григорий Дмитриевич (1656–1715). Заложенный в 1688 г. Введенский собор строился, согласно местным летописным сведениям, восемь лет, но освящен был только в 1712 г. Он является первым в ряду оригинальнейших построек рубежа XVII–XVIII вв., которые составляют особое направление в развитии стиля московского барокко и по имени их основного заказчика Г. Д. Строганова именуются строгановскими. Для этих культовых зданий характерны особый тип храма и подчеркнутая пышность внешнего декора, основанного на широком использовании ордерной системы. См.: Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М., 1983 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/sol/vyc/heg/da/2.htm (дата обращения: 01.12.2014).

84 Фотографии хранятся в фонде С. М. Ляпунова. «Белослудский погост Сольвычег[одского] у[езда], Волог[одской] губ[ернии]»; «Общий вид г[орода] Сольвычегодска Волог[одской] губ[ернии]»; «Строгановский собор в г[ороде] Сольвычегодске Волог[одской] губ[ернии]»; «Монастырский собор в г[ороде] Сольвычегодске Волог[одской] губ[ернии]». «Здание присутственных мест в г[ороде] Сольвычегодске Волог[одской] губ[ернии]». (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 6–10).

85 Коряжемский монастырь основан в 1535 г. преподобным Лонгином (Логгином) Коряжемским и Симоном Сойгинским. В 1890 г. монастырь по причине малочисленности насельников приписан к Сольвычегодскому Введенскому монастырю, закрыт в 1918 г. См.: Сойкин П. П. Коряжемский Николаевский монастырь в Сольвычегодском уезде // Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне. СПб., 1994. С. 82–84; Коряжемский-Николаевский мужской монастырь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб, 1895. Т. 16. С. 364.

86 Деревянная ограда монастыря была установлена в 1565 г.

87 Преподобный Лонгин (Логгин) Коряжемский был основателем и игуменом Николаевского Коряжемского монастыря. Перед кончиной преподобный велел похоронить свое тело при входе в храм, «чтобы все идущие в церковь и из церкви попирали его могилу». В 1557 г. произошло чудо – исцеление Устюжского Воеводы Князя Владимира, после которого началось его почитание как святого. См.: Архангельская и Холмогорская Епархия // Святые и святыни. Преподобный Лонгин Коряжемский. URL: http://www.arh-eparhia.ru/saints_and_shrines/?ELEMENT_ID=13146 (дата обращения: 01.12.2014).

88 Александр епископ Вятский (в схиме – Андрей; 30.11.1603, Подмонастырная слобода близ Николо-Коряжемского монастыря – 17.12.1678, Николо-Коряжемский монастырь) – первый епископ Вятский и Великопермский Русской православной церкви. См.: Бубнов Н. Ю. Александр // Православная энциклопедия. URL: http://www.pravenc.ru/text/64230.html (дата обращения: 01.12.2014).

89 Туес – плетеная из бересты корзина, могла использоваться для зачерпывания воды.

90 Фотография хранится в фонде С. М. Ляпунова. «Коряжемский монастырь близ Сольвычегодска» (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 11).

[91] Селение Ускурье располагалось на берегу Северной Двины близ впадения реки Вычегды. В Ускурье находилась одна из двух существовавших в то время переправ, пригодных для большого транспортного потока через Северную Двину.

[92] Льнопрядильная ткацкая фабрика была открыта в селе Красавино в 1849 г. никольским купцом первой гильдии Ильей Яковлевичем Грибановым и архангельским купцом первой гильдии англичанином Петром Карловичем Люрсом. Впоследствии хозяевами фабрики стали сын и внук И. Я. Грибанова. Продукция Красавинской фабрики отличалась высоким качеством, пользовалась особым спросом со стороны покупателей. С неизменным успехом она демонстрировалась на отечественных (Москва, 1864, 1872, 1882; Санкт-Петербург, 1870) и зарубежных (Париж, 1867, 1868, 1878; Вена, 1873 и др.) художественно-промышленных и политехнических выставках, отмечалась золотыми, серебряными и бронзовыми медалями. См.: Чебыкина Г. Н. Красавино, Красавинская фабрика и ее владельцы (XIX – начало XX века) // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вологда, 2004. Вып. 3 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/3ve/lik/iyu/sty/ug/5.htm (дата обращения: 01.12.2014).

[93] «Во второй половине XIX – начале XX в. Великий Устюг являлся уездным центром на северо-востоке Вологодской губернии. Современники называли Устюг лучшим из уездных городов. Он раскинулся вдоль левого берега реки Сухоны, которая, чуть ниже города сливаясь с рекой Юг, переходит в Малую Северную Двину. Незабываемое впечатление на всех приезжающих производила живописная панорама города. Обилие древних церквей и монастырей придавало Устюгу своеобразный исторический колорит». См.: Чебыкина Г. Н. Великий Устюг во второй половине XIX – начале XX века // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 1 // Великий Устюг. URL: http://www.v-ustug.ru/books/A1/04.html (дата обращения: 01.12.2014).

[94] Михайло-Архангельский монастырь был основан в 1212 г. монахом Киприаном «при озерах за острожную осыпью», где им были сооружены в 1212–1216 гг. две деревянные церкви: Введения и Собора Архангела Михаила. См.: Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М., 1983 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/sol/vyc/heg/da/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).

[95] Василий Ильич Сафонов (1852–1918) – русский дирижер, пианист, педагог, директор Московской консерватории в 1889–1905 гг.

[96] Аристарх Александрович Израилев (1817–1901) – протоиерей, известный знаток колокольного дела. Самостоятельно изучил музыкальную акустику с целью настройки церковных колоколов, устроил своеобразный прибор для определения числа колебаний колокола. А. А. Израилев перевел в нотную запись ростовские звоны. См.: [Энциклопедический словарь ... , 1905, т. 42а, с. 818–819]; Никаноров А. Б. Звон // Православная энциклопедия. URL: http:// http://www.pravenc.ru/ text/199669.html (дата обращения: 01.12.2014).

[97] Иван Яковлевич Львов (1866–1936) родился в д. Семеновской Сольвычегодского уезда в крестьянской семье. Являлся хозяином книжного магазина в Устюге, а также владельцем типографии-скоропечатни в Тотьме. Львов водил знакомство с политическими ссыльными, разделял их взгляды. В 1898 году И. Я. Львов совместно с устюжским мещанином К. К. Поповым занимался изданием научно-популярных статей по вопросам философии и психологии английских, немецких и французских мыслителей и политэкономов. В типографии печатались также сказки А. С. Пушкина. См.: Чебыкина Г. Н. Великий Устюг во второй половине XIX – начале XX века // Великий Устюг. Краеведческий альманах. Вологда, 1995. Вып. 1 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/vel/iky/ust/iug/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).

[98] Львов И. Я. Новое время – новые песни: (О повороте в народной поэзии). Устюг: П. Н. Лагирев, 1891.

[99] Генри Томас Бокль (1821–1862) – английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии».

[100] Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) – русский поэт, художник, публицист, богослов, философ, основоположник раннего славянофильства, член-корреспондент Петербургской академии наук (1856 г.).

[101] Фрагмент текста «…были у обедни в соборе потом…» – в рукописи заключен в скобки.

[102] Успенский собор был основан в 1290 г. ростовским архиепископом Тихоном и получил наименование в честь Успения Богоматери согласно владимиро-суздальской традиции. В 1398 г. во время захвата Устюга новгородцами пожар уничтожил храм, а многие его иконы были взяты «в полон». Однако присланные в 1399 г.

новгородским владыкой Иоанном церковные мастера восстановили собор, «поставиша церковь древяную великую велми», которую украсили ценными иконами. К 1502 году Успенский собор – центральный храм города – отстраивается после пожаров в шестой раз. Каменный Успенский собор строили с лета 1554 г. по 1558 г., когда его и освятили. Этот храм является первым каменным городским собором на всем Русском Севере. См.: Бочаров Г. Н., Выголов В. П. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М., 1983 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/sol/vyc/heg/da/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).

103 Колокольня Успенского собора вероятно была построена в 1690 г., когда были разобраны колокольни при папертях соседних храмов Прокопия Устюжского и Иоанна Праведного, а их колокола перевешены на соборную, видимо, только что построенную. В середине – второй половине XVIII в. колокольня перестраивалась, специально для 1000-пудового, отлитого в 1754 г. колокола «Варлаама» была пристроена звонница. См.: Там же.

104 Подчеркивание С. М. Ляпунова.

105 С. М. Ляпуновым был зафиксирован план колокольни с расположением колоколов, строй колоколов и нотированы звоны. Записная книжка № 7. (ОР РНБ. Ф 451. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 12а–16).

106 Михаил Иванович Кошков был одним из наиболее известных в первой половине XIX в. устюжских мастеров, гравер, в совершенстве владевший искусством чернения серебра. Он выполнял заказы для Петербурга, Москвы и других городов России, его изделия были известны и за границей. Искусство чернения по серебру и золоту было широко известно еще в Киевской Руси. По одной из версий в Устюг этот промысел был завезен в середине XVI в. «Известно, что в России черневое искусство оформилось в трех основных местных школах, которые резко отличаются одна от другой техникой, приемами и навыками мастеров. Это кавказская чернь с центром в Дагестане (Кубачи), московская чернь и тяготевшие к ней города Кострома и Калуга, северная чернь с центром в Великом Устюге. Главное достоинство устюжской черни – ее прочность и глубина тона». См.: Лукин М. П., Давыдова Н. М. Народное искусство устюжан. Вологда, 1971 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/narod/noye/iskus/stvo/ustug/1.htm (дата обращения: 01.12.2014).

[107] Важнейшим из пророческих предсказаний и чудес Прокопия Праведного, прославивших его, было избавление Устюга в 1290 г. от истребления каменно-огненной тучей. Молитвы Прокопия иконе Благовещения Пресвятой Богородицы совершили чудо – икона начала мироточить и раскаленные камни миновали город, упав за 20 верст от Устюга, в Котовальской волости. См.: Святой праведный Прокопий, Христа ради юродивый, Устюжский чудотворец. Великий Устюг, 2000 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/Sviatoi_Prokopii/ (дата обращения: 01.12.2014).

[108] У несуществующих в настоящее время деревень Олбово и Котовалово Великоустюгского уезда был расположен источник. Это место связано с именем почитаемого святого блаженного Прокопия Устюжского чудотворца.

[109] Ляпунов и Истомин могли слышать предание о чудодейственных свойствах камней, выпавших из «грозовой тучи», в частности, об их способности излечивать головную боль.

[110] «Фёдор Афанасьевич Курганов (1844–1920) – историк русской православной церкви. Окончив курс Казанской духовной академии, занял там же кафедру общей церковной истории. Получил степень магистра за диссертацию "Устройство управления в церкви королевства греческого" (Казань, 1872), степень доктора – за диссертацию "Отношение между церковной и гражданской властью в Византийской империи" (Казань, 1880). Читал лекции по церковной истории в Казанском университете». [Энциклопедический словарь ... , 1896, т. 17, с. 67].

[111] Илья Александрович Шляпкин (1858–1919) – известный славист, историк литературы, член Императорского Русского географического общества.

[112] В городе Великий Устюг (слобода Дымково) Великоустюжского уезда Вологодской губернии от мещанина Ивана Федор[овича] Говорова, 62 лет, были записаны виноградья и лирические песни: «Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю городу́» – «малое виногра́дье» [Песни русского народа … , 1899, № 2, с. 46–47]; «Уж как по́ морю, по морю по синему» – «малое виноградье» [Там же. № 3, с. 47–49]. Напев виноградья, который относится к календарно-обрядовому фольклору, исполняется с текстом былины «Илья Муромец на Соколе корабле». См.: [Бернштам, Лапин, 1981, с. 15, 19, 39–41; Лобкова, 2001, с. 443–444]. Среди лирических песен: «Ах да опоздал,

опоздал мальцик во рошше» – «любовная» [Там же. № 26, с. 223–224]; «Вылетала голубина на долину» – «семейная» [Там же. № 30, с. 230].

113 Каменная Иоанновская (Происхожденская) церковь была основана в 1656 г. Ей предшествовала деревянная церковь в честь Происхождения честного и животворящего Креста Господня, с приделом праведного Иоанна, Устюжского чудотворца, холодная, двуглавая. Новый храм – двухэтажный, холодный, пятиглавый, был построен тщанием устюжского купца Никифора Федоровича Ревякина, по грамоте митрополита Ростовского и Ярославского Ионы, данной 8 февраля 1656 г. Храм был освящен в 1663 г. В нем под спудом находились мощи праведного Иоанна Христа ради юродивого. См.: Устюжский Иоанновский приход // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=485 (дата обращения: 01.12.2014).

114 В городе Великий Устюг (слобода Дымково) Великоустюжского уезда Вологодской губернии от мещан Мих[аила] Ив[ановича] Кошкова, 72 лет, и его внука Вас[илия] Петр[овича] Сидорова были записаны песни разных жанров. Свадебные песни: «Не от ветру, не от вихорю» – «на смотреньи» [Песни русского народа …, 1899, № 14, с. 101–102]; «По меду, меду по патошному» – «во время красного стола» [Там же. № 28, с. 122–123]; хороводная песня «Как по морю» [Там же. № 6, с. 148–150]; лирическая песня – «Вились, вились мои кудерци» [Там же. № 40, с. 245–246]. Следует отметить редко встречающееся мужское исполнение свадебных, а также хороводных песен.

115 Афанасий Васильевич Булычев – богатейший на севере промышленник и меценат, владелец пароходов. См.: Николаева А. Возвращение Афанасия Булычева // Республика. Сыктывкар. 2010. № 152 (от 21.08.2010). URL: http://www.gazeta-respublika.ru/article.php/30207 (дата обращения: 01.12.2014)

116 «Межевой барин» – чиновник, осуществлявший поместное межевание земли.

117 В селе Бобровском Востровской волости Великоустюжского уезда Вологодской губернии собиратели беседовали с крестьянином Вас[илием] Григ[орьевичем] Дракуновым, 54 лет. От него были записаны две колядки: «Пришел еси к воротам» – «припевка» [Песни русского народа … , 1899, № 1, с. 45]; «Бабушка, старушка, подай пирожка» – «припевка (Кота)», которая сопровождается комментариями: «как не подадут, или худо подадут» [Там же. № 5, с. 51].

[118] Фотография хранится в фонде С. М. Ляпунова. «Село Бобровское (Устюжск[ий] уезд Волог[одской] губ[ернии])». (ОР РНБ. Ф. 451. Ед хр. 404. Л. 18).

[119] От крестьян Ксен[ии] Вас[ильевны] Переваловой, 44 лет, и Афан[асия] Вас[ильевича] Перевалова, 53 лет, с 14 товарищами были записана «коляда», «великое виноградье» – «Середи сильна цярства Россейсково, виноградье краснозеленое» [Песни русского народа … , 1899, № 4, с. 49–51]. Поэтический текст «великого виноградья» связан с историческим сюжетом «Освобождение митрополита Филарета из плена». Лирические песни, также записанные от данных исполнителей, принадлежат к числу классических образцов мужской песенной традиции: «Уж ты поле мое, да поле цистое» [Там же. № 46, с. 253]; «Ах уж вы горы, вы горы́» [Там же. № 47, с. 254–256]; «Как во й Астракане» [Там же. № 52, с. 263–265]. Названные песни переизданы в оригинальной версии и современной редакции в сборнике [Народная традиционная культура Вологодской области … , Вологда, 2005, № 176, 175, 178].

[120] Одигитрия Устюжская из Великого Устюга принадлежит к наиболее почитаемым спискам Смоленской иконы Божией Матери. Согласно местному преданию, икона Богоматери Одигитрии была доставлена в Устюг из Ростова Великого по случаю освящения великоустюжского Успенского собора в 1290 г. В известиях XIV в. обстоятельно рассказывается о чудотворной иконе Богоматери Одигитрии, находившейся в Успенском соборе и бывшей, несмотря на посвящение храма празднику Успения, главной святыней собора и даже города в целом. В великоустюжском летописном своде сохранился рассказ о нападении на город и разграблении собора новгородскими ушкуйниками в 1397 г., связанный с этой иконой. По преданию, вернувшись с награбленным в Новгород, ушкуйники пришли в собор Святой Софии, но вместо ожидаемого поощрения получили от новгородского владыки Иоанна суровое порицание и обещались ему заново отстроисть в Устюге церковь и вернуть икону. См.: Гринберг Ф. И. Средневековая Русь. М., 1976 // Библиотека истории. URL: http://history-library.com/index.php?id1=3&category=srednie-veka&author=grinberg-fi&book=1976&page=154 (дата обращения: 01.12.2014).

[121] Троице-Гледенский монастырь – был основан в середине XII в. при слиянии рек Сухоны и Юга. См.: Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992 //

Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/pri/hod/kam/kin/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).

122 Название населенного пункта приведено к современной форме написания – «Кичменгский». В XV–XVI вв. селение именовалось городком (крепостью) и было предназначено для отражения набегов. Первые упоминания в летописи Кичменгского Городка относится к 1468 г., судя по документам, селение оставалось крепостью и в начале XVII в. См.: Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск, 1988 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).

123 В селе Кичменгский Городок находилась каменная Спасо-Преображенская церковь, построенная в 1805 г. Престолы в честь: Преображения Господня – главный, Архангела Михаила, великомученика Пантелеимона, иконы Божией Матери «Иверская». Придельный храм во имя Иверской иконы Божией Матери освящён 7 октября 1882 г. См.: Кичменгский Спасо-Преображенский приход // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=689 (дата обращения: 01.12.2014).

124 Возможно, певцы пришли из деревни Протасовской Кичменгской волости Никольского уезда Вологодского уезда, как указано в примечаниях к сборнику [Песни русского народа … , 1899, с. 270]. В сборнике приведены данные не трех, а двух исполнителей: крестьян Степ[ана] Тетерина и Григ[ория] Реутова. Опубликованы две лирические песни: «Ах, не голубь летает» – «семейная» [Там же. № 33, с. 234–235], «Закаталосе красное солнце с гор» – «воинская» [Там же. № 50, с. 259–260).

125 Поселение на месте Никольска основано выходцами из центральных районов России еще в XV в. В результате слияния двух селений Старо- и Ново-Никольского на берегу р. Юг возникает Никольская Слобода. Название слободы – по названию местной церкви. В конце XVI в., с началом внешней торговли через Архангельский порт, у Никольской Слободки появляется пристань, где строились барки. В начале XVIII в. Никольская Слободка именуется с. Никольским. В 1870 г. был образован Никольский уезд, Никольск становится городом. См.: Чайкина Ю. И. Географические назва-

ния Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск, 1988 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/4.htm (дата обращения: 01.12.2014).

126 В городе Никольске Никольского уезда Вологодской губернии причитания исполняли мещанки Анна Теплякова, 47 лет, с дочерьми: Пелагеей, 21 года, Надеждой, 16 лет, Ольгой, 17 лет, и девицей Пелаг[еей] Колпаковой, 16 лет. «И мой ты свет, белая́ лебедь, как севодни, сево утра» – исполнение причитания связано с обрядовым символом «кра́соты» [Песни русского народа … , 1899, № 7, с. 63–65]; «И мой ты свет, белая́ лебедь, это штё(й) я мо́лода – «когда к венцу наряжают» [Там же. № 10, с. 69–73]. Из 12 мелодий, указанных С. М. Ляпуновым, опубликовано 2.

127 Написание в «Дневнике путешествия» – Кипшенга (без мягкого знака).

128 Иоанникий Епископ Великоустюжский – первый викарный епископ открытого в 1888 г. в Великом Устюге викарианства. См.: Чебыкина Г. Н. Великий Устюг: летописная книга XII – нач. XXI века / Вступ. ст. С. А. Гладких. Великий Устюг, 2007 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cheb/ykina/7.htm (дата обращения: 01.12.2014).

129 См. примечание 126.

130 В г. Никольске Никольского уезда Вологодской губернии от каменщика из деревни Прилук Семенковской волости Никольского уезда Алекс[андра] Андр[еевича] Седунова, 56 лет, записаны лирические песни: «Среди поля, полюшка поля был кусточик» – «любовная» [Песни русского народа … , 1899, № 1, с. 191–192]; «Цвели, цвели цветики» [Там же. № 6, с. 197–198]; «Не зоря ли ты, зорюшка моя вечерняя» – «любовная» [Там же. № 23, с. 219–220]; «Во лесах-то ли было во дремучих» – «семейная» [Там же. № 27, с. 225–226]; «Не ясе́н ли соколочик пролетывал» – «рекрутская» [Там же. № 37, с. 241–242].

131 По преданию, недалеко от впадения речки Анданги в Юг на вершине песчаного холма, находится «Анфалова яма» или «Анфалова могила» – последний приют легендарного ушкуйника, новгородского боярина Анфала Никитина, а также его несметные сокровища, якобы похороненные вместе с их владельцем. Анфал в 1370–1380-х гг. держал под своим контролем важный в стратегическом отношении Юго-Моломский волок, открывавший путь

на Вятку, Каму и Волгу. Сохранились летописные свидетельства, относящиеся к 1418 г., о гибели мятежного боярина, стремящегося завоевать «двинские земли». Баданин Д. Д., Биланчук Р. П., Наумов А. Н. и др. Никольская земля в истории Европейского Севера // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/nikol/skaja/sta/rina/2.htm (дата обращения: 01.12.2014).

132 Выражение С. М. Ляпунова.

133 Петр Николаевич Дурново (1845–1915) – государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел (1905–1906), представитель дворянского рода Дурново.

134 В рукописи на листах 43–47 имеет место пагинация, но какие-либо записи отсутствуют.

135 В селе Макарьевском Киселёвской волости Котельничского уезда собиратели делали записи от двух групп певцов. От одной из них, в составе: крестьяне Криницыны, Яков Павл[ович], 55 лет, и Терент[ий] Степ[анович], 45 лет, – были записаны лирические песни: «Уж вы са́ды мои, са́ды» – «любовная» [Песни русского народа … , 1899, № 9, с. 202]; «Ой-о, то-то, то-то» – «воинская» [Там же. № 48, с. 257]. Другой группой крестьян в составе: Рыковы Самойло Ефим[ович], 65 лет, и Дмитр[ий] Григ[орьевич], 51 года, – была исполнена лирическая песня «Ой да в караводичке был я на лужку» – «любовная» [Там же. № 10, с. 203].

136 Кузнецов Александр Назарьевич – купец первой гильдии, городской голова города Орлова, его называли «другом просвещения». Внес большой вклад в развитие города, в том числе был одним из инициаторов создания городской публичной библиотеки. См.: [Колеватов, 1994, с. 153–154].

137 «Спасо-Орловский мужской монастырь находится в городе Орлове, в 55 верстах от города Вятки. <…> Основан монастырь в 1693 г., по благословению вятского архиепископа Ионы, келарем Успенского Трифонова монастыря Ильей Семакиным вместе с его братом Стефаном. В монастырском храме находится местная святыня – явленный образ Нерукотворного Спаса. Этот образ явился в семи верстах от города Орлова на болоте по Вятскому тракту. На месте явления устроена часовня. Сюда ежегодно из монастыря <…> совершаются крестные ходы» [Православные русские обители ... , 1910, с. 115–116].

138 На месте современного города Орлова население появилось на рубеже XII–XIII вв. – это переселенцы из Новгородских земель и Владимиро-Суздальского княжества. «Впервые город под этим именем упоминается в летописи 1459 г. в связи с походом войск Василия II <…> для захвата вятских земель и присоединения их к Московскому государству» [Колеватов, 1994, с. 147–148].

139 В селе Великорецком Навалихинской волости Орловского уезда пели крестьянки Параск[овья], Лизав[ета] и Наталья Чудиновы, Феклинья и Надежда Барановы, от 22 до 67 лет. Среди свадебных песен были исполнены: «Я не знала, не ведала» – «на сговорах» [Песни русского народа … , 1899, № 2, с. 88–89]; «А ты ласточка, ласточка» – «на сговорах» [Там же. № 7, с. 93]; «А не пава по сеням ходила» – «на девишнике» [Там же. № 21, с. 111–112], «Тысечкой полоротенькой» – «величальная», «тысяцкому» [Там же. № 41, с. 136–137]; «Свахонка поневестенка» – «величальная», «свахе», текст [Там же. № 42, с. 137]. От мужского ансамбля в составе: крестьяне Фед[ор], Алекс[андр], Андрей, Ив[ан] Вас[ильевич], Ив[ан] Евд[окимович] Чудиновы, от 38 до 64 лет – были записаны лирические песни. Среди них: «Подуй, подуй, погодушка» – «любовная» [Там же. № 2, с. 192–193]; составители указывают на вариант этой песни в сборнике Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша [Песни русского народа … , 1894, с. 160–161]; «Садовая в поле черемушка» – «любовная» [Песни русского народа … , 1899, № 11, с. 204–205]; «Ох вы, вздохи мои, вздохи» – «любовная» [Там же. № 14, с. 207–208]; «Сторона моя, да сторонка» – «любовная» [Там же. № 17, с. 211–212].

140 Согласно легенде, в 1383 г. произошло явление чудотворной иконы святителя Николая в 40 верстах от Вятки на берегу реки Великой [Кокурина, 1994, с. 87]. «Почитание Николы Великорецкого впервые упоминается в грамоте 1546 г., <…> была составлена самая ранняя редакция “Повести о явлении чудотворного образа Великорецкого”, краткое содержание которой попало в русские летописи в связи с путешествием иконы в Москву и обратно в 1555–1556 гг» [Макаров, 1994, с. 32].

141 «Возникновение крестного хода с иконой Николы Великорецкого связано с перемещением ее из села Великорецкого в город Хлынов. Низовый крестный ход совершался ежегодно вниз по Вятке на стругах в Орлов, Котельнич, Кукарку и другие селения, начиная с 1556 г., т. е. с первого путешествия иконы Николая Великорецкого в Москву через Казань. В 1645 г. возникает культ вятской

иконы “Спаса Всемилостливого”. Вскоре после явления икону включили на правах святыни, равноправной образу Николы Великорецкого, с которым путешествовали попеременно, т. е. через год» [Макаров, 1994, с. 32].

142 К середине XIX в. формирование церковно-ярмарочного комплекса села Великорецкого в основном завершилось. Четко определилось и его функциональное зонирование: южная часть отдавалась торгово-ярмарочным предприятиям, северная – проведению крестных ходов. Архитектурный ансамбль включал Спасо-Преображенскую церковь (1749), церковь Николая Чудотворца (1822–1839), в 1860 г. было начато строительство новой колокольни. 43-метровая четырехъярусная столпообразная Ильинская колокольня, поставленная по оси комплекса, композиционно возглавила Великорецкий ансамбль. См.: [Безверхова, 1996, с. 205].

143 Фотография в фонде С. М. Ляпунова отсутствует.

144 Медянская писчебумажная фабрика И. А. Первушина и сыновей в селе Починок Вятского уезда производила писчую и оберточную бумагу, картон. На фабрике работало более 200 человек. См.: [Фабрично-заводские предприятия ... , 1909, раздел 3, № 89].

145 Кап – нарост на дереве, который мог использоваться для изготовления посуды.

146 Возникновение кружевного промысла в слободе Кукарке Вятской губернии (ныне – город Советск Кировской области) относится к XVIII в. К концу XIX в. это занятие стало практически массовым – в 1888 г. в Кукарской волости было около двух тысяч кружевниц. См.: [Бердинских, 1994, с. 265].

147 Храм во имя Святой Живоначальной Троицы – один из первых на Вятке каменных храмов, его фундамент был заложен в 1676 г. на территории Кремля мастерами-каменщиками из Москвы. В 1679 г. был достроен и освящен в честь Святителя Николая северный придел, а в 1683 г. был освящен основной храм. Об этом храме известно немного, поврежденный несколькими пожарами, он начал разрушаться и в 1759 г. был разобран. На его месте был возведен новый Свято-Троицкий кафедральный собор, снесенный в 1930-х гг. «Архитектурный комплекс (собор, трапезная, колокольня и архиерейский дом) был построен в 1760–1772 гг. с использованием чертежей, советов и указаний одного из ведущих архитекторов, основателя архитектурной школы – Дмитрия Васильевича Ухтомского. <…> Постройка Кафедрального собора в Хлынове

имела важнейшее значение для развития каменного дела на Вятской земле <…> Именно эта постройка способствовала быстрому распространению барокко в культовой архитектуре Вятской земли» [Тинский, 1994, с. 42–43].

148 Спасо-Преображенский Ново-Девичий монастырь был основан в Хлынове в 1624 г. «Преображенский каменный храм освящен 12 сентября 1696 г. Домовая церковь Божьей Матери "Утоли скорбь и печали" построена в 1883 г. Монастырь функционировал до 1920-х гг. Ныне монастырский комплекс возвращен епархии» [Кокурина, 1996, с. 357].

149 «12 марта 1695 г. была выдана грамота на построение в Хлынове Воскресенского собора. В марте 1700 г. мастера региональной школы каменного зодчества во главе с И. И. Никоновым начали кирпичную кладку храма. Разрушен в 1930-х гг.» [Там же, с. 358].

150 «В 1693 г. в Хлынове была закончена постройка каменной Спасской церкви, поврежденной пожаром 1752 г. Восстановлен собор в 1760 г., в 1769–1797 гг. он перестраивался, шли строительные и отделочные работы. Решен собор в духе раннего классицизма. Колокольня и восьмерик его разобраны в 1930-х гг.» [Там же, с. 358].

151 «В январе 1580 г. в городе Хлынове появился уроженец Мезенского края, некогда наемный работник в строгановских вотчинах, пустынножитель и монах Трифон. Через несколько недель от имени всех пяти вятских городов он отправился в Москву хлопотать об основании в Хлынове мужского монастыря. В конце марта московский митрополит Антоний выдал ему храмозданную грамоту (разрешение на постройку церкви), рукоположение в сан иеромонаха и назначение строителем и настоятелем будущего монастыря. От Ивана Грозного Трифон получил царскую грамоту на земли» [Тинский, 1996 б, с. 48]. «Архитектурный ансамбль соборной площади Вятского Успенского Трифонова мужского монастыря создавался более 250 лет, сохранив свою первоначальную планировку. После 1918 г. монастырь был закрыт и утратил ряд своих памятников <…> С 1970-х гг. ведется планомерная реконструкция монастыря. После передачи памятника в ведение Вятской епархии, монастырь вновь стал действующим. В 1589 г. на территории монастыря была завершена «постройка деревянного шестишатрового Успенского храма Трифонова монастыря, отражающего единение вятских городов. Разобран в 1664 г. В 1684 г.

при епископе Ионе Баранове начались работы по строительству каменного храма. Успенский собор был освящен 31 мая 1689 г.» [Кокурина, 1996, с. 356–357].

152 В 1839 г. состоялась торжественная закладка Александро-Невского собора. Проект храма был выполнен в 1838 г. А. Л. Витбергом во имя Александра I, посетившего город Вятку в 1824 г. «Закончено строительство монументального, необычного храма, нарушившего устоявшиеся каноны построения русских православных церквей, в 1864 г. Собор нес в себе черты эклектики – смешения архитектурных стилей разных эпох, но воспринимался как единое и соразмерное целое. Взорван в июне 1937 г.» [Там же, с. 364].

153 Александр Лаврентьевич Витберг (1787–1855) – архитектор и художник. «Окончил Академию художеств по классу живописи в 1809 г., архитектуру изучал самостоятельно. Автор конкурсного проекта храма-памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 г. (заложен в 1817 г. на Воробьевых горах в Москве, не выстроен). В 1835–1840 гг. находился в вятской ссылке. Автор проекта Александро-Невского собора в Вятке (1839–1864), ограды и портала Александровского (ныне Степана Халтурина) сада, нескольких выполненных в ссылке живописных работ и неосуществленного проекта музея и публичной библиотеки» [Тинский, 1996 а, с. 279].

154 Александр Степанович Верещагин (1835–1908) – историк, исследователь Вятского края. В 1881 г. он составил первый сборник исторических источников о Вятке – «Древние акты, относящиеся к истории Вятского края», в 1905–1908 гг. был редактором «Трудов Вятской ученой архивной комиссии». Им были опубликованы важнейшие памятники вятской письменности конца XVII – начала XVIII вв.: «Сказания русских летописцев о Вятке», «Летописец старых лет», «Вятский временник», «Повесть о стране Вятской», «Повести о Великорецкой иконе Святителя Николая». См.: [Бердинских, 1996, с. 81–82].

155 Возможно, Ляпунов имел в виду Петровскую сельскохозяйственную академию – высшее аграрное учебное заведение в Российской империи. Курс обучения был ориентирован на практическую работу в земских учреждениях, управление имениями.

156 В городе Вятке были выполнены записи песен от Дарьи Алексеевны Домниной, 30 лет, родом из села Селезеневского (Селезениха) Селезеневской волости Вятского уезда. Она исполнила песни, связанные с хореографическим движением – «Стоял тоненькой,

зелененькой садок» – «плясовая» [Песни русского народа … , 1899, № 15, с. 161]; «Во заводе были мы» – «рождественская» [Там же. № 25, с. 175]; а также – лирическую песню «Из-за лесу, из-за гор» [Там же. № 8, с. 200–201].

157 В селе Кстининском Кстининской волости Вятского уезда и губернии записи производились от народных исполнителей, пришедших из деревни Березовки. Крестьянка Авд[отья] Ив[ановна] Иванова, 40 лет, с 2 певицами пели свадебные песни: «Ой, растоплялася банюшка» – «на сговорах» [Песни русского народа … , 1889, № 13, с. 99–100]; «Ошше хто по саду ходит» – «на девишнике» [Там же. № 19, с. 108–109]; «Летел орел, лебедь белая» – «на девишнике» [Там же. 1899. № 20, с. 109–110]. Крестьянин Ив[ан] Петр[ович] Орлов с 2 товарищами исполнили лирическую песню – «Не во полюшке есть погодушка» – «любовная» [Там же. № 18, с. 212–213].

158 В деревне Шебаховской Чертищевской волости Нолинского уезда Вятской губернии от крестьянина Яко[ва] Петр[овича] Папулова, 41 года, была записана лирическая песня «Ой уж вы луги мои, луги зеленые» – «тюремная» [Песни русского народа … , 1899, № 53, с. 266–267]. В «Дневнике путешествия» С. М. Ляпунов указывает, что от нескольких мужчин-певцов были записаны 4 песни.

159 «Не листочки шумят» – лирическая песня. Ляпуновым в Записной книжке № 13 был сделан лишь черновой набросок песни (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 13. Л. 10).

160 В деревне Шебаховской Чертищевской волости Нолинского уезда Вятской губернии от певца Якова Петровича Папулова, 41 года, была записана лирическая песня («тюремная») «Ой уж вы луги мои, луги зеленые» [Песни русского народа … , 1899, № 53, с. 266–268].

161 Песни из Александровской волости в сборнике не представлены.

162 Слобода Кукарка как крепость и центр русской колонизации на юге вятского края была основана в XVI в. почти одновременно с появлением таких русских крепостей, как Уржум, Яранск, Малмыж. Вероятно, она основана на месте марийского поселения. Название слободы, скорее всего, марийского происхождения: от слов «кук» («кугу») – «большой» и «кар» – «селение» или «карга» – «ковш». Местное население занималось торговлей, ремеслами, кустарными промыслами, отходничеством. См.: [Бердинских, 1994, с. 252–266].

163 Еще в XVII в. в Жерновогорье велась добыча мягкого известняка опоки. Опочный камень расходовался на строительство

церквей, для фундаментов домов и надгробий. См.: [Бердинских, 1994, с. 263].

164 Земская школа кружевниц в Кукарке была организована в 1893 г. Одной из основательниц и покровительниц школы была жена местного земского врача Анастасия Григорьевна Афанасьева. Она составляла ежегодные отчеты о деятельности школы в качестве дополнительного приложения к ежегодному Докладу губернской земской управы губернскому земскому собранию «О развитии кустарных промыслов в Вятской губернии». См.: Русакова Е. Добровольный покровитель в слободе Кукарке // Школа online обучения кружевоплетению. URL: http://krugevo.com/dobrovolnyj-pokrovitel-v-slobode-kukarke/#more-4273 (дата обращения: 01.12.2014).

165 Семейный клан Якимовых был крупнейшим судовладельцем края, они держали монополию на рынке пассажирских сообщений по реке Белой, а также занимались грузоперевозками. См.: Роднов М. И., Дегтярев А. Н. Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008 // Речная старина. URL: http://www.oldriver.ru/Page.php?quest=&qstart=&PID=333&MID=165&start=(дата обращения: 01.12.2014).

166 В Нолинской волости был развит промысел – нищенство. Сунские нищие ходили целыми семьями на ярмарках, за иконами во время крестных ходов. Пели стихи, собирали подаяние. См.: [Отчет об экспедиции … , 1894, с. 340].

167 [Песни русского народа … , 1899, № 5, с. 21–26]. В деревне Печенкино Ильинской волости Яранского уезда духовные стихи были записаны от крестьянина Федора Васильевича Михеева, 46 лет, (слепого). Ему помогала жена – Марья Давидовна Михеева, 44 лет. Записи духовных стихов, выполненные Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым, имеют большую научную ценность. В XX веке эпическая традиция в Кировской области (бывшей Вятской губернии) была утрачена.

168 [Песни русского народа … , 1899, № 9, с. 32–35].

169 [Там же. № 4, с. 11–20].

170 [Там же. № 3, с. 8–11]. Тексты этих стихов Ф. М. Истоминым были записаны не полностью. Вероятно, выпущенными оказались фрагменты, которые были известны собирателю по вариантам фиксации вариантов этих стихов в Вологодской губернии. В сборнике «Песни русского народа» (1899) купюры обозначены прочерками.

171 [Песни русского народа … , 1899, № 8, с. 31].

172 Фотография в фонде С. М. Ляпунова отсутствует.

173 Фотография хранится в фонде С. М. Ляпунова: «Вид слободы Кукарка (Яранского у[езда] Вятской губ[ернии])». (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 21).

174 Фотография в фонде С. М. Ляпунова отсутствует.

175 Водозёрская волость – на 1875 г. это административно-территориальная единица в составе Яранского уезда, насчитывающая 1886 дворов, численность населения – около 16 тысяч человек. [Статистическое описание … , 1875, с. 30].

176 К удельным крестьянам относились крестьяне, проживавшие на удельных землях и принадлежавшие императорской семье. Крестьяне платили оброк и несли государственные повинности.

177 Неразборчиво, возможно, «образовали».

178 В Записной книжке № 13 С. М. Ляпунова содержатся два фрагмента черновых набросков без подтекстовки, а также набросок напева лирической песни с подтекстовкой одной строки «Травка муравая да девка молодая». Запись 21 августа 1893 г. из д. Миклянур Водозерской волости Яранского уезда (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 13. Л. 16–16 об).

179 Песни, которые звучали в деревне Кугланур, не были записаны участниками экспедиции.

180 У Ляпунова – «тракту».

181 В 1845 г. в городе Яранске по повторно использованному проекту столичного архитектора К. А. Тона была заложена Троицкая церковь, построенная в 1857 г. Ныне сохранилась колокольня Старо-Троицкого собора постройки 1689 г. См.: [Кокурина, 1996, с. 364].

182 Черемисы – принятое в XIX в. наименование марийцев, принадлежащих к угро-финской группе народов. В XIX в. центрами поселений черемисов являлись Уржумский, Яранский уезды Вятской губернии, а также Казанская губерния.

183 Традиционный марийский музыкальный инструмент – гусли (кусле – у луговых мари, карш – у горных) – струнный щипковый инструмент, который был распространен во всех районах проживания марийцев с древних времен. До начала XX столетия кусле являлось одним из самых распространенных и любимых музыкальных инструментов народа мари, был неотъемлемой частью древнейших культов. Многие языческие моления в священных рощах в качестве непременного ритуала включали и игру на кусле. С. М. Ляпуновым произведена фиксация строя и выполнена

нотация наигрыша на марийских кусле (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 7. Л. 25 об.–26 об.).

184 В сборник «Песни русского народа» (1899) нотации наигрышей не вошли, однако наброски сохранились в Записной книжке № 7 С. М. Ляпунова (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 7. Л. 25 об.–26 об.). В фольклорной экспедиции Санкт-Петербургской консерватории 2010 года в Яранский район Кировской области было зафиксировано бытование марийских гуслей, записаны наигрыши на этом инструменте.

185 В экспедиции Санкт-Петербургской консерватории в Уржумский район Кировской области в 2009 году среди марийцев зафиксирован инструмент типа волынки, именуемый «шувыр», а также образцы инструментальных наигрышей. См.: [Лобкова, Шейченко, 2012, с. 39–40].

186 У С. М. Ляпунова – «Кугу-сарта». Кугу-сорта – секта, объединившая традиционную веру марийцев (черемис) с элементами русского православия. Возникла в 70-х годах XIX в. в среде крещеных марийцев Яранского уезда Вятской губернии. На формирование вероучения секты оказали незначительное влияние неоднократные попытки исламизации марийцев со стороны татар. Сектанты производят жертвоприношения в виде сжигания хлеба. Название секты происходит от использования при богослужениях большой свечи с несколькими конопляными фитилями, весом в 15–20 кг., называемой «кугу-сорта». Эта свеча зажигается только во время торжественных служб или стихийных бедствий. Малые свечи во время богослужения ставятся в деревянные липовые чашки, наполненные разным зерном. См.: [Кузнецов, 1908, с. 1–59].

187 Фотография хранится в фонде С. М. Ляпунова «Черемисская деревня близ станции Кукарка (Яранского у[езда] Вятской губ[ернии])» (ОР РНБ. Ф 451. Ед. хр. 404. Л. 22). На фотографии – музыканты с инструментами «кысля» (гусли) и «шибёр» (волынка).

188 В рукописи Л. 66–68 пронумерованы, но не заполнены. Возможно, Ляпунов оставил эти страницы незаполненными, чтобы подвести итог работе в Вятской губернии, аналогично тому, как это было сделано по результатам работы в Вологодской губернии.

189 Город Ветлуга известен с 1606 г., когда на месте современного города возникла деревня Шулепниково. Однако еще с XIII в. на его месте существовало крупное марийское поселение (город) под названием Юр. Лишь в середине XV в. эта территория входит сначала

в состав Галичского удельного княжества, а с созданием Русского централизованного государства в новообразованный Галичский уезд. В начале XVIII в. деревня Шулепниково (современный город Ветлуга) становится селом Верхнее Воскресение. В 1778 г. указом Екатерины II село было преобразовано в уездный город Ветлуга Костромского наместничества Унженской провинции. См.: Перминов А. В. История Ветлужского края // Журнал «Со-автор». URL: http://com.co-a.com/news/full/news/152-blog-educ-authors/644/1429.html (дата обращения: 01.12.2014).

190 В сборнике опубликованы две свадебные песни, записанные от крестьянок села Черного Тонкинской волости Варнавинского уезда Костромской губернии: Бушуевой Афрос[иньи] Мих[айловны], 34 лет, и Бушуевой Марьи Мих[айловны], 18 лет: «Ты рябина ли рябинушка» [Песни русского народа … , 1899, № 9, с. 95]; «Не было́ ветру́» [Там же. № 15, с. 102–103].

191 В селе Новоуспенском (Холкино) Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии собирателям пели: Авд[отья] Гавр[иловна] Сперанская, 34 лет, Параск[овья] Иван[овна] Троицкая, 51 года, крестьяне Прокоп[ий] Ефим[ович] Голубев, 57 лет, Фед[ор] Арк[адьевич] Цветков, 61 года, и Григ[орий] Ив[анович] Шкельдин, 55 лет. Были записаны свадебные песни: «Перепелочка, пташечка» – «на сговорах» [Песни русского народа … , 1899, № 8, с. 94]; «Ах, не было ветру́» – «на смотреньи» [Там же. № 16, с. 104–105]; «Как при вечере, вечере» – «на девичнике» [Там же. № 17, с. 106–107]; «У ворот, у воротичек» – «после венца» [Там же. № 27, с. 120–121]; «В огороде трава зелены́м зелена́» – «новобрачным» [Там же. № 36; с. 131]; «Ты кудрявчик, кудрявчик» – «величальная», «молодому» [Там же. № 39, с. 134]. Исполнялись песни, связанные с хореографическим движением: «Ох, детинка ли, детинка молодой» – «масленичная» [Там же. № 34, с. 187–188]; «Ты хозяин наш, ты хозяин» – «помочанская» [Там же. № 22, с. 171–172]. Среди лирических песен: «Ты зоря ли моя, зоря» [Там же. № 24, с. 221–222]; «Из-за лесу-ту, да лесу тёмнова» – «воинская» [Там же. № 43, с. 249–251].

192 Усадьба построена во второй половине XIX в. лесопромышленником Стюсси, швейцарцем по происхождению. Стюсси был одним из управляющих имением князя Трубецкова (крупнейшего землевладельца на данной территории), позднее он сам приобрел около двух тысяч десятин леса и стал крупным лесным собственником. См.: [Тумаков, 1989].

193 Фотографии хранятся в фонде С. М. Ляпунова. «Церковь в селе Белышеве Ветлужск[ого] у[езда] Костр[омской] губ[ернии]» (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 24).

194 В деревне Сосновке Туранской волости Варнавинского уезда Костромской губернии пели Пелагея Дм[итриевна] Широнова, 71 года, с 7 певицами от 28 до 60 лет, и крестьянин Фед[ор] Афанасьев, 31 года. Были записаны свадебные величальные песни: «Ишшо хто в пиру хорошенькой» – «молодому» [Песни русского народа … , 1899, № 37, с. 132]; «Виноградная ягодка» – «молодому» [Там же. № 40, с. 135]. Кроме этого были записаны игровая, «святочная» песня «Со вьюном я хожу» [Там же. № 28, с. 179] и лирическая «Ишше злое-то коренье» [Там же. № 35, с. 237–238].

195 Фотографии хранятся в фонде С. М. Ляпунова: «Станция Куекша в костромских лесах» (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 25); «В костромских лесах» (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 26).

196 Федор Егорович Крепиш – земский начальник уряднического участка в с. Малые Угоры Кологривского уезда Костромской губернии [Костромской календарь … , 1895, с. 189].

197 Фотографии хранятся в фонде С. М. Ляпунова: «С. М. Ляпунов на Унже» (Костр[омская] губ[ерния]) (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 27); «Ф. М. Истомин на Унже» (Костр[омская] губ[ерния]) (ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 404. Л. 28).

198 В деревне Шемякино Онуфриевской волости Кологривского уезда Костромской губернии свадебные песни пели крестьянки Кудряшовы – Марья Яковл[евна], 77 лет, и Аграфена Мокиевна, 53 лет: «Ой да што теки, потеки, матка быстра река» – «на девишнике» [Песни русского народа … , 1899, № 22, с. 112–114]; «Как у чарочки, у серебряныя» – «во время красного стола» [Там же. № 30, с. 124]. От них же была записана хороводная песня «Пошёл мо́лодец на гулянье» [Там же. № 8, с. 152–153].

199 Духовный стих исполнила Дарья Тимофеевна Кудряшова, 78 лет (слепая) из деревни Шемякино Онуфриевской волости Кологривского уезда [Песни русского народа … , 1899, № 7, с. 29–30].

200 Свято-Троицкий Макарьево-Унженский монастырь основан в 1439 г. преподобным Макарием и расположен на берегу реки Унжи. «В переписной книге 1628 г. записано: “В Унежской осаде волость Понизовская а в ней монастырь живоначальные Троицы, преподобного Макария Желтоводского и Унженского Чудотворца а в монастыре соборная церковь Троица теплая с трапезой, да дру-

гой храм во имя Чудотворца Макария, а третий храм на воротах во имя Николая Чудотворца да к тому монастырю вотчина-сельцо". К 1660 г. монастырь имел 847 крепостных крестьянских дворов. На богомолье в Макарьевский монастырь приезжали цари. В 1611 г. монастырь посетила вместе с сыном инокиня Марфа Ивановна, чтобы помолиться и попросить у Бога возвращения Филарета из плена в Польше. А в 1619 г. в монастырь на богомолье ездил Романов Михаил Федорович благодарить Бога за возвращение из Польши отца его» [Белоруков, 2000 а, с. 178].

201 В селе Никола-Торжок Верхне-Нейской волости Макарьевского уезда Костромской губернии для пения собрались крестьянки Фёкла Андр[еевна] Веселова, 69 лет, с девицами Ласкиной, Смирновой, Шиловой и Оникиной, от 15 до 20 лет. Среди свадебных песен, исполнявшихся «на сговорах», были записаны следующие: «Исполать же, подруженька» [Песни русского народа … , 1899, № 3, с. 89–90]; составители указывают на вариант этой песни в сборнике Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша [Песни русского народа … , 1894, с. 116–117]; «Уж вы, си́мена, си́мена», текст [Песни русского народа … , 1899, № 4, с. 91], «Залетал-то ясен сокол», текст [Там же. № 5, с. 92]; «Как на речке на быстрои», текст [Там же. № 6, с. 92]; «При последнем было́ вечере» – «на девишнике» [Там же. № 18, с. 107–108]; «Уж как во́ лузях» – «во время красного стола» [Там же. № 29, с. 123]. Также крестьянином Григ[орием] Миронов[ичем] Соколовым, 48 лет, была исполнена лирическая песня: «А-ой, да думка думушку, дума спобивает» – «любовная» [Там же. № 25, с. 222–223].

202 «Город Кадый основан в первой четверти XVI в., в период, когда на северовосточной окраине Московского государства создавался оборонительный рубеж для защиты от казанских татар. <…> Сама крепость имела форму треугольника, и по углам ее стояли башни с пушками. <…> В конце XVIII в. Кадый стал центром Кадыйского уезда. В описании 1780 г. записано: "Города Кадуя кремль площадью в одну десятину. Оный кремль лежит на низком месте реки Вотгати и речки Кадыевки и частию обнесен земляным валом-рвом с восточной и полуденной сторон. Внутри оного соборные церкви. Присутственных мест: уездный нижний земский суд и место для хранения казны. По обеим сторонам Вотгати – церкви, городовой магистрат, винный подвал, два питейных дома. Строение мещан и разночинцев сто пятьдесят, а в них

двести сорок две души мужеского пола и двести пятьдесят женского”» [Белоруков, 2000 б, с. 103]. Согласно указу от 12 декабря 1796 г. Кадыйский уезд был исключен из состава Костромского наместничества, упразднен, и город Кадый в качестве заштатного вошел в состав Макарьевского уезда. См.: [Государственный архив Костромской области … 2005, с. 249].

203 «Семеновское-Лапотное – одно из древнейших поселений Костромской области. По преданию, оно было известно еще при московском великом князе Симеоне Ивановиче Гордом и названо по его имени. Эпитет Лапотное село получило за обширную торговлю лаптями – основной обувью крестьян». [Белоруков, 2000 в, с. 271].

204 В селе Семеновском-Лапотном Семеновской волости Кинешемского уезда Костромской губернии причитала крестьянка Алекс[андра] Юдывна Соловьева, 50 лет: «А вы роздайтесь-ко ся, да добры́ люди» – «как к венцу поведут» [Песни русского народа … , 1899, № 13, с. 77]. Крестьянки Маремьяна Вас[ильевна] Пономарева, 52 лет, с 4 певицами, от 42 до 68 лет, исполнили свадебные песни: «Ты изменная изменщица» – «на сговорах» [Там же. № 1, с. 87–88]; «Вострубила трубонька» – «после венца» [Там же. № 24, с. 117–118]; «Ясно в тереме свечи горят» – «после венца» [Там же. № 25, с. 118–119]; «А разлилась, разлелеялась» – «после венца» [Там же. № 26, с. 119–120]. От крестьянина Никанора Яковлева, 56 лет, с 5 товарищами, от 35 до 58 лет, были записаны лирические песни: «Ах, уж вы ночи, мои ноченьки» – «любовная» [Там же. № 3, с. 194–195]; «Ай да напади-тко ты, роса» – «любовная» [Там же. № 13, с. 206–207]; «Закаталось красно солнце» – «воинская» [Там же. № 13, с. 261–262].

205 «Вопрос о времени и обстоятельствах возникновения Судиславля является одним из наиболее запутанных в костромском краеведении. <…> Впервые в источниках Судиславль упоминается в духовной грамоте Ивана Грозного от 1572 г., где, при перечислении городов, которые царь завещал своему младшему сыну Фёдору, наряду с Костромой, Любимом, Буем, Нерехтой и Большими Солями назван и “город Судиславль”» [Зонтиков, 2014, с. 5]. По другой версии Судиславль был основан конце X – начале XI вв. как город-крепость и получил свое название в честь младшего сына крестителя Руси, великого князя Киевского Владимира Святославича – Судислава Владимировича. Нынешний Судиславль – относительно небольшой поселок.

ОТЧЕТ

ОБ ЭКСПЕДИЦИИ ДЛЯ СОБИРАНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН С НАПЕВАМИ В 1893 ГОДУ Ф. М. ИСТОМИНА И С. М. ЛЯПУНОВА.

(ЧИТАНО В ОБЩЕМ СОБРАНИИ ИРГО 10-ГО МАРТА 1894 ГОДА).[1]

Отчет Ф. М. Истомина

15 октября 1892 г. председателем Песенной Комиссии Императорского Русского Географического Общества Т. И. Филипповым был лично представлен Государю Императору рукописный экземпляр песен, собранных мною и покойным Г. О. Дютшем во время первой песенной экспедиции в 1886 году.

Успех этой экспедиции вызвал особое Высочайшее благоволение к деятельности Императорского Русского Географического Общества в этом направлении и Его Величеству благоугодно было даровать средства на издание собранных песен и на снаряжение новой экспедиции с той же целью.

Во исполнение таковой Высочайшей воли, песни, собранные первой экспедицией, ныне изданы и новая экспедиция совершила истекшим летом поездку по губерниям Вологодской, Вятской и Костромской.

Этнографическая задача состоявшейся экспедиции вновь была возложена на меня, музыкальная же, за смертью Г. О. Дютша, возложена на члена-сотрудника Общества композитора С. М. Ляпунова.

Путь экспедиции[2]. Признавая полезным для дела установить связь новой экспедиции с трудами предшествовавшей, мы, по предварительно составленному общему плану, начали свои исследования с той части Вологодской губернии, которая не вошла еще в круг исследований экспедиции 1886 года.

13-го июня 1893 г., выступив из Вологды, мы направились в северо-западную часть уезда и, обследовав расположенные по берегу Кубенского озера 4 волости: Кубенскую, Новленскую, Березниковскую и Нефедовскую, к 19-му июня возвратились в тот же город, а 20-го, пользуясь Двинским пароходством, прибыли в Тотьму. За время с 21-го по 29-е июня обследовали Тотемский уезд в его наиболее удаленных и глухих частях, посетив на юго-восточной его окраине волость Бабозерскую и на северо-восточной – волость Бережнослободскую и, так называемую, Кокшеньгу в составе двух волостей: Шевденицкой и Спасской. Возвратившись снова в Тотьму, на двинском пароходе, к 5-му июля, прибыли в северную пограничную с Архангельской губернией часть Сольвычегодского уезда; обследовав здесь Афанасьевскую волость, направились к югу земской дорогой вдоль левого берега Двины, с остановкой для работы в заштатном городе Красноборске и окружающей его Ильинской волости; отсюда правым берегом Двины достигли, 10-го июля, Сольвычегодска. Поработав здесь, к 15-му июля по почтовому пути прибыли в Великий Устюг. Записав песни в городе, пригородной слободе Дымкове и совершив поездку в Востровскую волость, в 120 верстах вверх по течению Двины, 25-го июля направились к югу по Никольской почтовой дороге. Обследовав на пути волость Городецкую, 29-го июля достигли Никольска, где и работали до 3-го августа[3], совершив, между прочим, поездку в Кипшеньгу, лежащую в стороне от нашего пути. Выехав 3-го августа к югу по почтовой дороге, 6-го числа были уже в пределах Вятской губернии. Обследовав Киселевскую волость Котельничского уезда, 9-го августа проехали в Навалихинскую волость, расположенную в северной части Орловского уезда, откуда 10-го числа прибыли в Вятку. Записав здесь песни из Селезеневской волости, 15-го августа выехали к югу по направлению Нолинского почтового пути; обследовав волость Кстининскую, вступили в Нолинский уезд и, не доезжая города, свернули проселком в волости Чертыжевскую и Большеситнинскую, откуда 18-го августа прибыли в Кукарскую слободу Яранского уезда. Поработав здесь до 20-го числа, проселком же через Водозерскую волость проехали в Яранск, откуда через западную, черемисскую, часть этого уезда к 26-му августа прибыли в пределы Костромской губернии. Обследовав Тонкинскую волость Варнавинского уезда и Новоуспенскую волость Ветлужского уезда, через город

Ветлугу снова вступили в Варнавинский уезд и обследовали волость Туранскую. Затем, остановившись в Онуфринской волости Кологривского уезда, через город Унжу прибыли в Макарьев, откуда сделали поездку в Верхненейскую волость, расположенную в стороне от большой дороги, в северной части уезда. Следуя далее по почтовому пути через город Кадый, остановились в Семеновской волости Кинешемского уезда, откуда, через Судиславль, 8-го сентября прибыли в Кострому, где и закончили экспедиционные работы вследствие крайней трудности дальнейших передвижений по почтовым и земским дорогам, совершенно испорченным и размытым дождями, непрерывно лившими в течение всего августа месяца.

Таким образом, экспедицей обследовано в пяти уездах Вологодской губернии 14 волостей: 5 в Вологодском, 4 в Тотемском, две в Сольвычегодском, одна в Великоустюжском и две в Никольском и сверх того 4 города: Красноборск, Сольвычегодск, Великий Устюг и Никольск; в 5 уездах Вятской губернии 8 волостей: по одной в уездах Котельничском и Орловском и по две в уездах Вятском, Нолинском и Яранском, и в пяти уездах Костромской губернии 6 волостей; из них две в Варнавинском и по одной в Ветлужском, Кологривском, Макарьевском и Кинешемском. Всего же в 15 уездах трех губерний – 28 волостей и 4 города. Населенных мест в названных волостях вместе с городами обследовано 37; из них 21 – в Вологодской губернии, 10 – в Вятской и 6 – в Костромской.

Общее протяжение обследованного пространства составляет более 2600 верст, не включая сюда пути по Двине от Вологды до Тотьмы и от Тотьмы до северной части Сольвычегодского уезда, а также и пути от Петербурга до Вологды и от Костромы до Петербурга. На разъезды по Вологодской губернии приходится до 1600 верст, по Вятской – 500 верст с лишком и около 500 верст по Костромской.

37 рабочих остановок на 2600-верстном протяжении дают в среднем 70-верстное между ними расстояние, в частности, значительно видоизменяющееся однако в ту и другую стороны в зависимости от различных местных условий.

Способ собирания песен. Предварительный план путешествия был составлен лишь в общих чертах. При выполнении подробностей его, т. е. при выборе мест для остановок, мы по

большей части руководились уже указаниями знатоков края из местных чиновников и земских деятелей, которые имеют непосредственные сношения с народом. Иногда такие указания приносили нам существенную пользу, и при этом случае нельзя не вспомнить с благодарностью о всех, кто с полной готовностью оказывал нам возможное содействие.

Остановившись в избранных по тем или другим соображениям селе или деревне, мы, прежде всего, обращались к местным властям, которые, по предъявлению с нашей стороны губернских или земских предписаний, немедленно выражали готовность исполнить все, что по указаниям нашим необходимо было для успешного выполнения возложенного на нас поручения. После этого мы вступали в беседу о современном состоянии песенного дела в их местности и, хотя сведения получались неутешительные, беседа заканчивалась все-таки указанием на десяток, а иногда и более, крестьян и крестьянок, разумеется, уже не молодых, которые слывут за певунов и, наверно, помнят еще старые дедовские песни. Таких певцов и певиц мы и поручали собрать; при этом время выбирали свободное для крестьян и народ для наших занятий от работ не отнимали. Таким временем были праздники или вечерние после работ часы, или же ненастные дни, когда народ в поле не уходит.

После долгих иногда ожиданий и томлений: явятся ли певцы и внесут ли что-нибудь новое в наш сбор, наступало, наконец, назначенное время и представители песенного дела, в сопровождении толпы однодеревенцев, входили в нашу избу, крестились на иконы и, почтительно приветствуя нас, останавливались в недоумении: для чего, мол, могли понадобиться песенники петербургским заезжим чиновникам? Разъяснение столь естественных недоумений лежало обыкновенно на мне. Дружелюбно ответив на приветствия, я обращался к собравшимся с простою речью, в которой говорил приблизительно следующее: «Не для потехи своей пригласили мы вас, а для того, чтобы вы пособили нам сослужить важную и добрую службу. Неладные ныне песни поются в народе. Ничего в них нет хорошего – ни красоты, ни смысла, а чаще всего одно бесстыдство. Такие ли песни пелись в старину? И красота в них – любо послушать; и правды в них много: горе, так горе – сердцем чуешь; веселье – так душа радуется! Однако много ли осталось этих старых песен? Многие ли их помнят? А

перемрут старики и вовсе пропадет это русское добро, о котором даже в чужих землях добрая слава прошла. И останутся в народе одни новомодные неладные песни и будут по ним молодые учиться бесстыдству. Этому горю надо пособить. И вот ученые русские люди надумали собрать, пока еще не поздно, хоть то, что уцелело, списать старые песни, напечатать их в книжку и тем закрепить их на веки вечные. Сам Государь соизволил одобрить это дело, Всемилостивейше даровал на то деньги, и вот послали нас разъезжать по деревням да собирать добрую старинку на пользу общую. Не к первым к вам приехали мы, и собрано уже немало. Теперь до вас дошел черед; порадейте и вы общему делу, пропойте нам, кто что припомнит, а мы спишем и напевы, и слова, отвезем ваши песни в Петербург, там напечатаем и имена ваши проставим. Придет книжка в ваши школы; выучат старую песню молодые, прочитают знакомое имя, спасибо скажут и добром помянут вас за хорошую науку...».

После таких речей недоумевающие лица прояснялись, наступало оживление и раздавались сочувственные возгласы, что действительно совсем худые пошли ныне песни, а старая добрая песня забываться стала, мало кто помнит, да и те давно уж не поют.

Наступали у певцов длинные переговоры о том, какие бы песни пропеть, и нескончаемые сваливания друг на друга разных преимуществ, дающих право первому запеть песню. Много проходило времени, прежде чем кто-нибудь из певцов после наших уговоров и подбадриваний решался, наконец, выступить первым. Песню подхватывали другие и дело начиналось. Как только заканчивали песню, я сейчас же прочитывал вслух свою запись и спрашивал: «Верно ли списал?» – «Верно, верно!» – говорили изумленные певцы и тут же убеждались, что действительно дело не на шутку и не зря созвали их петь песни.

Легче подбиралась вторая и третья песня. Невольно водворялось затем песенное настроение; всякие служебные отношения забывались и при общем воодушевлении кипела общая сознательная работа, в которой принимала участие и толпа присутствующих, подсказывая певцам ту или другую песню. Но не без разбору принимали такие советы избранные певцы. «Нет, то не старая песня, – говорил кто-нибудь из них, – не боле, как годов тридцать она поется; а вот песня, еще от деда я слыхал ее; то уж "столетны", "досельны песни"».

Весело и приятно было работать заодно с народом, особенно при удачном составе певцов и хорошем подборе песен. Но нужно было иметь большой запас терпения, чтобы выдерживать пытку, когда дело не ладилось и песню за песней приходилось браковать, но не прекращать работы в надежде услышать что-нибудь заслуживающее внимания.

Сознательно служа общему делу, певцы отдавали себя в полное наше распоряжение. Не смущались они нашей браковкой песен, почему-либо неудачных; охотно и старательно повторяли иногда по несколько раз одну и ту же песню, если это нужно было для проверки записанного напева или слов; терпеливо выжидали они, покуда С. М. Ляпунов подлаживал записанные мною слова под напев, им записанный. Во время этих промежутков, иногда шуткой, иногда дельным замечанием я старался поддерживать в них песенное настроение. По шести, по семи часов подряд приходилось иногда высиживать у нас певцам, и покуда не истощался весь запас их памяти, и за все это время толпа не покидала своих представителей, с сочувствием и вниманием следя за нашей работой.

Женщины не так легко усваивали сущность нашей задачи, гораздо больше нужно было с ними говорить, чтобы вызвать в них сочувственное отношение, которое и выражалось иногда в словах: «Што за оказия – старину стали подымать!». Больших трудов стоило уговорить их начать дело; но раз оно начиналось, беспрепятственное продолжение было уже обеспечено. Бывали случаи, когда присутствовавшие в толпе девушки, увлекаемые общим песенным настроением, выступали вперед и с успехом продолжали дело, начатое пожилыми.

В составе певцов и певиц нередко были крестьяне и крестьянки разных, хотя и близких деревень, но несколько различно певших одни и те же песни, и дело вследствие этого не ладилось, пока не удавалось разделить их на отдельные партии, с которыми мы и работали посменно: одни пели, другие отдыхали и в это время припоминали и подбирали песни получше и постарше.

Так шли наши работы с певцами и певицами отдельно, причем в состав их одновременно входило: крестьян от 2 до 14, крестьянок – от 2 до 18; чаще же всего тех и других было от 4 до 6. Записи песен с одного голоса были очень редки, за исключением, конечно, былины, духовных стихов и причитаний.

Всех певцов прослушано нами 121 и певиц 101; всего же 222 человека.

По окончании работ я записывал поименно всех певцов и певиц, обозначал лета их и название деревни, в которой они проживают. Вслед за тем каждому певцу и певице выдавалось жалованье – от 15 копеек и до 1 рубля на человека, смотря по количеству народа и по качеству работы; сверх того девушкам выдавались иногда незатейливые конфеты. Выдача денег почти всегда являлась для крестьян совершенно неожиданной и довершала полное удовольствие наших певцов и певиц. Иногда приходилось кого-нибудь из поющих отпускать раньше других и выдавать ему жалованье. Это обстоятельство нередко выдвигало из толпы новых певцов, не выступавших ранее потому лишь, что их не приглашали. С другой стороны, к чести крестьян нужно сказать, что многие из них принимали деньги лишь после усиленных отказов.

Освободившись от такой своеобразной работы, крестьяне обыкновенно спешили вознаградить себя за труд немедленной выпивкой на случайный и неожиданный заработок. Вскоре деревня оглашалась размашистым пением тех же песен, но уже в исполнении далеко не представляющем удобства для их записывания.

Напутствуемые добрыми пожеланиями толпы и песнями подгулявших певцов, мы направлялись к месту следующей остановки, где и воспроизводили от начала до конца тот же самый прием.

Вот способ записывания песен, которым мы пользовались почти исключительно.

Очень часто, и в провинции, и здесь в столице, люди интересующиеся спрашивали нас, каким путем удавалось нам добиться от крестьян песен. «Ведь уж, наверное, – говорили они, – вам нужно было подпаивать народ, выставлять ему угощение?» – «Нет, не приходилось», – отвечали мы, указывая на способ мною описанный.

Разумеется, нетрудно было, собрав народ, выставив ему полведра водки, расставить наливок и сластей для женщин, устроить пир и вызвать веселье, среди которого непринужденные песни запелись бы сами собой; оставалось бы слушать да записывать. Дело достигалось бы скорее и проще; не приходилось бы тратить время на скучное толкование об одном и том же в 37 местах, на

бесконечные ожидания, уговоры и пр. Но в этом случае наша цель едва ли могла оправдывать предполагаемое средство. В задачи на нас возложенные никоим образом не могло входить заведомое поощрение народного пьянства. Особые условия нашей экспедиции обязывали нас по возможности нести в народ здравые начала и поощрять качества иного рода. При высоком положении, которое занимали мы в глазах народа, грешно было бы не воспользоваться случаем, чтобы не внести в него хоть искру сознательного добра. Не подобало нам похищать песни у полупьяных крестьян, оставляя на произвол судьбы и тем как бы одобряя современное печальное положение песенного дела. Напротив, все благоприятствовало тому, чтобы, ничем не прикрываясь, мы выступили перед народом лицом к лицу и веским словом указали бы ему его больное место. Но, сделав такое указание, не следовало оставаться на почве бесплодной проповеди, а закрепить пробужденное сознание привлечением самих же крестьян к личному участию их в возможном устранении зла.

Одно высокое положение не могло еще в этом случае обеспечивать успеха. Крестьяне, быть может, беспрекословно, но и бессознательно исполнили бы «приказание», которое они не привыкли отделять от высокого положения; но не к этому мы стремились, нам нужно было их сознательное участие, и оно оказывалось достижимым при сочетании нашего положения с простотой речи и нашей доступностью народу. Крестьяне знали, что имеют дело с «высокими посланцами», но в то же время видели пред собой людей простых, к ним расположенных, в речах которых вместо ожидаемых приказаний слышалось дружественное обращение и доверчивое приглашение «пособить общему делу».

Эта неожиданность и это доверие располагали крестьян не только к нам, но и к нашему делу. Почуяв доверие, они всячески старались его оправдать и этим явили многократные доказательства того, что при открытом и доверчивом, но в то же время умелом обращении – с русским крестьянином многого можно достигнуть.

Нередкая удача при нашем сборе этих «трезвых» песен во многих местах, быть может, самим же крестьянам на деле доказала, что хорошая русская песня не нуждается ни в кабаке, ни в пьянстве. Вместе с тем можно надеяться, что наши обращения к пожилым крестьянам в присутствии молодых, если не во всех

37 местах, то хоть в некоторых из них, не останутся бесследными и для общего положения дела. «Вот это хорошо, – говорили, напутствуя нас, пожилые крестьяне, – теперь и нам будет на что упереться, как молодежь шибко забалуется!».

Один из существенных недостатков, который не лишне иметь в виду при будущем применении этого способа собирания песен, характеризуется сочувственными словами наших певцов: «Эх, кабы заране! Вдруг всего не вспомнишь...». Но и тот недостаток до известной степени восполнялся при общих и дружных усилиях всех собравшихся перед нами крестьян.

Опыт двух экспедиций и неоднократные наблюдения над населением, по крайней мере, северных губерний России, привели меня к убеждению в наибольшей целесообразности принятого нами способа собирания песен предпочтительно перед другими, применявшимися в прежнее время.

Нынешняя осмотрительность народа и подозрительность в обращении с неизвестными ему людьми не обещают успеха собирателю песен, если он под видом частного любителя задумал путешествовать из села в село, в надежде на особенное расположение крестьян к частному человеку. Прежде всего, он встретил бы опрос, что за человек, есть ли паспорт и во всяком случае был бы препровожден к местной власти. С другой стороны, при современном упадке старинной песни, бесплодным оказалось бы даже продолжительное прислушивание к случайному пению народному. Хорошую старую песню редко где удается ныне подслушать случайно; в народном обиходе таких песен теперь почти нет, их можно услышать лишь по заказу, и то с трудом вызывая из памяти людей пожилых.

Поневоле нужно убеждаться, что все эти приемы были доступны лишь в доброе старое время; теперь же необходимо считаться с новыми условиями народного быта и, применяясь к ним, искать новых приемов. Способ, которым пользовались мы, является посильным опытом разрешения этой нелегкой современной задачи.

Итоги собранных материалов. Описанный способ доставил нам следующий сбор: мною записано 278 песен разного наименования и С. М. Ляпуновым 265 соответствующих им напевов. Сюда вошли 10 духовных стихов, 1 былина, 7 коляд, 21 причитание, 49 свадебных песен, 64 хороводных и 126 про-

тяжных. Из общего числа 155 песен записаны в Вологодской губернии, 61 в Вятской и 62 в Костромской.

Из 10 духовных стихов 3 записаны в Тотемском уезде Вологодской губернии, 5 в Яранском уезде Вятской губернии и 2 в Кологривском уезде Костромской губернии. Из 2 наших певцов и 3 певиц только 2 певицы были зрячие, из них одна сопровождает слепого мужа, остальные – слепцы или темные, как они себя называют.

В Вологодской и Костромской губерниях этот род песнопения носит название стихов, в Вятской же называется пропевами и составляет специальность так называемых Сунских[4] или вятских нищих, которые в качестве калек: слепых, хромых, безруких и безногих образуют огромные сборища и сопровождают многочисленные в Вятской епархии хождения с иконами. В силу обычая, присутствие нищих в этом случае признается настолько необходимым, что для передвижения их из села в село следом за иконами на мирской счет снаряжаются по несколько подвод. Вятские нищие отдельными партиями нередко уходят и за пределы Вятской епархии, распевая свои пропевы в более или менее известных обителях и пу́стынях, привлекающих к себе многочисленных богомольцев.

Единственная, при всей тщательности розысков, былина записана в Тотемском уезде Вологодской губернии. Весьма интересная по новизне своего содержания былина эта, повествующая о борьбе Ильи Муромца с царем Куркасом, к сожалению, не представляет, по мнению С. М. Ляпунова, большого интереса в музыкальном отношении. Ее пропел нам крестьянин Раменской Слободки, Бережнослободской волости, 67-летний старец Александр Иванов Безвытной.

Коляды записаны нами в Вологодской губернии, из них 5 в Великоустюжском уезде и 2 в городе Никольске.

В одном из заседаний Отделения Этнографии в 1892 году И. А. Шляпкин[5], сообщая о поездке своей в город Устюг, между прочим указал на былину: «По морю, морю Хвалынскому» и т. д., записанную им от устюжского каменщика И. Ф. Говорова, по словам которого былина эта распевалась прежде в Устюге, как коляда на Рождестве.

Воспользовавшись этим интересным указанием, мы разыскали Говорова, оказавшегося кровельщиком, проживающим в при-

городной устюжской слободе Дымково, и наряду с другими песнями записали от него две коляды, из которых одна и составляет былину, записанную г[осподина] Шляпкиным. В селе Бобровском, в 120 верстах от Устюга, наши певцы, в составе 14 человек, пропели одну из коляд, записанных от Говорова, которую они назвали малым колядьем, и новую коляду – великое виноградье; там же записаны две колядных припевки – вступительная и заключительная. В городе Никольске мальчики пропели нам одно из малых виноградий вместе с особыми вступительными словами и заключительную припевку.

При ближайшем ознакомлении с этими колядами нужно придти к заключению, что они лишь некоторыми чертами своего содержания напоминая былину, составляют, однако, совершенно особый род великорусских песнопений.

Судя по твердости, с которой держится коляда в памяти Говорова и бобровских певцов, она еще не так давно была в обычае устюжан. В Никольске колядуют теперь только мальчики, но в Устюжском уезде, по рассказам наших певцов, коляда в прежнее время была достоянием и взрослых людей.

С Рождества до Крещенья, часу в восьмом вечера, собиралась толпа взрослых колядников, в городе и больших селах достигавшая иногда до 100 человек, и колядовала перед окнами домов, возя с собой на дровнях огромную звезду или вертеп, сооруженный из дерева и разноцветной слюды, освещаемой изнутри зажженною свечой. После вступительных колядок, начинающихся словами: «Пришел еси к воротам. Дома ли хозяин» и т. д., как в селе Бобровском, или: «Ты позволь, позволь хозяин, коляду нам рассказать», как поют в Никольске – колядники исполняли виноградья: «Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю городу» и т. д., или: «Уж как по морю, морю синему» и т. д. Великое виноградье: «Среди сильна царства Россейского, среди кремля Красна города» и т. д. пелось только накануне Нового года. Коляда исчерпывается этими виноградьями, распеваемыми везде на один напев; других колядок не существует, за исключением лишь вступительных припевов к ним и заключителъных – на тот случай, когда не подадут колядникам, или «худо подадут». В устюжском уезде в таких случаях припевали «кота», содержащего в себе некоторую угрозу скупой хозяйке; в Никольске же мальчики припевают «ерша».

В большинстве случаев, однако, колядников в старину щедро награждали: кроме пирогов и прочего съестного, раздаваемого хозяйками, у окон домов выставлялись целые ушаты с ромом.

Из причитаний – 19 свадебных, 2 рекрутских и 1 похоронное записаны в Вологодском, Тотемском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии и только 3 свадебных в Варнавинском, Кологривском и Кинешемском уездах Костромской губернии. Что касается до Вятской губернии, то в посещенных нами местах ее вместе с утратою многих подробностей старинного свадебного обряда, исчезли, по-видимому, и причитания.

Этот род поэзии, известный в Архангельской и Олонецкой губерниях под именем причети – в Вологодской и Костромской губерниях называется причётами, или точнее – прицётами, лишь в Никольске он отмечен названием: плакашки. Все причеты и плакашки записаны исключительно от пожилых женщин-причетниц, еще довольно многочисленных в Вологодской губернии и очень редких уже в Костромской, причем, костромские причетницы причитают только на один голос, т. е. у каждой из них для всех случаев имеется только один напев.

В известных местах сложного свадебного обряда причетницы произносят некоторые стихи говором, т. е. не поют, а говорят. Так, например, причетница в деревне Мумаихе Бабозерской волости Тотемского уезда Вологодской губернии сообщила, что при первом выводе невесты перед женихом говором произносятся следующие стихи:

Здравствуйте, господа свадебжана!
Господа, на ноги ставайте,
Шапоцьки снимайте,
Нам поклон отдайте;
Нашего красна золота смотрите,
Свое цисто серебро кажите.
Мы люди не бедные,
Давайте нам денежки не медныя:
Серебро да бумажки.
Мы станем вас дарить назад
Платкам, красным рубашкам.
Дарки наши примите,
Невестку любите,

По-матерну не браните!
Мила как наша невеста,
За руцьку бери да за стол поведи,
А как не мила наша невеста,
Дак шапоцьки возьмите, да вон подите!

Таким же го́вором в Нефедовской волости одна девица произносила очень длинные стихи так называемого «Зайчика». Держа на руке искусно сделанное из небольшого платка подобие зайца, особенным движением этой руки она заставляет зайчика прыгать на стол против того, кому причитает, восхваляя достоинства этого лица и заканчивая стихи обращением положить на зайчика побольше денег.

Го́вором же произносят свои бесконечные иногда стихи свадебные дру́жки; в числе их есть большие мастера своего дела, пользующиеся громкой известностью и за пределами своей волости. С уменьшением числа причетниц выдающаяся роль при свадебном обряде переходит, по-видимому, к этим дру́жкам. При отсутствии причетниц в посещенных нами местностях Вятской губернии, как бы взамен их, нередко выступали дру́жки.

Свадебные песни еще не забываются; во всех посещенных нами губерниях их поют не только пожилые крестьянки, но и молодые крестьянские девицы.

Из 49 свадебных песен 14 записаны в Вологодской губернии, 17 в Вятской и 18 в Костромской.

Хороводных и обрядовых песен на этот раз оказалось гораздо больше, нежели в губерниях Архангельской и Олонецкой, где их записано 12. В эту экспедицию их собрано 64, причем в Вологодской губернии – 33, в Вятской – 20 и в Костромской– 11.

Хоровод, судя по уцелевшим остаткам его, еще не так давно был в обычае местных крестьян, особенно в Вологодской губернии. Здесь сохранилось еще старинное название хороводных песен: «Прежде колодо́нны песни на гулянье были», – говорила нам пожилая женщина в Кубенской волости.

Наиболее же распространенное название песен, распеваемых на гулянье, при посиделках и на беседах – песни кареводныя или круговые. Сохранился еще некоторый порядок хоровода; так, нами записана песня: «первый кружок», которая поется для сбора в хоровод, отмечена и

песня непосредственно следующая за первым кружком: как наберут.

В большей части этих песен соответствующие им хороводы, однако, не уцелели, сообщив некоторым из них лишь свои названия; так, например, записаны песни ковровые, получившие свое имя от хороводного танца – ковра вышивать. Действия хоровода называются игрой. Песню «Мы вечор просу сеяли, сеяли» сопровождает игра, состоящая в том, что участники хоровода становятся друг против друга в два ряда, каждый ряд поет свое колено, и в соответствующих местах, по требованию песни, девица переходит из одного ряда в другой.

Песни плясового характера без игры называются крутыми.

Из приуроченных к праздникам в Вологодской губернии отмечены песни троицкие и особенно многочисленные – святочные, по местному произношению – свято́шные. Одна из таких свято́шных песен, под названием «кума», сопровождается следующей игрой: повалят на пол девушку, закроют ей фартуком глаза, станут в кружок и запоют медленно: «Здорова ты, кума», и т. д.; вторую часть песни, в соответственном месте, запоют весело, запляшут кругом и «в долони зацикают», т. е. захлопают в ладоши.

В Вятской губернии отмечены лишь рождественские и троицкие песни. В Костромской – хороводные песни называются круговыми или ве́шными; есть и свято́шные или беседные, распеваемые на вечеринках. Там же записана и единственная масленичная песня.

Что касается до приуроченных к полевым работам, то таких удалось записать только две песни: сенокосную – в Вологодской губернии и помочанскую – в Костромской.

Из 126 протяжных песен 79 записаны в Вологодской губернии, в том числе 60 бытовых и разбойничьих, 17 солдатских, или вернее – воинских, как называют местные крестьяне, весьма удачно отличая их тем от известного пошиба песен, распеваемых солда́тами, и 2 песни тюремные или, по местному названию, заключе́нных. Из 29 записанных в Вятской губернии – 24 бытовых и 5 воинских. На Костромскую губернию приходится 18 протяжных, которые здесь называются уже проголосными, из них 16 бытовых и 2 воинских.

В Костромской губернии нам приходилось записывать песни и от старообрядцев, причем замечена та своеобразная особенность,

что все песни известного разряда в данной местности у них поются только на один напев, между тем как у православных той же местности для каждой песни имеется свой отдельный напев, а потому и происходит, что в одной и той же деревне напевы старообрядческие в огромной массе песен совершенно отличаются от напевов православных.

К этому краткому обзору собранных материалов я позволю себе добавить еще несколько народных выражений, относящихся к песенному искусству, – в дополнение к тем данным, которые сообщены мною в отчете о первой песенной экспедиции.

Песни по местному произношению всех трех губерний звучат как пи́сни; певцы или песенники слывут под именем писельников.

Слову напев среди певцов Вологодской губернии соответствуют: напев же, голос, прогласка и тон, причем последнее, по-видимому, с разными оттенками значения. Так, в Вологодском уезде говорят: «он тон знает», в смысле: хорошо помнит напев; в Сольвычегодском уезде в этом случае выражаются: «прогласку-ту я знаю». Тоны – в смысле видоизменений напева: «Разны тоны напевов бывают», – говорили певцы, когда мы сообщали, что у них эта песня иначе поется, чем в другом месте. Выражение: в тон противополагается выражению: на пересказ; причеты нам предлагали сообщить или в тон, или на пересказ. В Костромской губернии этому выражению соответствует: в голосянку. Говорят также: «Эта писня тяжела на голоса» и «Коляды у нас на один голос поются», точно так же, как и костромские старообрядцы: «Все писни у нас на один голос», т. е. на один напев.

Выражение: на пересказ не смешивается с выражением говором: на пересказ может передаваться то, что обычно поется, говором же произносятся стихи, вовсе не предназначенные для пения; это своего рода «декламация».

В соответствие к прогласке и напеву удалось отметить и самобытное название для музыкальной мелодии: шенкурские пастухи в Сольвычегодском уезде, показывая нам свое искусство играть на рожке, между прочим, сообщили, что «у каждого пастуха свой особый наи́грыш», т. е. своя излюбленная мелодия. Таким образом, для пения существует напев, для музыки наи́грыш.

С. М. Ляпунов записал один из этих своеобразных пастушьих наи́грышей, привез с собою и рожок[5]. Для обозначения медлен-

ного напева служат слова: полóго, пополóже (в Олонецкой и Архангельской губерниях: отлого, поотложе); говорят также: «протяжнее, не торопись». Скорый напев обозначается, как и в названных губерниях, словом круто: «не круто песня поется»; отсюда и песни с быстрым плясовым напевом называются крутыми.

В большей части песен известные стихи повторяются по два раза, но есть песни и без таких повторений; это последнее обозначается выражением: на проход, т. е. без повторения, как в Тотемском уезде, или «кряду поется», как в Никольске.

Любопытная особенность архангельских и олонецких певцов, не понимающих, что такое начало песни, и что значит спеть песню с начала, сплошь применяется и к певцам вологодским, вятским и костромским. Слову начало здесь соответствуют: конец или край: «С конца запевать?» или «опять с краю?» – спрашивали певцы, когда мы просили их снова повторить всю песню. «Не с конца сказала», – говорит певица, пропустившая первые стихи. «С конца-то не знаю», – отнекивается певец, позабывший начало песни. «С краю-то сдумал, конец-от забыл», – горюет певец, припоминающий старинную дедовскую песню.

Таким образом и здесь, по понятиям крестьян, песня является лишь «о двух концах» и начала не знает.

Выводы и наблюдения. Итак, вот в общих чертах те остатки старины, которые экспедиции удалось на этот раз спасти от грозившего им полного забвения. Почти все это, как уже было замечено, приходилось извлекать из памяти людей пожилых, пользуясь их доброю на то волею и сочувственным согласием. В нынешнем крестьянском обиходе в посещенных нами местностях таких песнопений, за малыми исключениями, уже не существует. Исконная русская песня находится там в несомненном упадке. Однако и нынешний русский крестьянин без песни обойтись не может, а для удовлетворения этой потребности своей он без разбора берет все то, что так щедро и подчас заманчиво дает ему не всегда приглядная современность. Песня городская и фабричная, быстро усваиваемая крестьянской молодежью, по легкости своего напева и по заманчивости содержания – почти всегда грубо неприличного и соблазнительного – путем отхожего промысла широко распространилась по лицу русской земли, достигнув самых глухих и отдаленных ее уголков. Легкость напева, обыкновенно

сопровождаемого гармоникой, делает эту песню доступной и для тех, нетронутых еще современною порчей, обитателей патриархальной глуши, которые усваивают песню, на первых порах даже не сознавая всей пошлости и грубости ее содержания.

К сожалению, такого рода песни чаще всего можно услышать в современной деревне.

Песни чисто солдатского пошиба пользуются среди крестьян также широким распространением. Гораздо реже попадаются песни, которые можно охарактеризовать выражением: «старые погудки на новый лад» или «новые погудки на старый лад». Это уже как бы одна из ступеней перерождения старой песни, с одной стороны, по напеву, с другой – по содержанию. Нередко приходилось мне записывать слова песни старой по своему содержанию, но уже утратившей свое полное значение вследствие замены старого напева новейшим, не представляющим никакого интереса и потому не заслуживающим музыкальной записи. С другой стороны, записывались иногда песни, сохранившие превосходный старинный напев, но успевшие уже утратить цельность своего содержания, благодаря новейшим вставкам и заменам одних слов другими. Наконец, были песни, из которых многие по началу своему напоминали старую любовную песню, отмеченную вообще чистым поэтическим чувством, но из дальнейшего приходилось убеждаться, что под влиянием новейших веяний они успели уже принять в себя черты так называемых «эротических» песен, очень мало имеющих общего со старою русскою любовною песней. Эта ступень перерождения песни в музыкальном отношении представляет любопытный материал для изучения, и на него обратил свое особенное внимание С. М. Ляпунов.

В некоторых местностях Вятской губернии женщины, утратив песенную старину и не удовлетворяясь современным характером песни, обращаются к особого рода духовным песнопениям, почерпая их из Сборника Стефана (?).

Среди крестьянских детей путем школы распространяются детские песенки, заимствуемые из специальных сборников, разумеется весьма мало приспособленных для деревни и далеко не всегда соответствующих понятиям крестьянских детей. Распевают они и стихотворения, разучиваемые в школе наизусть, а чаще всего перенимают от взрослых их модные новинки.

Более всего печальное положение песни сказывается, конечно, в местностях, где население занято отхожим промыслом.

Но забывается старая песня и там, где эта причина, по-видимому, не имеет места: песня там быстро исчезает наряду с переменою нравов, изменением речи и заменою крестьянской одежды платьем на городской образец. Какая причина здесь содействует этому – такому явлению? Ответ на это дал нам, между прочим, один благочинный священник, более 25 лет проживший в одном из древнейших поселений Вологодской губернии. С большим сочувствием отнесясь к цели нашего приезда, он, как старожил, наперечет знающий весь состав своего благочиния, с грустью заявил, однако, что мы опоздали. Лет 25 тому назад то, чего мы ищем, било здесь живым ключом. Но с тех пор всё, начиная с одежды и кончая песнопениями, успело измениться настолько, что о былом не осталось в народе даже и воспоминания. В прошлом году схоронили последнюю старушку, которая могла бы еще что-нибудь сообщить. Поразительно быстрое исчезновение доброй старины и замена далеко не всегда хорошими новшествами совпали, на его глазах, с тем временем, как большая часть мужского населения перебывала на военной службе, и это обстоятельство, по словам благочинного, нужно признать одной из виднейших причин перерождения деревни.

Такое нежданное, по-видимому, указание почтенного очевидца подтверждается, к сожалению, и нашими частными наблюдениями. Как в мои неоднократные поездки по глухим местностям севера, так и в нашу последнюю экспедицию неожиданные и нежелательные для деревни явления очень часто объяснялись и присутствием или влиянием отставного служивого. Поражающий, например, в глухой деревне: песенный мотив вместо какой-нибудь прогласки, и даже: «женский персонал» нашего хора – обличали в говоривших недавних воинов; кавалеры и барышни вместо парней и девушек – в устах наших певиц; кофты и платья – вместо сарафанов, которые, по их словам, только в соседней волости носят, а у них «уже не принято», – объяснялись несомненным влиянием того же источника, откуда исходит и «женский персонал».

Все это – выставляемые на вид признаки образованности в противоположность грубому деревенскому невежеству и разным стариковским глупостям, которые заслуживают лишь презрения и

насмешки, подлежат искоренению – искореняются, к сожалению, усердно и поспешно.

И в самом деле, что кроме насмешки и презрения ко всему деревенскому может принести с собой по возвращении в деревню бывший прежде крестьянин, если с самых первых шагов и во все время прохождения службы в его сознании по необходимости устанавливалось лишь прямое противоположение доброго заправского солдата так называемому неотесанному мужику...

Как человек бывалый, ловкий и грамотный, он без труда подчиняет себе в деревне окружающую среду и в сознании мужицкой неотесанности с самыми благими намерениями стремится к искоренению ее в возможно широких пределах. Но, расшатывая вековые устои деревни, он, по своему образованию и одностороннему воспитанию, конечно не в состоянии создать на этих развалинах что-нибудь сильное и положительное...

Я позволил себе остановиться на этом явлении, глубоко веруя в то, что время и опыт укажут возможность и способы направить этот могущественный по своему влиянию на народ источник лишь к вящему благу русской деревни.

Хорошим источником для проведения добра, без сомнения, должна служить и народная школа. Она могла бы быть полезною и для песенного дела. Если бы уцелевшие остатки старины, собираемые экспедициями и объединенные в особом издании, рассылались в сельские школы, то по крайней мере для подрастающей крестьянской молодежи они послужили бы добрым материалом для удовлетворения несомненно существующей в народе потребности к пению. Очень многие из этой молодежи с большим интересом относились к песням, которые пели нам старики и которых им негде было услышать в другое время. Успех этой школьной меры усугублялся бы еще тем обстоятельством, что песни давались бы путем книжки, к которой крестьянская молодежь относится все с более и более возрастающей верой.

Заключение. Заканчивая этим мой отчет об этнографической стороне экспедиции, я позволю себе высказать еще одно краткое замечание. Отправляясь в нынешнюю поездку, я не чужд был некоторого опасения за ее успех, ввиду того, что не до песен будет народу в тяжелое для него время после только что пережитых неурожая и эпидемии. Но эти опасения не сбылись. И если экспедиции удалось посильно выполнить возложенную на нее

задачу, то этим она прежде всего обязана высокому имени Государя Императора, осчастливившего экспедицию Своим Высочайшим соизволением, а затем и крестьянам, которые своим добрым и сочувственным отношением к нам и нашему делу доказали, что не одними лишь материальными нуждами живет истинный русский крестьянин. Ему доступны нужды и более высокие; он способен понять и оценить заботы и о духовной стороне, которая несомненно кроется в его истых народных произведениях.

Благодарение нашим певцам и благо всем тем, кто радеет и об этой духовной стороне русского народа под высоким покровительством всемилостивейшего Радетеля и верховного Монарха русской земли.

Отчет С. М. Ляпунова

В дополнение к сообщению Ф. М. Истомина я считаю не лишним сделать несколько замечаний более специального свойства, касаясь исключительно музыкальной стороны вопроса.

Ф. М. Истомин указал отчасти на причины, вследствие которых старинная русская песня стала исчезать в народе, на место же ее стали выдвигаться песни новейшей фабрикации, которые, получив преобладающее значение, оказали губительное влияние и на старинную русскую песню в тех местах, где она еще сохранилась. Поэтому было бы вообще небезынтересно проследить процесс самого перерождения старинной песни под влиянием новейших условий.

В настоящее время становится особенно заметным тот факт, что позднейшие варианты старинных песен представляются в мелодическом и ритмическом отношениях менее развитыми и страдают примесью посторонних элементов. Эти посторонние элементы по происхождению своему могут быть разделены на две категории: одна – происхождения солдатского, другая – городского.

Русская песня вообще, кроме своих чисто мелодических достоинств, отличается богатством и разнообразием ритмов, причем часто встречаются поразительные и необыкновенные сочетания различных ритмов в одной песне. Это разнообразие ритмов

встречается преимущественно в песнях обрядового характера, тогда как в протяжных песнях, как лирических, на первый план выдвигается мелодическое развитие музыкальных тем. Поэтому, когда в область народной песни вторгается элемент солдатский, то, к какому бы типу ни принадлежала песня, он вносит неизбежно характер противоречащий тому, что создалось в известной сфере песенного творчества. Он стремится подчинить все разнообразие естественных ритмов народной песни однообразному ритму пошлого характера; ему не свойственна эта свобода, подчас капризность чередования ритмов, составляющая одну из существенных особенностей песен, в которых она проявляется, и главную их прелесть. Кроме того, он совершенно уничтожает характер музыкальной выразительности и лирического настроения, присущий песням протяжным, выставляя на первый план ритм, т. е. именно то, что в этого рода песнях отодвинуто на последний.

Элемент городской, выразившийся в песнях фабричного или кабацкого творчества, вносит в самую мелодическую основу песен характер пошлости и тривиальности. Незаметными путями, действуя косвенно на эстетическое чутье народных масс, он, шаг за шагом, завоевывает себе все большую распространенность, и его движение тем более успешно, что идет рука об руку с развитием элемента солдатского. В конечных результатах оба эти влияния сходятся: пошлая мелодия всегда грубо ритмична, как, с другой стороны, чрезмерное предпочтение однообразного ритма становится пошлым. Можно было бы привести массу примеров из песен новейшей фабрикации, где ритм, какой бы он ни был, с назойливостью выдерживается в своем однообразии и часто при отсутствии какого либо мелодического содержания.

Так как сложный ритм и богатая мелодия требуют для усвоения своего известного напряжения воспринимающих способностей, то в этом отчасти и кроется разгадка того успеха, который имеют теперь в народе солдатские и городские песни: пошлая мелодия, состоящая из повторения одной короткой музыкальной фразы, не требующей напряжения ни памяти, ни слуха для усвоения ее, и при этом уложенная в самом простом, грубо-отчетливом ритме, – по самой легкости усвоения своего представляет большой соблазн и понижает общий уровень эстетических требований, заставляя довольствоваться тем, что легко и скоро

запоминается. По той же причине протяжная песня должна была наиболее пострадать от вторжения в ее сферу враждебных ей вышеуказанных элементов. Ее широкое мелодическое развитие наряду с новейшими немудреными песенками должно казаться слишком трудно воспринимаемым и исполнимым.

В то время как песни обрядовые, имея сами по себе характерные ритмические особенности, тем самым представляют значительное противодействие подчинению их однообразному ритму солдатского пошиба, протяжная песня вполне открыта для подведения ее под какой-либо однообразный ритм, а этим путем в ее сферу вторгается и пошлый характер городских песен. Независимо от этих причин, заключающихся в особенностях внутреннего характера песен, протяжная песня подверглась большему искажению еще потому, что она не находится в связи с какими-либо обрядами или обычаями, с сохранением которых связывалось бы сохранение и песен. В этом отношении в наибольшей чистоте сохранились свадебные песни; песни святочные, масляничные или троицкие хотя исчезают, уступая место произведениям фабрик и городов, но еще встречаются, несмотря на то, обрядовые игры, с которыми они были связаны, почти повсеместно исчезли.

Наблюдения, сделанные во время экспедиции прошедшего лета, вполне подтвердили вышеуказанные замечания относительно искажения протяжной песни. Один случай в особенности обратил на себя мое внимание, потому что мне пришлось прослушать двоих певцов, исполнявших, один вслед за другим, одну и ту же песню. Песня эта – «Сторона ль моя, сторонка» – по напеву носит характер старинной протяжной песни; мелодия требует обширного по объему голоса и по медленности исполнения очень трудна, вследствие чего певец долго отказывался петь, говоря, что ее не «вытянешь». Однако, по нашему настоянию он пропел ее довольно порядочно, выдерживая все остановки и «вытягивая». Когда же, чтобы проверить записанное, я попросил пропеть ее еще раз, и мне предложил спеть другой, я почти не узнал этой песни: затрудняясь «вытягивать» голосом, он прибегал к совершенно ненужному повторению одного и того же слова в тех местах, где следовало протягивать один слог; это придавало песне подвижность, облегчало пение, и вместо протяжной она делалась похожею на современную «частушку», как называют в народе новейшие песни.

Упадок народного музыкального вкуса и творчества можно видеть также в необычайном распространении самого антимузыкального инструмента – гармони. Обладая сомнительной интонацией и бедностью аккордовых сочетаний, состоящих исключительно в чередовании мажорной тоники и доминанты, инструмент этот дает возможность без труда воспроизводить только несложные мелодии новейшей фабрикации. Они как будто сочинены для этого инструмента, тогда как народная песня, если и исполняется иногда на гармони, то неизбежно в искаженном виде: инструмент оказывается неспособным воспроизвести все особенности мелодического рисунка, не говоря уже о том, что неуместное чередование тоники и доминанты совершенно изменяет характер мелодии, придает ей как бы ложный смысл. При почти совершенном исчезновении народных музыкальных инструментов такое распространение гармоний становится тем более печальным, так как ее влияние не встречает противодействия в кое-где сохранившихся остатках народной инструментальной музыки.

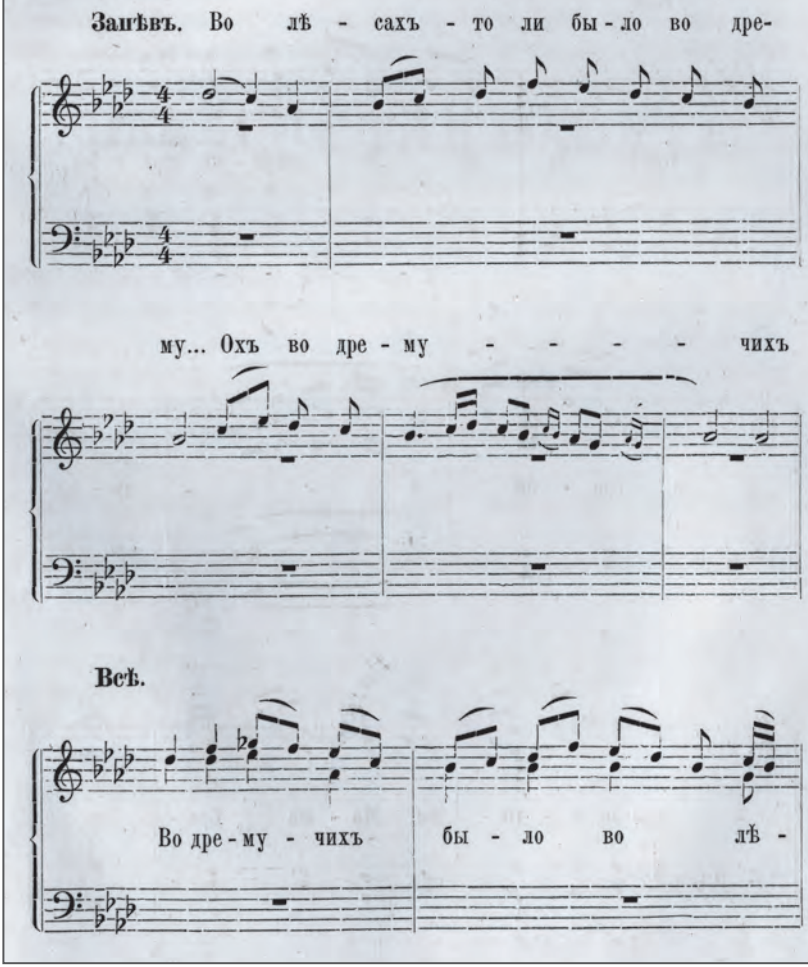
В заключение я упомяну о тех народных музыкальных инструментах, которые нам пришлось встретить во время экспедиции прошедшего лета: о пастушеских рожках в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии и черемисских гуслях и пузыре в Яранском уезде Вятской губернии. Рожок есть собственноручное произведение пастуха и состоит из двух прямых деревянных желобов, связанных вместе берестой; к одному концу прикреплен раструб, выдолбленный из цельного дерева. По бокам сделано 6 дырочек, соответствующих шести тонам в порядке гаммы. Для каждого инструмента пастухом сочиняется свой «наи́грыш». Один такой «наи́грыш» мною записан и представляет своеобразную, красивую мелодию. Черемисские гусли представляют пустой треугольный ящик с натянутыми на нем кишечными струнами разной длины. Играют обеими руками, и музыка очень примитивна. Пузырь – это прототип волынки; две маленькие трубочки, соединенные с бычачьим пузырем, который надувается костяной дудочкой.

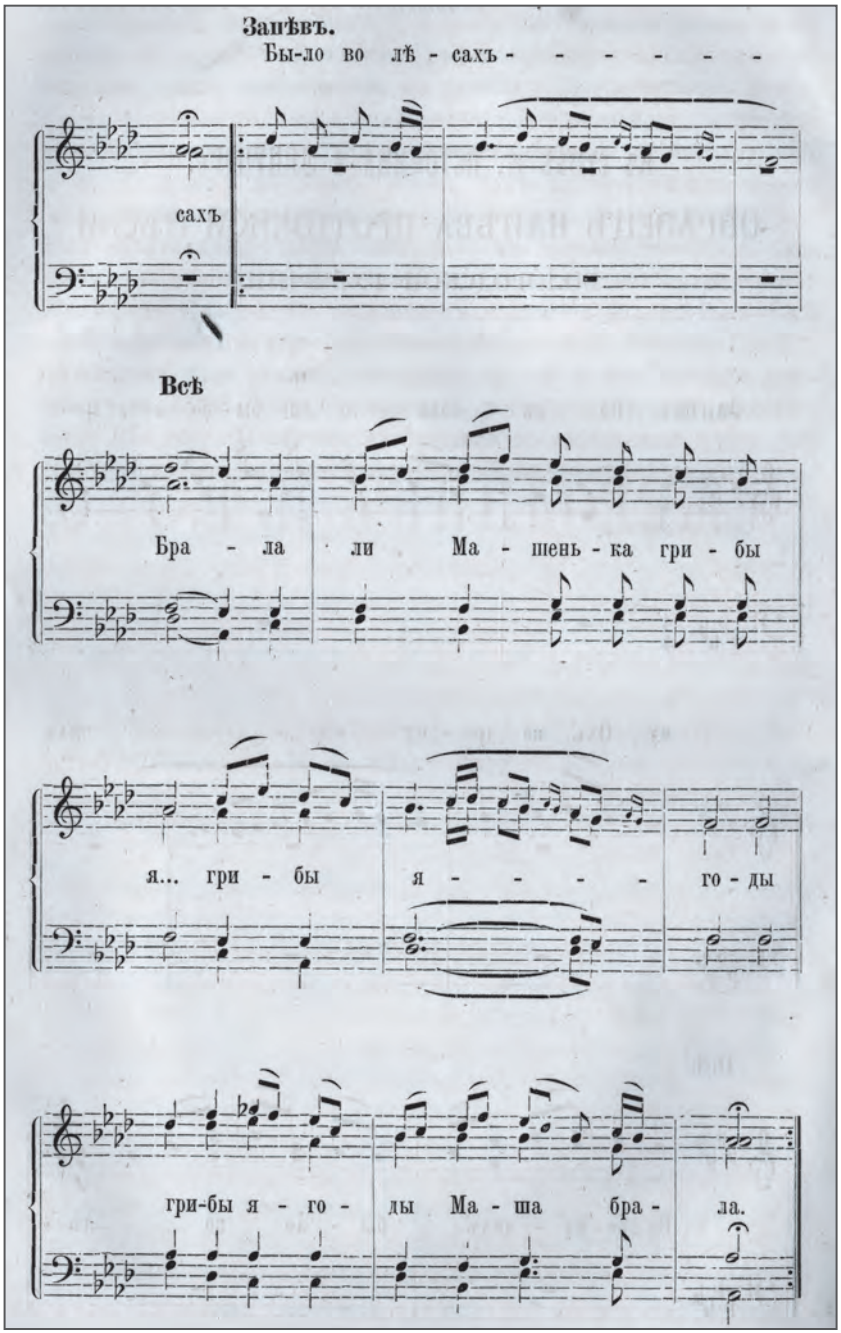
В виде образца собранных нами песен прилагаю здесь одну из протяжных песен Вологодской губернии. Она положена мною на голоса без малейших изменений основного напева и предлагается здесь в том виде, как была исполнена хором в общем собрании Общества, 10-го марта[6].

Къ статьѣ гг. ИСТОМИНА и ЛЯПУНОВА.

ОБРАЗЕЦЪ НАПѢВА ПРОТЯЖНОЙ ПѢСНИ

ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.




Запѣвъ.
Бы-ло во лѣ - сахъ - - - - - -
сахъ
Всѣ
Бра - ла ли Ма - шень - ка гри - бы
я... гри - бы я - - - - го - ды
гри-бы я - го - ды Ма - ша бра - ла.

Примечания

1 Опубликовано в изд.: Известия Императорского Русского географического общества. СПб., 1894. Т. 30. С. 331–354. Текст отредактирован в соответствии с современной орфографией и пунктуацией. *[Примеч. сост.]*

2 Разрядка здесь и далее принадлежит Ф. М. Истомину. Все географические и административные наименования приводятся в соответствии с их написанием в первоисточнике. [*Примеч. сост.*]

3 Здесь записаны песни от жителя Семенковской волости Вологодского уезда.

4 Сунская волость в Нолинском уезде Вятской губернии.

5 В Яранском уезде Вятской губ[ернии] С. М. Ляпунов записал наигрыши черемисских гуслей и пузыря.

6 В основу переложения для хора положена лирическая песня «Во лесах-то ли было во дремучих», записанная С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым в городе Никольске от «каменщика» А. А. Седукова, 56 лет из села Прилук Семенковской волости Вологодского уезда.

Список основной литературы

1. Алексеев Э. Е. Нотная запись народной музыки: теория и практика. М., 1990. 167 с.
2. Балакирев М. А. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / Ред., предисл., исслед. и примеч. проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. 375 с.
3. Бернштам Т. А., Лапин В. А. Виноградье – песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3–109.
4. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Муз. ред.-сост. А. М. Мехнецов. М., 1985. 390 с.
5. Браз С. Л. Песни земли вятской. М., 2001. 224 с.
6. Браз С. Л. Песни реки Лузы. М., 1977. 34 с.
7. Валовая М. А., Поздеев В. А. Духовные стихи // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В. А. Поздеев. Киров, 1998. С. 476–500.
8. Вятка-река. Песни из репертуара фольклорного ансамбля «Слобода», записанные в Кировской области / Сост.: И. А. Холманских, В. Ю. Холманских. Киров, 2004. 52 с.
9. Вятка-река. Песни из репертуара фольклорного ансамбля «Слобода», записанные в Нагорском районе Кировской области / Сост.: И. А. Холманских, В. Ю. Холманских. Киров, 2007. Вып. 2. 72 с.
10. Вятка-река. Песни Афанасьевского района Кировской области (по материалам фольклорной экспедиции 2008 года) / Сост.: И. А. Холманских, В. Ю. Холманских. Киров, 2011. Вып. 3. 164 с.
11. Вятский родник: Сборник вятского фольклора Нолинского и Уржумского районов Кировской области. Киров, 2011.
12. Вятский родник: Сборник материалов одиннадцатой научно-практической конференции. Киров, 2012. 112 с.
13. Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В. А. Поздеев. Киров, 1998. С. 329–335.
14. Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980. 392 с.

15. Зайцева Т. А. К истории создания торжественной увертюры на русские темы С. М. Ляпунова. По материалам его переписки с М. А. Балакиревым // Театр и литература. СПб., 2003. С. 247–262.
16. Зайцева Т. А. Балакирев и Ляпунов (А тот, кого учителем считаю) // Наше святое ремесло: Памяти В. В. Нильсена / Ред.-сост. и авт. вступ. ст. Т. А. Зайцева. СПб., 2004. С. 255–286.
17. Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. СПб., 1991. Т. 26. С. 5–21.
18. Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001. 455 с.
19. Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб., 2009. 800 с.
20. Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году / Пер. с англ., коммент. и предисл. Н. М. Демуровой. М., 2014. 127 с.
21. Линева Е. Э. Дневник путешествия по селам Вологодской губернии / Предисл., публ., примеч. Д. В. Смирнова // Живая старина. 2009. № 1. С. 43–46.
22. Лобкова Г. В. Особенности эпических напевов Вологодской области // По следам Е. Э. Линевой: Сборник научных статей. Вологда, 2002. С. 150–185.
23. Лобкова Г. В. Черты стиля эпических напевов Русского Севера (образцы северодвинских, вологодских и приуральского напевов и комментарии к ним) // Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001. С. 395–453.
24. Лобкова Г. В., Шейченко М. Н. Поминальные обряды сорокового дня в традиционной культуре мари // Вятский родник: Сборник материалов одиннадцатой научно-практической конференции. Киров, 2012. С. 36–42.
25. Львов И. Я. Новое время – новые песни: (О повороте в народной поэзии). Устюг, 1891.
26. Ляпунов С. М. Русские народные песни. Для голоса в сопровождении фортепиано / Вступ. ст. А. С. Ляпуновой; под ред. Е. В. Гиппиуса. [М.], 1963. 183 с.
27. Ляпунова А. С. Предисловие // Ляпунов С. М. Русские народные песни. Для голоса в сопровождении фортепиано / Под ред. Е. В. Гиппиуса. [М.], 1963. С. 1–5.

28. Ляпунова А. С. Из истории творческих связей М. Балакирева и С. Ляпунова (По материалам переписки) // М. А. Балакирев. Исследования и статьи. Л., 1961. С. 388–420.
29. Марченко Ю. И. Из ранних записей групповой причети на Русском Севере. Публикация Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики: Сборник научных трудов. Л., 1990. Вып. 3. С. 136–155.
30. Марченко Ю. И. Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций // Из истории русской фольклористики: Сборник научных трудов. СПб., 1998. Вып. 4–5. С. 298–337.
31. Маслов А. [Рец. на сб.:] Песни русского народа, собранные экспедицией Имп. Русск. геогр. общества в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы: С. М. Ляпунов. СПб, 1899 // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 520.
32. Народные песни Вологодской области: Песни Средней Сухоны (по материалам студенческих фольклорных экспедиций) / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981. 135 с.
33. Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / Сост., науч. ред., авт. проекта А. М. Мехнецов; авт. коллектив: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, И. В. Королькова, И. Б. Теплова, Г. П. Парадовская, Е. А. Валевская, Е. А. Пархомова, А. А. Мехнецов, Е. С. Редькова, И. С. Попова; отв. ред. Г. В. Лобкова; лит. ред. Е. А. Валевская. СПб.; Вологда, 2005. 448 с.
34. Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области / Сост. М. Л. Мазо. Л.; М., 1975. 63 с.: нот.
35. Онегина О. В. Фортепианное творчество С. М. Ляпунова. СПб., 2011. 275 с., нот.
36. Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 году Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова. (Читано в общем собрании ИРГО 10-го марта 1894 г.) // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1894. Т. 30. С. 331–354.

37. Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой: Сборник статей и материалов / Сост. и отв. ред. Т. З. Сквирская. СПб., 2012. 303 с. (Петербургский музыкальный архив. Вып. 9). 303 с.
38. Песни Заонежья в записях 1880–1980 годов / Сост., предисл. и примеч. Т. В. Краснопольской. Л., 1987. 184 с.
39. Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. 244 с.
40. Песни русского народа собраны в губерниях Вологодской, Вятской, Костромской в 1893 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899. 279 с.
41. 50 песен русского народа для мужского хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. / Положил на голоса И. В. Некрасов. СПб.: Песенная комисс. Рус. геогр. о-ва. 1901. VIII, 51 с.
42. Рамазанова Н. В. А. С. Ляпунова – хранитель и исследователь музыкальных рукописей // Петербургский музыкальный архив: Сборник статей и материалов. СПб., 1999. Вып. 3. С. 6–15.
43. Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / Вступ. ст., сост., коммент. П. А. Вульфиуса. М., 1979. 367 с., нот.
44. Русские народные песни (100), записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепьяно К. Вильбоа, текст под ред. Ап. Григорьева. СПб., 1860. 2-е изд. 1894.
45. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / Перелож. С. Ляпунов. Ор. 10. СПб.; Лейпциг, [1900]. 59 с.
46. Сборник [статей] Т. И. Филиппова. СПб., 1896.
47. 40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. М.: П. Юргенсон, [ценз. 1882]. 62 л.
48. Стасов В. В. Искусство XIX века // Стасов В. В. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 485–755.
49. Теплова И. Б. Духовное единение на почве веры: С. М. Ляпунов о православных традициях северно-русских крестьян // Древнерусское песнопение: Пути во времени. СПб., 2010. Вып. 4. С. 218–240.

50. Теплова И. Б. Песни святочных обходов дворов Вологодской губернии в записях С. М. Ляпунова // Источниковедение истории культуры / Ред.-сост. Э. А. ван Домбург-Окунева. СПб., 2012. Вып. 3. С. 98–107.
51. Теплова И. Б. С. М. Ляпунов: неизвестные материалы фольклорной экспедиции на Русский Север // Наследие: XVIII–XIX века: Сборник статей, материалов и документов / Сост. и ред. П. Е. Вайдман., Е. С. Власова. М. 2014. Вып. II. С. 352–363.
52. Теплова И. Б. С. М. Ляпунов // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова и А. Л. Топорков. М., 2010. С. 168–174.
53. Теплова И. Б. Слуховые записи фольклора экспедицией Песенной Комиссии ИРГО (1893 г.): К проблеме текстологического изучения // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. Материалы научно-практической конференции. М., 2008. С. 52–61.
54. Теплова И. Б. Фольклорный архив С. М. Ляпунова в собрании Отдела Рукописей Российской Национальной Библиотеки // Народная традиционная культура в образовательных программах и научных исследованиях: Сборник материалов Всероссийских конференций 2008–2010 годов / Науч. ред. Г. В. Лобкова, отв. ред. И. Б. Теплова. СПб., 2013. С. 233–248.
55. 35 песен русского народа для одного голоса с сопровождением ф.-п. из собранных в 1893 г. С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым / Перелож. С. Ляпунов. [Op.13]. [СПб.]: Изд. Рус. геогр. о-ва [1901]. 95 с.
56. Чухломской фольклор: В 2 т. Т. 1: Фольклорно-этнографические материалы / Сост. С. В. Алпатов, О. Е. Антонова, Е. В. Борисов и др.; под ред. А. В. Кулагиной, В. А. Ковпика. М., 2012. 440 с.
57. Чухломской фольклор: В 2 т. Т. 2: Музыкальное и танцевальное традиционное искусство / Сост. Т. В. Кирюшина, А. И. Шилин. М., 2013. 320 с.
58. Шереметев П. С. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. 180 с.
59. Шифман М. Е. С. М. Ляпунов: Очерк жизни и творчества. М., 1960. 142 с.
60. Яковлев В. И. Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья: Историко-этнографическое исследование. Казань, 2001. 320 с.

Список дополнительной литературы (краеведение)

1. Безверхова Л. Б. Архитектурный комплекс на Великой реке // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 5: Архитектура / Сост. А. Г. Тинский. Киров, 1996. С. 192–209.
2. Белоруков Д. Ф. Город Макарьев // Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города костромского края: Материалы для истории. Кострома, 2000. С. 178–180.
3. Белоруков Д. Ф. Поселок Кадый // Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города костромского края: Материалы для истории. Кострома, 2000. С. 103–104.
4. Белоруков Д. Ф. Поселок Островское // Белоруков Д. Ф. Деревни, села и города костромского края: Материалы для истории. Кострома, 2000. С. 271–272.
5. Бердинских В. А. Советск (Кукарка) // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 1: Города / Сост. В. Ф. Пономарев. Киров, 1994. С. 252–269.
6. Бердинских В. А. Верещагин Александр Степанович // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 6: Знатные люди: (Биогр. словарь) / Сост. С. П. Кокурина. Киров, 1996. С. 81–82.
7. Государственный архив Костромской области: Справочник / [Сост. Л. А. Ковалева, Н. Г. Бровкина, И. В. Герфанова, Н. А. Дружнина и др.] Кострома, 2005. Ч. 1. 327 с.
8. Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. 468 с.
9. Зонтиков Н. А. К вопросу о времени основания города Судиславля // Костромская земля: Краеведческий альманах / Сост. А. В. Соловьёва. Кострома, 2014. Вып. 7. С. 5–64.
10. Кокурина С. П. Хроника событий // Энциклопедия Земли Вятской: [В 11 т.]: Т. 1. Города / Сост. В. Ф. Пономарев. Киров, 1994. С. 87–101.
11. Кокурина С. П. Хроника событий // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]: Т. 5: Архитектура / Сост. А. Г. Тинский. Киров, 1996. С. 356–372.
12. Колеватов Н. А. Орлов // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 1: Города / Сост. В. Ф. Пономарев. Киров, 1994. С. 147–159.
13. Костромской календарь на 1895 год / Сост. и изд. Е. Туторский. Кострома. 1895. 102 с.

14. Котов А. Ю. Опоки // Новая экономика – новое общество: материалы науч.-практ. конф. Вологда, 2009. Вып. 4. С. 30–32.
15. Кошелев В. А. Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987.
16. Кузнецов С. К. Черемисская секта кугу-сорта // Этнографическое обозрение. 1908. Кн. 79. № 4. С. 1–59.
17. Макаров Л. Д. Вятка. Возникновение и первоначальное развитие города // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 1: Города / Сост. В. Ф. Пономарев. Киров, 1994. С. 10–34.
18. Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание всех православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне / Сост. П. П. Сойкин. СПб., 1910. 720 с.
19. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / Сост. Н. Спасский. Вятка, 1875.
20. Тинский А. Г. Планировка, застройка и архитектура города // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 1: Города / Сост. В. Ф. Пономарев. Киров, 1994. С. 34–70.
21. Тинский А. Г. Краткие сведения об архитекторах // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 5: Архитектура / Сост. А. Г. Тинский. Киров, 1996. С. 278–289.
22. Тинский А. Г. Успенская шатровая церковь Успенского Трифонова монастыря // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 5: Архитектура / Сост. А. Г. Тинский. Киров, 1996. С. 47–52.
23. Тумаков Н. Г. Хранитель истории // Вперед. [Красные Баки]. 1989. 28 июля.
24. Фабрично-заводские предприятия Российской империи на 1909 г. / Сост. Л. К. Езиоранский. СПб., 1909. Раздел 3, № 89.
25. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 16, СПб., 1895. 480 с.; Т. 16а. СПб., 1895. 481 с.; Т. 17. СПб., 1895. 482 с.
26. Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 1: Города / Сост. В. Ф. Пономарев. Киров, 1994. 447 с.; Т. 4: История / Сост. В. А. Бердинских. Киров, 1995. 524 с.; Т. 5: Архитектура / Сост. А. Г. Тинский. Киров, 1996. 383 с.; Т. 6: Знатные люди: (Биогр. словарь) / Сост. С. П. Кокурина. Киров, 1996. с. 544: Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В. А. Позднеев. Киров, 1998. 639 с.; Т. 10: Ремесла / Сост. Н. И. Перминова. Киров, 2000. 589 с.

Список сокращений

«Дневник путешествия»	С. М. Ляпунов «Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами». Автограф. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 1–82.
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
ФЭЦ СПбГК	Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Список иллюстраций

Фотографии № 2–8, 10, 12–20, 22, 24, 25
выполнены С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым;
№ 21– С. М. Ляпуновым; № 23 – Ф. М. Истоминым.
Подписи к фотографиям принадлежат С. М. Ляпунову.

1. Сергей Михайлович Ляпунов. 80-е годы XIX века. Научно-исследовательский отдел рукописей научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, № 283.

2. «Церковь Спаса Обыденного в Вологде». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 3.

3. «Церковь в селе Кубенском (Вологодской губ[ернии] и у[езда])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 1.

4. «Пустынь Св[ятого] Александра Куштского (Волог[одская] губ[ерния])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 2.

5. «Церкви в с[еле] Черевково (Сольвычег[одского] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 5.

6. «Строгановский собор в г[ороде] Сольвычегодске (Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 8.

7. «Белослудский погост (Сольвычег[одского] у[езда] Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 6.

8. «Монастырский собор в г[ороде] Сольвычегодске (Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 10.

9. «Набережная в Устюге с другой стороны (Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 13.

10. «Село Бобровское (Устюжск[ого] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 18

11. «Каменная часовня в Котовалово (Устюжск[ого] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 17.

12. «Деревянная часовня в Котовалово (Устюжск[ого] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 16.

13. «Вятка». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 20.

14. «Вятка (Собор Александра Невского)». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 19.

15. «Вид слободы Кукарки Яранского у[езда] Вятск[ой] губ[ернии]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 21.

16. «Черемисская деревня близ станции Кикнур Яранского у[езда] Вятской губ[ернии]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 22.

17. «Базарная площадь в г[ороде] Ветлуге Костр[омской] губ[ернии]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 23.

18. «Церковь в селе Белышево (Костр[омской] губ[ернии] Ветлужск[ого] у[езда])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 24.

19. «В костромских лесах». Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 26.

20. «Станция Куекша в костромских лесах». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 25.

21. «Ф. М. Истомин на Унже Костр[омская] губ[ерния]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 28.

22. «Макарьевский монастырь (Костр[омская] губ[ерния])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 29.

23. «С. М. Ляпунов на Унже (Костр[омская] губ[ерния])» Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 27.

24. «По дороге близ Судиславля (Костр[омская] губ[ерния])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 31.

25. «Кафедральный Успенский собор в г[ороде] Костроме». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 32.

26. Титульный лист «Дневника путешествия» С. М. Ляпунова, автограф. ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 37. Л. 1.

Содержание

Теплова И. Б.
С. М. Ляпунов – собиратель и исследователь
русского музыкального фольклора. 3

Ляпунов С. М.
Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую,
Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью
собирания русских народных песен с напевами 59

Истомин Ф. М., Ляпунов С. М.
Отчет об экспедиции для собирания
русских народных песен с напевами в 1893 году 174

Список литературы 200

Список сокращений 207

Список иллюстраций 208

1. 80-е годы XIX века

2. «Церковь Спаса Обыденного в Вологде»

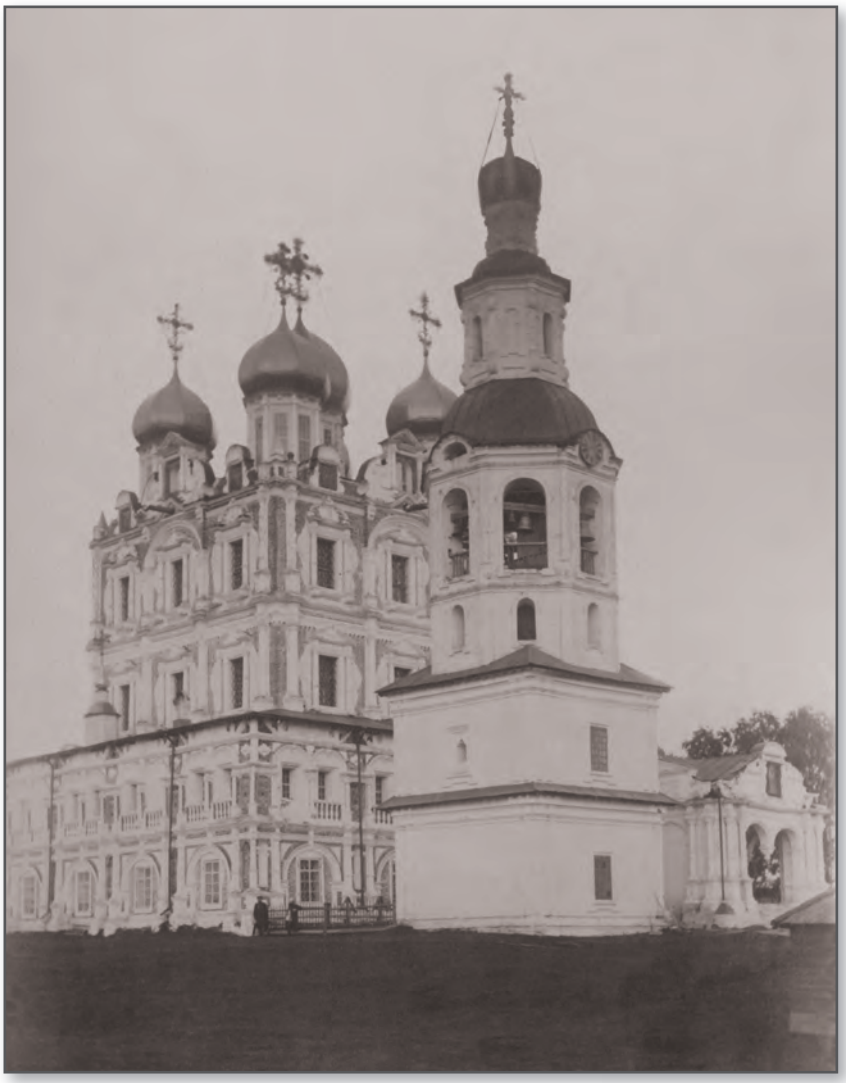
3. «Церковь в селе Кубенском (Вологодской губ. и у.)»

4. «Пустынь Св. Александра Куштского (Волог. губ.)»

5. «Церкви в с. Черевково (Сольвычег. у., Волог. губ.)»

6. «Строгановский собор в г. Сольвычегодске (Волог. губ.)»

7. «Белослудский погост (Сольвычег. у., Волог. губ.)»



8. «Монастырский собор в г. Сольвычегодске (Волог. губ.)»

9. «Набережная в Устюге с другой стороны (Волог. губ.)»

10. «Село Бобровское (Устюжск. у., Волог. губ.)»

11. «Каменная часовня в Котовалово (Устюжск. у., Волог. губ.)»

12. «Деревянная часовня в Котовалово (Устюжск. у., Волог. губ.)»

13. «Вятка»

14. «Вятка (Собор Александра Невского)»

15. «Вид слободы Кукарки (Яранского у., Вятск. губ.)»

16. «Черемисская деревня близ станции Кикнур (Яранского у., Вятск. губ.)»

17. «Базарная площадь в г. Ветлуге (Костр. губ.)»

18. «Церковь в селе Белышево (Костр. губ., Ветлужск. у.)»

19. «В костромских лесах»

20. «Станция Куекша в костромских лесах»

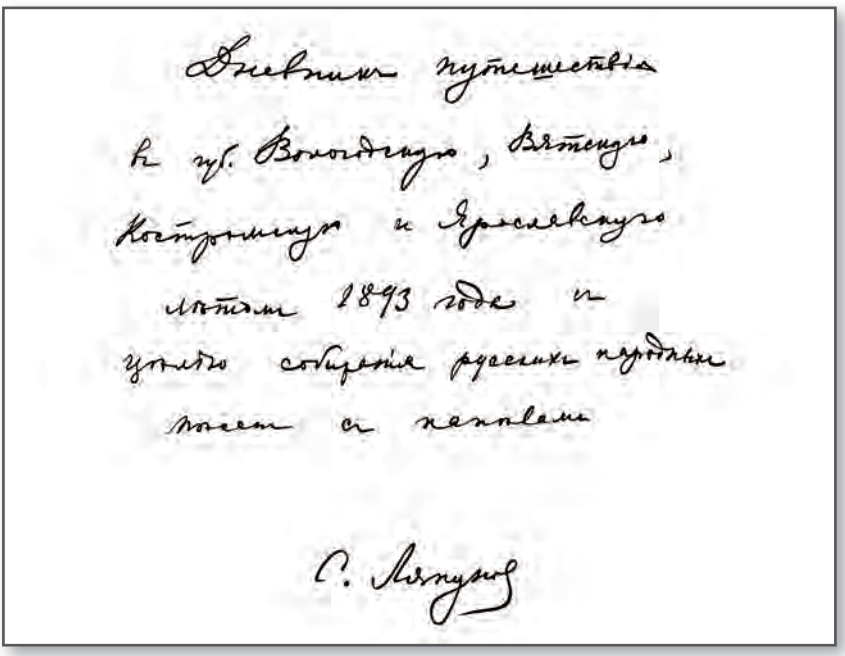
21. «Ф. М. Истомин на Унже (Костр. губ.)»

22. «Макарьевский монастырь (Костр. губ.)»

23. «С. М. Ляпунов на Унже (Костр. губ.)»

24. «По дороге близ Судиславля (Костр. губ.)»

25. «Кафедральный Успенский собор в г. Костроме»



26. Титульный лист рукописи, автограф

Научное издание

Ляпунов Сергей Михайлович

Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургской консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Оригинал-макет – Г. Н. Щупак

Компьютерная обработка иллюстраций, оформление обложки – С. В. Булкин

В оформлении обложки использована фотография «С. М. Ляпунов на Унже (Костромская губерния)»; автор фотоснимка – Ф. М. Истомин, 1893 г.

Подписано в печать 21.08.2015.
Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 14,25. Бумага офсетная.
Заказ 3408. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт»
197198 С.-Петербург, ул. Б. Пушкарская, д. 10, лит. А. пом. 32-Н